

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

АЛЕКСАНДР

БЕНГЕЛ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

*Собрание
сочинений
в девяти
томах*

МОСКВА «ТЕРРА» - «ТЕРРА» 1994

*Лаборатория Дуби́нвэ
Человек, нашедший свое лицо
Рассказы*

ТОМ ВОСЬМОЙ

МОСКВА «TERRA» - «ТЕРРА» 1994

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

Тексты печатаются по изданиям:

Беляев А.

Собр. соч. в 8 т., т. 6.

М., «Молодая гвардия», 1964.

Беляев А.

Собр. соч. в 8 т., т. 7.

М., «Молодая гвардия», 1964.

Беляев А.

Собр. соч. в 8 т., т. 8.

М., «Молодая гвардия», 1964.

Составление *В. Поситко*

Оформление художника *А. Янушкевича*

Б43 Беляев А.
Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8: Лаборатория
Дубльвэ: Роман. Человек, нашедший свое лицо: Ро-
ман. Рассказы. — М.: ТЕРРА, 1994. — 288 с.: ил.

ISBN 5-85255-424-3 (т. 8)

ISBN 5-85255-396-4

В настоящий том Собрания сочинений А. Р. Беляева вошли романы «Лаборатория Дубльвэ» (1938) и «Человек, нашедший свое лицо» (1940) — новая версия «Человека, потерявшего лицо»; а также рассказы «Мистер Смех» (1937) и «Невидимый свет» (1938).

Б 4702010000-013 Подписное
А30(03)-94

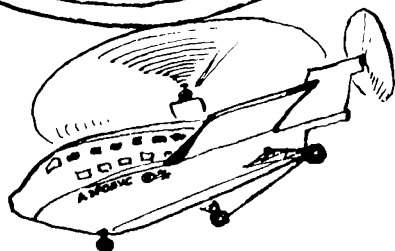
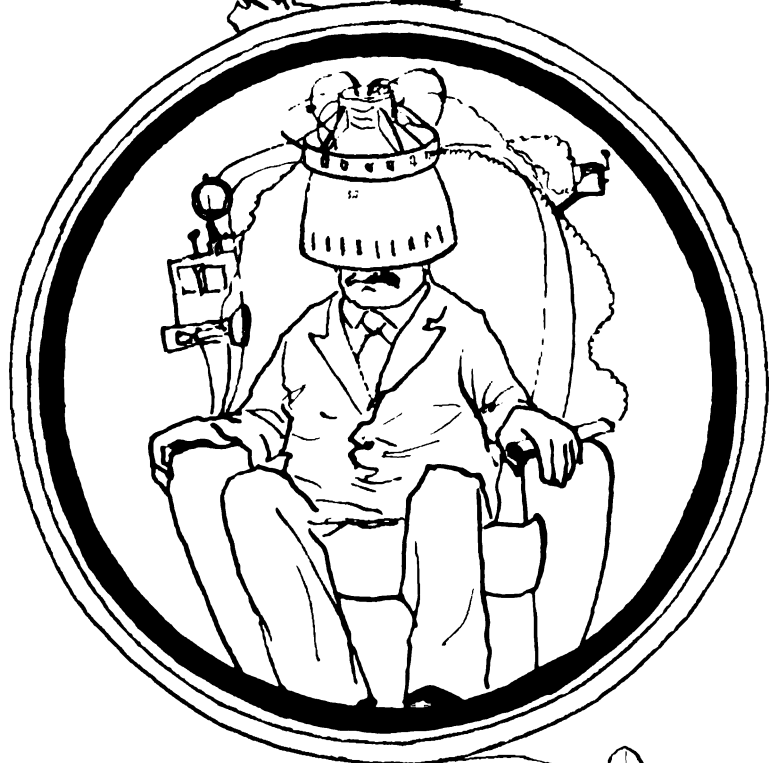
ББК 84Р7

ISBN 5-85255-424-3 (т. 8)

ISBN 5-85255-396-4

©Издательский центр «ТЕРРА», 1994

Лаборатория
Дубльвэ

НИНА Никитина вошла в большой прохладный вестибюль. На его пороге кончилась власть климата, времен года и суток. Бушевала ли над Ленинградом зимняя вьюга, или беспощадно палило июльское солнце, в новом здании Института экспериментальной медицины был свой постоянный климат с твердо установленной температурой и влажностью. После уличного зноя начисто отфильтрованный воздух освежал, как морской бриз.

Никитина огляделась вокруг: лифт-экспресс («Первая остановка на десятом этаже»), слева — медленно ползущий вверх пологий эскалатор, прямо — широкая мраморная лестница. Нина решительно двинулась к лестнице. Кабинет Зайцева был на десятом этаже, но ей хотелось выиграть время: еще немного подумать перед тем, как дать окончательный ответ...

Нина Никитина — аспирант, еще не имеющий звания кандидата биологических наук, — должна сегодня до некоторой степени решить свою судьбу: будет ли она работать с профессором Сугубовым. «Друзья-соперники», как их называют, оба крупные ученые, оба работают в одной области: над «узловой» проблемой медицины — проблемой долголетия, но у каждого своя школа, свое направление... И какие разные у обоих характеры!

Нина охотно пошла бы к Лаврову, но друг ее Семен Зайцев настойчиво советует работать со своим шефом — Сугубовым.

— Лавров — мечтатель, а Сугубов прочно, обеими ногами стоит на земле.

Нина медленно поднимается вверх, этаж за этажом. Ей видны длинные светлые коридоры, серо-серебристые двери с надписями: «Сывороточно-вакцинный отдел», «Отдел физиологии», «Лаборатория по изучению лучей», «Отдел микробиологии»...

Бесшумно прокатились электровагонетки с оперирован-

ными больными. Мелькают фигуры в белоснежных халатах.

Но вот и десятый этаж. У двери кабинета Зайцева маленький микрофон.

— Семен, можно?

— Нина? Входи, входи!

В кабинете темно. Только на большом столе, перед которым сидит Зайцев, одно за другим вспыхивают матовые стекла. Рядом — медицинская сестра, а перед нею — маленькая лампочка, освещающая только одну страницу тетради.

— Сейчас кончаю. Садись, Нина.

Зайцев занят «обходом» больных своего отделения. На матовых экранах появляются то кривая температуры и давления крови, то изображения пульсирующего человеческого сердца и дышащих легких. Одновременно слышатся удары сердца, сердечные шумы, легочные хрипы. Хитроумные приборы дают возможность видеть движение сосудов, рельеф слизистой оболочки желудка, печени и желчного пузыря, спинного и головного мозга...

Быстро мелькают анализы крови, мочи, выделений желез внутренней секреции. В несколько минут организм человека открывает перед врачом свои сокровеннейшие уголки.

Как ни слаба еще врачебная опытность Никитиной, она прекрасно понимает, что на небольших матовых экранах возникают и исчезают изображения органов старых людей: старческие, уставшие, расширенные сердца и легкие, склеротические сосуды, гипертрофированные простаты... Целый ряд болезней, порожденных преждевременной, патологической старостью.

— Ну, вот и все!

Зайцев быстро выключил аппараты. Экраны погасли, открылись металлические шторы, солнечный свет залил комнату.

Зайцев дал сестре несколько дополнительных указаний и, широко улыбаясь, повернулся к Никитиной.

— Еще раз здравствуй, Нина! Подсаживайся поближе.

Зайцев и Никитина — друзья с детства. Зайцев на шесть лет старше Нины. Он высок, худощав, черноволос.

— Ну, как решила? Сугубов или Лавров? Конечно, Сугубов? Да?

— Видишь ли...

— Так ты еще не решила? Колеблешься? Неужто опять повторять все сначала? Ну, слушай же...

* * *

В вестибюль вошел высокий, плечистый молодой человек с усами и остроконечной бородкой. На нем белый костюм, широкополая шляпа-панама.

Швейцар принял шляпу.

— Здравствуй, Миша. Когда рыбу удить поедем?

— В выходной день, Леонтий Самойлович.

— Профессор Лавров здесь?

— Нет еще.

Молодой человек взглянул на свои часы-браслет.

— Так. Ну, смотри, чтобы все было готово. Полетим на Чудское озеро. — И направился к лифту.

— Здравствуйте, Леонтий Самойлович, — поздоровался с ним научный сотрудник. — На последней олимпиаде в парке были?

— Нет, я теперь все свободное время за городом пропадаю. А кто победил? Разумеется, Самохин! Ведь это я указал ему настоящую дорогу. Раньше парень увлекался выжиманием тяжестей да бросанием диска!.. Ознакомился с особенностями его ног, с их строением, с влечениями самого Самохина. «Послушайте, товарищ Самохин, — говорю я ему, — да вы самой природой созданы для бега и прыжков». Самохин послушался моего совета, а теперь, видите, в мировые чемпионы выходит.

Сугубов (это был он, известный профессор Сугубов) вошел в лифт, сел в удобное кресло, нажал кнопку и быстро понесся вверх.

Тем временем в вестибюль вошел новый посетитель — бодрый, жизнерадостный старик с большими нависшими усами. Казалось, все его лицо излучало улыбку. Улыбались голубые глаза, улыбались морщинки вокруг глаз, улыбались усы. Глядя на это румяное, оживленное лицо, молодой швейцар невольно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Лавров! — весело воскликнул он.

— Здравствуйте, маэстро! — ответил профессор и шевельнул правой бровью. — Когда реванш?

— Через выходной день, Иван Александрович, если вы свободны, — ответил «маэстро».

Швейцар был одним из лучших мастеров шахматной игры и нередко состязался с Лавровым.

— Почему не в следующий? — спросил Лавров.

— В ближайший выходной едем на рыбную ловлю с Леонтием Самойловичем.

— Вот и попадете под дождь за измену шахматам!

— Дождь нам не страшен, Иван Александрович. Мы с Леонтием Самойловичем закаленные рыболовы и охотники.

— А он здесь?

— Пришел.

— Точен, как всегда. А меня в пути девочка задержала. Маму, извольте видеть, потеряла. Ну, пришлось покататься с ней на моем электромобиле. Хорошо, хоть скоро маму нашли... Так через выходной день у вас на квартире?

Лавров поднялся на десятый этаж. Он шел по широкому светлому коридору, и все встречные уже издали начинали улыбаться, как будто ожидая, что профессор отпустит одну из своих обычных шуток.

* * *

— Узержу тебя, Нина, ты не пожалеешь. Сугубов не только крупный ученый, но и великолепный педагог. Вот мы и пришли...

Зайцев и Никитина стояли перед дверью кабинета профессора Сугубова. Получив в микрофон разрешение войти, Зайцев открыл дверь и... Нина так смутилась, что быстро отступила назад, готовая вот-вот убежать. Оба профессора, Сугубов и Лавров, сидели в кабинете и горячо о чем-то спорили.

— Да входите же, чего вы испугались? — не совсем любезно крикнул Сугубов, недовольный тем, что спор прервался на самом интересном месте.

— Мы зайдем в другой раз... — дипломатично откликнулся Зайцев, но Сугубов настойчиво предложил им войти.

Зайцев учел обстановку и быстро изменил план действий. Никитина до последней минуты колебалась... Отлично, так и запишем!

— Я воспользовался тем, что вы здесь вместе. Иван

Александрович и Леонтий Самойлович. Мне хочется, чтобы вы совместно решили один вопрос. Суд Соломона, так сказать. Вот эта аспирантка...

— Видал, видал, — перебил его Сугубов, — вы слушали у меня лекции? Ваша фамилия...

— Никитина.

— Так вот, — продолжал Зайцев, — Никитина не может решить вопроса, с кем ей работать: с профессором Лавровым или с профессором...

— Но мы же за нее решать не можем, — снова перебил Сугубов. — И соперничать нам не пристало. Кто ей кажется краше, пусть того и выбирает.

Лицо Лаврова, как всегда, излучало улыбку. Он по очереди переводил взгляд с одного собеседника на другого и, наконец, заговорил:

— Леонтий Самойлович! Мне кажется, что здесь самым правильным будет именно соломоново решение...

— Разрубить этого младенца пополам? — Сугубов насмешливо кивнул головой в сторону Никитиной.

— Зачем же рубить? Пусть поработает и у вас и у меня. Ну, скажем, по четным дням у вас, по нечетным у меня... или по пятидневкам. Когда она ближе познакомится с работой каждого из нас, ей легче будет сделать окончательный выбор. Правильно я говорю, товарищ Никитина?

Нина утвердительно кивнула головой.

— Как же это так, работать и у вас и у меня? — возразил Сугубов. — Вы что-то совсем странное предлагаете, Иван Александрович.

— Соглашайтесь, Леонтий Самойлович, — сказал Зайцев. — В самом деле, это лучший выход: Никитина только выиграет, ознакомившись с методами двух школ.

Сугубов широко развел руками.

— Ну ладно, пусть будет так. Соломоново решение принимаю, но за благие результаты не ручаюсь.

Так, неожиданно и вопреки обычаю, Никитина стала помощницей двух ученых, двух «друзей-соперников».

* * *

Сугубов правил сам. Никитина сидела с ним рядом. Маленький светло-серый, блестящий, как зеркальное стекло, аккумуляторный электромобиль бесшумно двигался по

широчайшему проспекту, выложенному гладким настилом из желтых полос разных оттенков — от бледно-желтого до бурого. Каждая полоса была обсажена липовыми, каштановыми или сосновыми деревьями.

— Красота! — проникновенно сказал Сугубов. Он был в великолепном настроении. — Гляжу и не нагляжусь, не налюбуюсь на наш Ленинград.

Авто Сугубова двигалось со средней скоростью по светло-желтой полосе в липовой аллее. Профессор не спешил, он хотел подышать утренним воздухом. Рядом, по более темной полосе, в аллее каштанов (садоводы привили им благоухающие цветы белой акации и садовой сирени) быстро двигались более торопливые машины. Посредине улицы, в сосновой аллее, столь же бесшумно катились двухэтажные электрические вагоны на больших колесах с толстыми резиновыми шинами. Перекрестки не задерживали движения: автомобили и вагоны переходили перекресток, поднимаясь по пологому перекрытию-путепроводу или же спускаясь в пологую выемку пути под перекрытием. Для перевода машин с одной полосы на другую были устроены подземные тоннели.

Дома стояли не угрюмой сплошной стеной, как в старых, отживающих свой век кварталах города, они как бы росли на просторе, окруженные светом, воздухом, зеленью. Цветы устилали подножия домов, пестрели на окнах, уступах, балконах, красовались на плоских крышах, свисали с арок, обвивали колонны.

Раннее утреннее солнце золотило белоснежные вершины домов. Зеркала новых каналов отражали необычайно прозрачное для Ленинграда голубое небо. Великолепный проспект уходил вдаль, незаметно поднимаясь к Пулковским высотам. Несмотря на оживленное уличное движение, тишина стояла такая, что можно было разговаривать вполголоса.

— Чувствуете? Ведь липой пахнет! А тут еще на каштанах белая акация и сирень в цвету. Что делает наука! Цветы с весны до поздней осени! Пчеловодство — в центре города!

В самом деле, над цветущими деревьями и над газонами с гудением летали пчелы. На газонах кое-где стояли синие и красные ульи, сделанные в виде моделей многоэтажных домов затейливой архитектуры. Хорошо регулируемое

уличное движение не мешало пчелам, и пчелы не мешали людям.

— Радостно сознавать, что в этом замечательном преобразовании Ленинграда есть и твоя доля труда, — продолжал Сугубов. — Чудак Лавров посмеивался надо мной, говорил, что я размениваюсь, что я превратил себя в санитарного врача. А хоть бы и так!.. Мы объявили войну пыли — домашней, уличной, производственной. Мы объявили войну дыму — печному, заводскому, фабричному. Вы видите, чем кончилась эта война!

Никитина знала о том, что Сугубов в водолазном костюме опускался на дно старых каналов, чтобы и там навести чистоту и порядок, что он заглядывал на задние дворы и в канализационные трубы, путешествовал по тоннелям подземного Ленинграда...

За эту работу Сугубов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Теперь нам дано все не только для счастливой, но и для долгой жизни, — продолжал Сугубов. — Проблема долголетия, нормальной, здоровой старости решена Октябрьской революцией. И если тем не менее многие из нас умирают преждевременно, так это только потому, что сами допускают в круг своей жизни какие-то вредности. Вот эти-то вредности мы, врачи, и обязаны устранять.

К примеру, вчерашний случай с Прониной, работницей с завода «Синтез». Молодая девушка — и вдруг непорядок в легких! Похоже на отравление газами. Вот мы и посмотрим, не осталась ли какая-нибудь вредность на том производстве, где работает Пронина...

Электромобиль подошел к перекрестку, откуда надо было свернуть в сторону, и Сугубов направил машину в специальный тоннель. И здесь, под землей, свет казался естественным, солнечным. Воздух такой же чистый и теплый, как и на поверхности...

Тоннель шел некоторое время в том же направлении, как и надземная дорога.

Никитина вздрогнула: навстречу двигался электромобиль... Столкновение неизбежно! И... тотчас же улыбнулась: во встречных пассажирах она узнала себя и Сугубова.

— Ф-фу, никак не могу привыкнуть к этим зеркалам перед поворотами!

Сугубов затормозил. Но если бы он зазевался, то за него

ход машины затормозил бы автоматический тормоз с фото-элементом.

Далее тоннель развеялся. Сугубов свернул налево, и вскоре авто поднялось на улицу, пересекавшую проспект.

В этом квартале, среди домов оригинальной архитектуры, Никитину давно интересовал многоэтажный дом, построенный в виде уступчатой пирамиды. Каждой квартире принадлежала часть уступа, представлявшего собой большую площадку. С внешнего края она была огорожена изящной решеткой серебристого цвета, а от соседних участков отделялась густыми стенами ползучих растений. В дождь, в зимнюю и осеннюю погоду эти сады-площадки могли прикрываться прозрачными, как стекло, шторами из пластмассы, прекрасно защищающими от холода. Здесь росли не только цветы, но и плодовые растения, кусты ягод, клубники.

В это летнее утро все шторы были открыты, и дети заполняли сады-площадки. Ребята качались на качелях и качалках, пели, играли. Но их звонкие голоса не только не долетали до улицы, но и не мешали занятиям взрослых обитателей дома-пирамиды. Об этом позаботились советские ученые-акустики, создавшие остроумные изоляционные завесы-звукопоглотители.

Никитина в последний раз оглянулась на дом-пирамиду. Издали он был похож на изумительный водопад, зеленые воды которого ниспадали вниз.

— Хотела бы я жить в этом доме! — сказала Никитина.

Она уже побывала в доме-пирамиде у своей подруги и ознакомилась с его своеобразным устройством. Немало трудных задач пришлось разрешить архитекторам, проектируя здание. Жилые квартиры занимали только поверхность пирамиды. Вся внутренняя часть была занята универмагом, кинотеатром, клубом, библиотекой, амбулаторией, аптекой. Отличное искусственное освещение ничем не отличалось от солнечного. Прекрасная вентиляция, водопровод, отопление, канализация с необычной проводкой труб — все это доставило строителям немало хлопот. Зато счастливые обитатели квартир чувствовали себя в центре города, как на даче: принимали солнечные и воздушные ванны или же, сидя в плетенных креслах где-нибудь под вишней, грушей или яблоней, пили чай с вареньем из ягод, собранных в собственных садах...

— Не угодишь человеку, — отозвался Сугубов. — Вы говорили, что у вас прекрасная квартира? Так нет, дай лучше! За чем же дело стало? На Пулковском проспекте закладываются все новые пирамиды. Подайте заявку, и к ноябрю ваше желание исполнится. Буду у вас на новоселье.

Открылся гранитный берег Невы, обсаженный соснами. По реке вверх и вниз сновали голубые «автобусы» речного транспорта.

Сугубов и Нина подъезжали к новому мосту. Как и все другие, он имел перекрытие в виде цельного полуцилиндра из пластмассы, прозрачного и прочного.

При въезде на мост Сугубов задержал ход машины, а Никитина немного нагнула голову, как будто желая уберечь ее от невидимого препятствия. И в самом деле, в тот же момент она почувствовала на руках, голове, плечах, спине легкий тепловой удар, подобный удару струй теплой воды из душа. Удар повторился трижды.

Они проезжали воздушные завесы, предупреждавшие возникновение сквозняка на мосту. Воздух падал под значительным давлением, и поэтому невидимая завеса обладала заметной упругостью. Приходилось даже несколько сдерживать ход машины при въезде на мост.

— На таком мосту, — сказал Сугубов, — простуды не схватишь. Тепло и ниоткуда не дует, воздух свежий и чистый. Кажется, мелочь, но и эта мелочь на какую-то долю процента увеличивает среднюю продолжительность жизни ленинградца. Погодите, мы еще и не то... — Сугубов не кончил фразы, въехав в полосу воздушных завес на другом конце моста.

За мостом начинался рабочий город завода «Синтез»: жилые дома, магазины, школы, библиотеки, кино, театры, в том числе большой телевизионный театр, передающий постановки академических театров Москвы и Ленинграда.

Но вот квартал жилых домов кончился, и автомобиль, продолжая двигаться по той же прекрасной дороге, въехал в настоящий дремучий лес. Повеяло свежестью и смешанным запахом мха, папоротника, сосны и ели. Щебетали лесные птицы. Возле самой дороги на стволах деревьев усердно стучали дятлы, и белки прыгали с ветки на ветку.

Несколько лет тому назад лес был посажен как защитная зона, отделяющая жилой рабочий город от заводов с его

дымными трубами. Теперь трубы перестали дымить, а лес стал местом прогулок.

Но вот и конец леса. Открылось широкое поле, покрытое густой золотистой пшеницей. За нивой виднелась ажурная железная решетка, за нею — купы деревьев, а над ними — стеклянные громады завода «Синтез».

Когда Сугубов вошел в цех, в котором работала больная Пронина, его встретили инженер и представители рабочкома. Вскоре сюда же подошли секретарь партийного комитета и заведующий охраной труда. Сугубов был для них не только суровым критиком, но и добрым советником.

— Опять по нашу душу, Леонтий Самойлович? — спросил инженер.

— Что поделаешь! — засмеялся Сугубов. — За вами следы да следы! Производство ваше сложное. Тут и ацетон, и бензин, и сернистый ангидрид...

— Помилуйте, Леонтий Самойлович, — вступил заведующий охраной труда, — не вы ли сами раз двадцать вымывали и прочищали наш воздух! У нас тут фильтры, циклоны, вентиляторы... Да вы понюхайте, пожалуйста! Разве тут пахнет чем! Не цех, а курорт...

Все рассмеялись.

Сугубов сам не без удовольствия окинул взглядом огромный цех и глубоко вдохнул чистейший воздух. Да, это был его идеал: рабочий у станка должен дышать таким же чистым воздухом, каким дышит горный пастух или рыбак в море.

Никитина с интересом рассматривала цех, огромный, как зал столичного вокзала. Сложные агрегаты, перегонные кубы, эмсеевики, мешальные машины... Блестящий паркетный пол, зеленые кустарники и целые деревья у стен. Только не цветы! Сугубов был против цветов: их аромат мог замаскировать проникновение вредных газов.

Но больше всего заинтересовали Никитину свет, тишина и воздух. Слепящие и прямые солнечные лучи сюда не допускались — только рассеянные. Когда солнце заходило за тучу или садилось за горизонт, контролеры-фотоэлементы включали дополнительное искусственное освещение ровно столько, чтобы поддержать силу света на одном уровне. Звукопоглотители уничтожали все производственные шумы.

Профессор Сугубов недоверчиво бросил:

— Нос наш — плохой контролер. Вредные вещества могут и не иметь ощутимого запаха. Ведь это факт, что ваша работница, товарищ Пронина, лежит в моей клинике. Очень похоже, что ее легкие пострадали от какого-то отравляющего вещества.

Председатель рабочкома был явно смущен. После некоторого колебания он решительно заявил:

— А, пожалуй, вы правы, Леонтий Самойлович. Подруга Прониной — Лиза Серова тоже заболела и жалуется на легкие...

— Вот видите! — воскликнул Сугубов. — Товарищ Никитина, возьмите-ка пробу воздуха!

Никитина надломила тонкий кончик запаянной стеклянной трубки, воздух цеха вошел в сосуд, и трубку снова запаяли.

— Я был у Серовой, — сообщил секретарь парткома. — Ее квартира рядом с квартирой Прониной. Вот я и думаю: нет ли какой вредности, каких-нибудь ядовитых газов в доме, где живут обе подруги? Ведь у нас в цехе других случаев заболеваний не было.

— Обследуем дом и квартиру, — сказал Сугубов. — Но только откуда быть вредным газам в квартире? О других заболеваниях не слышно?

Сугубов прошел по цехам завода, проверил работу фильтров, вентиляторов, дал несколько указаний заведующему охраной труда и, попрощавшись, вышел с завода. Никитина за это время взяла еще несколько проб воздуха.

По приезде в ВИЭМ Никитина тут же отдала первую пробу воздуха в лабораторию для анализа. Затем вместе с Сугубовым направились в палату, где лежала Пронина. Сугубов учинил Прониной форменный допрос, но та по-прежнему твердила, что не знает причины своего заболевания.

— Ваши легкие отравлены каким-то ядовитым газом, — сердито сказал ей, наконец, профессор. — Пока не узнаю каким, не могу лечить. Придется выписать вас из больницы.

Тут Пронина не выдержала и рассказала совершенно неожиданную историю. У подруги ее, Лизы Серовой, есть жених, молодой химик завода «Синтез» Рябинин. Живет он в одном доме с ними. Рябинин любит химию, устроил у себя в подвале домашнюю лабораторию и проделывает там раз-

ные опыты. Недавно он объявил Серовой и Прониной, что изобрел необычайный газ, и притом совершенно безвредный... На себе проверил! «Понимаете, человек грезит наяву! Никакое кино не доставит столько удовольствия, как этот безвредный наркоз». И Рябинин тут же пригласил подруг к себе на сеанс. Все шло хорошо. Но тут под влиянием наркотика Серова замахала руками — ей показалось, что она летает, — задела и разбила баллончик с каким-то другим газом. С каким именно газом, Пронина не знает. Рябинин тоже пострадал, но меньше. Обо всем этом они с Серовой решили не говорить, боясь навлечь на Рябинина неприятности, — жених ведь...

И Пронина заплакала: обидно стало, что пришлось выдать тайну друзей. Никогда еще Никитина не видела Сугубова таким взбешенным.

— Скажите мне адрес этого вашего жениха... Да не плачьте вы, ничего с ним не будет! Его можно застать дома? Едемте, Никитина!

Подошел лаборант и подал бумажку.

— Анализ воздуха.

Сугубов наскоро просмотрел анализ.

— Азот, кислота, аргон, двуокись углерода, вот... 0.01 — даже меньше средней нормы... Водород, неон, криптон, гелий, озон, ксенон... Все в порядке.

* * *

В этот день Никитина возвращалась домой в аэробусе. Она сидела возле окна и задумчиво смотрела на лучи проспектов и каналы новых районов города. Когда-то мелководные речки: Черная, Волковка, Пулковка, Большая и Малая Кировка, Дудергофка, Красинька и другие — были соединены друг с другом, наполнены водой из Невы, закованы в гранит и превращены в новые каналы, по которым сновали бесчисленные суда водного транспорта.

День медленно угасал.

«Какой интересный, содержательный день!» — думала Нина.

И как хорошо, что она работает с Сугубовым! Широчайший охват тем, внимание, чуткость к человеку... Взять хотя бы Пронину. После признания девушки выяснилось, что причина ее болезни — «частный случай», который никак не

может повлиять на «продолжительность жизни ленинградца». Тем не менее Сугубов не поручил этого дела никому другому и не успокоился до тех пор, пока сам не расследовал его до конца. Да, он любит и жалеет людей, хотя умеет и бранить их. Неудачливый изобретатель «психического кино на дому» Рябинин, вероятно, до конца своих дней не забудет той головомойки, которую закатил ему Сугубов. Зато легкие Прониной, Серовой и самого Рябинина будут излечены в кратчайший срок... Замечательный человек Сугубов! Он умеет совместить борьбу за продолжение жизни всех ленинградцев с борьбой за сохранение и продление жизни каждого человека в отдельности. Зайцев был прав, рекомендуя работать с Сугубовым. У него действительно можно многому научиться. Она останется работать у него.

Аэробус опустился по вертикали и плавно, без толчка, сел на плоскую крышу большого здания.

Открылись двери, автоматически выдвинулись лесенки. Пассажиры вышли из вагона. В двери с противоположной стороны уже входили новые пассажиры. Спустя минуту все лесенки снова были убраны, двери захлопнулись, и аэробус бесшумно поднялся вверх.

Никитина спешила к своему дому по легкому и узкому пешеходному мостику, переброшенному через дорогу на высоте второго этажа. Лифт спустил ее с мостика возле самого дома, другой лифт поднял на пятый этаж, в коридор, широкий и длинный. Вот и дверь ее квартиры. Она не заперта: кражи давно отошли в область преданий.

Во внутреннем стенном ящике возле двери Нина нашла ужин, заказанный ею в «Гастрономе», взяла горячей воды, которая всегда была наготове в чистой, как лаборатория, кафельной кухне, заварила чай и принялась ужинать в своей уютной столовой. Рядом — рабочий кабинет с удобным письменным столом из черного дуба, с мебелью, обитой коричневой кожей. Тут же в шести вместительных шкафах помещалась библиотека девушки. Пол был устлан мягким ковром. Стены оклеены легко моющимися обоями темно-коричневого цвета. Стены спальни, наоборот, были светлые, почти белые, с серебристым узором, яркий свет заливал все уголки спальни. Посреди комнаты на ковре — синяя кровать с белоснежной постелью, в углу — туалетный столик с зеркалом в синей раме, возле кровати — два легких синих стула. Последняя небольшая комната служи-

ла то комнатой для приезжающих — здесь стояли два дивана, то лабораторией — в нескольких стальных шкафах помещались химикалии, микроскоп, инструменты для биологических опытов, то просто «рабочей комнатой». Ящики помещавшегося в углу простого стола были наполнены разными столярными и слесарными инструментами и материалами. Нина в шутку называла иногда эту комнату еще и «зимним садом». Возле окна на столе находился японский карликовый сад с толстыми деревьями двухсотлетнего возраста, но всего двадцати-тридцати сантиметров высоты.

...С ужином кончено. Остатки отправлены в мусоропоглотительную трубу. Руки вымыты. В кондиционной установке повернута ручка, чтобы усилить обмен воздуха и проветрить комнату после ужина, телефон включен. И в тот же момент Никитина слышит голос Зайцева. Она может разговаривать с ним, не беря в руку телефонной трубки и продолжая спокойно сидеть в мягком кресле: репродуктор и микрофонная установка на столе хорошо переносят звуки в ту и другую сторону.

— Нина! Я говорил с тобой, но ты не отзывалась.

— Аппарат был выключен. Не люблю разговаривать с цыплячьим крылышком в руке.

— Скажи мне, чем кончилось ваше расследование по делу об отравлении Прониной? И какому наказанию подвергнут преступник? Наверно, добрейший Леонтий Самойлович у этого Рябинина все колбы перебил?

— И колбы, и ребра, — смеясь, ответила Нина и рассказала о поездке к Рябину.

— А каково твое решение: попробуешь еще поработать с Лавровым или останешься с Сугубовым?

— К Лаврову мне теперь переходить незачем. Остаюсь у Сугубова.

— Очень рад... Сегодня вечером никуда не идешь? Нет? Ну, до свидания! — И голос Зайцева умолк.

Нина поднялась, прошла в кабинет, села за стол и раскрыла толстую книгу. Многочисленные микроскопические фотоснимки вдоль широких полей книги поясняли почти каждую строчку. Пристроив аппарат, проецирующий эти рисунки в увеличенном виде на небольшом настольном экране, девушка углубилась в занятия. В движении, в красках, видела она и работу желез, выделяющих гормоны, и разрушение красных кровяных телец, и превра-

шение в новые кровяные тельца кровяных клеток-эритробласт, и причудливые блуждания лейкоцитов. Иногда картины пояснял голос самого автора книги.

Вот Нина видит кожный покров пальца, как бы изнутри его. Вдруг покров прорывается, и в прорыв проникает конусообразное тело, похожее на нос межпланетной ракеты, но с очень грубо «обтесанной» поверхностью. Появляется и исчезает. Это швея уколола себе палец иглой. С «ракеты» — острия иглы — свалились на края и на дно образовавшегося отверстия огромные глыбы камня, целые утесы (в действительности это ничтожные пылинки, молекулы твердых частиц). Вместе с ними проникли сквозь брешь прокола и странные тельца в виде шариков, соединенные в цепочки. Это страшные стрептококки, которые могут вызывать у человека и рожу, и заражение крови, и различные гнойные процессы. Враг проник в организм! Какой-то неведомый «беспроволочный телеграф» сейчас же разносит эту весть по окружающим тканям и сосудам тела. И вот целые полчища лейкоцитов уже спешат навстречу врагу. Они то вытягиваются в ниточку, проникая сквозь стенки сосудов, то собираются в комочек, то выпускают бесформенные ножки, чтобы быстрее двигаться через ткани тела и нащупывать дорогу, и тогда начинают походить на диплодоков, неуклюжих животных минувших эпох. Наконец они добираются до места, отрывают от цепочки один смертоносный шарик, медленно обволакивают его своим телом — плазмой и... «съедают», переваривают, растворяют... В ожесточенном бою массами гибли кокки, но гибли и лейкоциты, убитые ядами, которые выбрасывали из себя бактерии. Но на этот раз победили лейкоциты. Враг уничтожен. Жизнь швеи спасена. А швея? Она и не подозревала о напряженной схватке, в которой участвовали миллионы бойцов под кожей ее пальца. Она заметила лишь небольшое нагноение...

Но — изумительное дело! — те же самые лейкоциты становятся врагами стареющего человека, внося в его организм болезненные изменения. Можно часами смотреть на эти полные захватывающего интереса картины, забыв о еде, о сне, обо всем...

«Радиогубернер», заведенный самой же Ниной, уже несколько раз напоминал ей о позднем времени, с каждым разом все громче, все настойчивее.

— Да иду! Вот надоедливый! — наконец не выдержала она, улыбнулась, сладко зевнула, погасила аппараты и закрыла увлскательную книгу, подсунув под нее стопку исписанных листов бумаги. Нина писала научный труд на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

«Восемь часов! Пора вставать!» — произнес отчетливо радиобудильник.

Нина открыла глаза. В спальне стоял сумеречный свет ленинградского осеннего утра. По железному подоконнику стучали капли дождя. Ленинградцам удалось значительно улучшить климат своего города, но изменить его более решительно они не могли. Переделка климата в пределах одного города невозможна, а борьба за изменение климата в мировом масштабе еще только начиналась.

Вековечный спор европейского ледника — Гренландии — с печкой Европы — Гольфштремом — продолжался: ленинградская погода оставалась неустойчивой, осень и зима несли с собой дожди и туманы вперемежку с заморозками, морозами и неожиданными оттепелями.

Нина проснулась в плохом настроении. Отчего бы это? Действие осени, дождя, серого утра? Нет, не то: ее настроение было испорчено еще вчера... И вдруг она вспомнила: Лавров!

Вчера утром, как всегда, она вошла в кабинет Сугубова. Леонтий Самойлович, сердито нахмурив брови, ходил по комнате. За столом сидел улыбающийся Лавров. При появлении Нины он поднялся с кресла и, подойдя к ней, сказал:

— Товарищ Никитина, позвольте вам напомнить о вашем первом появлении в этом кабинете. Тогда, помните, вы колебались, с кем вам работать, со мною или с Лсонтием Самойловичем. И мы решили: будете работать попеременно у профессора Сугубова и у меня. Вместо одной пятидневки вы непрерывно работали у профессора Сугубова более двух месяцев. Но не пора ли вам поработать и у меня?

В этот момент Никитина почти ненавидела Лаврова: нетактично! Неужели старик не понимает, что она уже сделала выбор? Как бы отвечая на ее мысли, Лавров улыбнулся.

— Насильно мил не будешь, и я не напоминал бы вам о нашем договоре, если бы не одно обстоятельство. Мой лаборант, моя правая рука, уехал в длительную командировку, и вся моя работа стала. Вот тут-то я и вспомнил о вас. Ну,

думаю, и вы сама и профессор Сугубов, конечно, не откажете мне в товарищеской услуге...

Вот как поставил вопрос этот хитрый Лавров! И возразить нечего... Нина в последней надежде обратила умоляющий взгляд на Сугубова. Но форма просьбы, видимо, и его обезоружила...

И вот сегодня Нина должна начать работать с Лавровым. Она сердито бьет ногой по кровати, нехотя встает и направляется в ванную. Гидроэлектромассаж изгоняет дурное настроение. Вчерашняя сцена в кабинете уже не кажется ей столь неприятной.

* * *

— А где же профессор Лавров? — спросила Нина, обводя глазами кабинет.

Из-за бюро в углу кабинета выглянула женщина.

— Товарищ Никитина? — спросила она. — Профессор Лавров пошел в лабораторию регенерации. Он просил вас разыскать его, как только вы придете.

Никитина кивнула головой и вышла из кабинета.

Направо и налево по коридору — двери, двери без конца...

Но сколько же у него лабораторий! У Сугубова только одна — химическая, и в ней производятся самые разнообразные анализы. «Моя лаборатория — весь Ленинград», — говорит Сугубов.

«Лаборатория КВ», «Лаборатория УКВ», «Лаборатория...», «Лаборатория...» — читала Нина надписи на дверях. А вот, наконец, и «Лаборатория регенерации».

— Можно войти? — спрашивает Нина в микрофон у двери и слышит в ответ:

— Нельзя.

— Но мне нужно видеть профессора Лаврова.

— Профессора Лаврова срочно вызвали в рентгеновский кабинет.

Нина досадливо пожала плечами.

Встречная санитарка указала ей, как пройти в рентгеновский кабинет. Оказывается, их несколько десятков, но главный находится в подвальном помещении.

Никитина решила пойти в главный кабинет. Не без труда разыскала она в лабиринте широких коридоров и

залов подвального этажа огромную стальную дверь. Над ней ярко-красным светом горели слова:

НЕ ВХОДИТЬ! ВКЛЮЧЕНО 3000000 ВОЛЬТ!

На вопрос, в кабинете ли профессор Лавров, Нина получила ответ:

— Да, он здесь и просит вас подождать. Аппарат будет скоро выключен.

Через три минуты красные буквы погасли, и тяжелая дверь открылась.

Лавров сидел в кресле перед высокой стеной, не достигающей до потолка. Эта толстая стена из бетона и свинца должна предохранять врача от действия чудовищного аппарата. Над стеной поднимается перископ.

— Вы еще не видели эдакой тяжелой артиллерии! Не хотите ли заглянуть в перископ? — предложил Лавров Нине.

Никитина посмотрела и увидела: такой же пустой зал, посредине — сложный аппарат с огромной двенадцатиметровой стеклянной лампой. Больного не видно. Вероятно, он уже увезен автоматической вагонеткой...

— Ну, вы еще насмотритесь на все это, Нина. Идем в лабораторию!

* * *

Лаборатория регенерации несколько напоминала магазин живой природы. На высоком столе у одной из стен в несколько этажей были установлены аквариумы, террариумы, клетки с птицами и белыми мышами. За стеклами виднелись морские звезды, гидры, лягушки, дождевые черви, раки, пауки, ящерицы, полипы. У многих ящериц были двойные и тройные хвосты. У лягушек раздвоенные ноги, у асcolотла пятая нога на спине — результат действия регенеративных сил...

На столе, расположенном посреди комнаты, заведующий лабораторией Марин с ассистентом, рыжеволосой девушкой, производили какую-то сложную операцию на спине асcolотла. На длинном столе возле другой стены — стеклянная посуда, приборы химической лаборатории. В углу шкаф с химикалиями.

Осмотрев лабораторию, Нина с недоумением обратилась к Марину:

— Я не совсем понимаю, какое отношение имеет изучение регенерации к проблеме старости...

— Косвенное, — коротко ответил Марин.

— Знакомитесь с нашим хозяйством? — обратился к Никитиной Лавров.

— У вас много помощников? — ответила Нина вопросом на вопрос.

— У них у всех своя работа. А мне нужна такая помощница, которая ходила бы за мной, как нянька. Работа найдется, не беспокойтесь. Разве этого мало? О, если бы можно было работать дни и ночи! Но... голова начинает уставать. — Он похлопал по своему высокому лбу. — Работы бесконечно много. Вы сами знаете, что, несмотря на все успехи, медицина страшно отстала от общего прогресса страны. Медицина в неоплатном долгу у народа. И каждый недожитый день каждого гражданина СССР увеличивает этот долг.

И Лавров с горячностью стал доказывать, что неизлечимых болезней нет. Дело лишь в том, что медицина еще не нашла средства для излечения этих болезней.

— Но мы найдем эти средства, обязательно найдем!

Никитина внимательно слушала Лаврова. Перед ней был как будто совершенно другой человек. Ее поразили не слова ученого — нет, она и сама не раз об этом думала. Ее поразила глубокая убежденность Лаврова. Так вот какой огонь пылал под холодным пеплом старости!

— Я вовсе не хочу преуменьшать достижения нашей медицины, они велики. Именно благодаря им с каждым годом все больше граждан доживает до старости. Не в этом дело. Дело в том, что в большинстве случаев старость и является самой страшной и неизлечимой болезнью. Вы знаете, что именно здесь я расхожусь с профессором Сугубовым. В самом деле, даже и при самых благоприятных условиях, какие у нас сейчас имеются, предел человеческой жизни — семьдесят — семьдесят пять лет. А теория говорит, что жить мы должны сто двадцать — сто пятьдесят лет и при этом почти до конца дней своих быть бодрыми, здоровыми, работоспособными, обладать светлым умом и твердой памятью. Откуда же появляется эта «собачья старость», с ее специфической дряхлостью, старческим слабоумием?.. В чем тут корень зла? Может быть, капитализм и предшествующие ему эпохи испортили гены людей, созда-

ли вредные мутации? Как бы то ни было и что бы ни утверждал профессор Сугубов, стариков одолевает склероз, лейкоциты размножаются и поедают благородные ткани, всяческие отбросы, «шлаки» организма постепенно засоряют его, размножаются вредоносные бактерии, работа желез разлагается, а неразрывно с этим и весь организм расшатывается. Вот что делает нашу старость патологической, болезненной, вот что отравляет наши последние дни! Теперь, надеюсь, вам понятна моя «школа», линия моих работ? Я веду активную борьбу с патологическими явлениями старости: со «шлаками», лейкоцитами, бактериями. Я стремлюсь достигнуть «великого очищения» старческого организма от всех вредоносных факторов, а тем самым продления счастливых дней наших соотечественников... Ну-с, а теперь скажите, следует мне в этом помочь? — заключил Лавров, и добрая, лукавая улыбка заиграла на его губах.

* * *

Работа у Лаврова захватила Никитину.

Ей действительно приходилось неотступно ходить за Лавровым. Она записывала в блокнот указания профессора многочисленным научным сотрудникам, новые мысли, которые рождались у него во время работы, проверяла исполнение работ. Затем отправлялась в лабораторию ультракоротких волн и помогала Лаврову производить опыты. Для каждого класса и вида бактерий, живущих в организме, он старался подобрать такой вид лучистой энергии, который убивал бы только эти определенные бактерии и был совершенно безвреден для других, а также для клеток организма. Работа чрезвычайно тонкая и сложная!

Опыты производились исключительно над животными.

Нина была хорошо осведомлена почти о всех работах своего патрона. Только в лаборатории Z и W Лавров никогда не заходил вместе с ней. Однажды Нина поинтересовалась, что помещается в этих лабораториях.

— Много будете знать — скоро состаритесь, — отшутился Лавров. Но неожиданно сам открыл перед Ниной дверь лаборатории Z: — входите!

Темно...

Щелкнул выключатель, вспыхнул свет под потолком, и

Нина увидела комнату, напоминавшую купол обсерватории. Стены, постепенно переходившие в круглый потолок, были сплошь покрыты свинцовыми листами, так же, как и дверь. Окна отсутствовали. Пол из блестящей, немного эластичной при нажиме ногой массы.

Лавров приоткрыл дверь. Щелкнула задвижка, и сверху до полу опустилась мелкая металлическая сетка.

— Прислушайтесь: здесь тише, чем в знаменитой Павловской «Башне молчания». Сюда не долетает ни один звук. И ни один ток, ни одно электроколебание не могут проникнуть из внешнего мира. Сюда нет доступа даже космическим лучам.

Нина слушала и смотрела с огромным вниманием. Вот она, та научная романтика, о которой она мечтала еще на школьной скамье!.. А Лавров тем временем бесшумно ходил по комнате и знакомил девушку с новой для нее обстановкой и приборами.

Посреди комнаты стоит глубокое кожаное кресло с очень отлогой спинкой. Перед креслом на уровне головы висит маленькая лампочка рубинового стекла. Над головой, впереди, сбоку и сзади, нечто вроде купола из металлических прутьев.

— Радиоантена, — пояснил Лавров.

От антенны идут провода к аппарату, установленному на высоком столике позади кресла.

— Приемник. Настраивается на длину волны от ноль до пяти метров. Электромагнитные волны, излучаемые мозгом испытуемого, воспринимаются антенной и передаются в детектор приемника. Здесь они настолько усиливаются, что могут уже воздействовать на механические части аппарата: вот осциллограф — прибор, записывающий кривую колебаний; вот высокочувствительный панцирный гальванометр, а вот аппарат, трансформирующий электроколебания в звуковые колебания.

Теперь осмотрите место экспериментатора. Оно, как видите, находится за аппаратом и представляет собой металлическую сетку или клетку. В эту клетку я сажусь сам... Чего не сделаешь для науки! Клетка заземлена. Следовательно, волны, излучаемые моим собственным мозгом, не могут достичь антенны и смешаться с волнами мозга испытуемого. Волны моего мозга, достигнув металлической сетки, уходят в землю... Итак, я вхожу в клетку, закрываю

дверь, сажусь на этот стул перед этим небольшим столиком. Аппараты на столе соединены с приемником проводами. Вот радионаушники. Я надеваю их во время опыта себе на голову. А эти циферблаты дают характеристику излучаемой волны: длину, ампераж, вольтаж и прочее.

— Ну, а теперь не хотите ли сесть, или, вернее, прилечь, на это кресло? Не бойтесь, это не электрический стул.

— Я нисколько не боюсь и охотно подвергну себя опыту, — ответила Нина и сейчас же уселась в кресло, откинувшись на отлогую спинку.

— Вот так! Свободнее! — поощрял Лавров, окидывая девушку таким взглядом, как будто собирался ее фотографировать. Затем он подошел к двери, выключил лампу под потолком и зажег маленькую лампочку перед креслом. Комната стала похожа на лабораторию фотографа.

— Красный свет больше всего способствует сосредоточенности, а она необходима в нашем опыте. — Лавров еще раз испытующе осмотрел Нину и затем прошел к своему месту. Захлопнулась железная дверь клетки, щелкнул выключатель... Нина смотрела на рубиновый огонек, и ее клонило ко сну.

— Полное спокойствие чувств, мыслей и тела, — как будто из-за стены послышался голос Лаврова, — ослабьте все ваши мышцы. Никакого напряжения. Так...

Голос Лаврова умолк. Тишина невероятная, сверхъестественная... Нине становится даже жутко. Уж не гипноз ли это?

— То-то молодость! — вновь слышит она голос ученого. — Волна-то какая! Стрелку прибора вон куда метнуло! Но и мы, старики, еще не сдаемся!..

Снова пауза.

— Теперь сложите в уме двадцать девять и восемьдесят восемь... Перемножьте шестнадцать на тридцать семь... Что-о? Еще не сосчитали? Вот так штука!

— Что же делать... — оправдывается Нина. — Говорят, великий математик Пуанкаре и тот путался в устном счете.

— Ну хорошо, оставьте счет. Займемся другим. Вспомните какой-нибудь страшный случай из вашей жизни.

— Страшный? Кажется, ничего страшного не было. Вот разве во время одного полета ночью, когда мы потеряли ориентировку и наш аппарат задел летящий дирижабль... Вы знаете эту конструкцию, каждая кают-кабина автома-

тически «проваливается», затем у нее выбрасываются крылья, и она планирует. Так вот, когда я «провалилась», а затем наша каюта, превратившись в планер, задела другой такой же планер и мы начали кувыркаться вниз друг через друга, тогда... тогда, помнится, действительно было страшно. Но ведь это длилось секунды, пока не раскрылся запасной парашют.

— Ну, вот вы и постарайтесь так ярко представить эту жуткую картину, чтобы сердце усиленно забилося.

Снова пауза.

— Фу! Кажется, я достаточно напугала себя! — воскликнула Нина.

— Отлично, отлично!

Лавров вышел из клетки, зажег лампу под потолком, вынул из аппарата узкую длинную ленту — цереброрадиограмму — и показал ее Нине.

— Видите, какая ровная ниточка? Ваш мозг спокоен. И вот «узелки»: амплитуда колебаний увеличилась. Это вы счетом занимались... А вот здесь снова тонкая линия и — внезапный размах! Рисунок кривой напоминает воронку. Это вы с поднебесных высот падали. Ну, вот и весь опыт... — Лавров задумался, затем решительно встряхнул головой, как бы отгоняя непрошенные мысли, и сказал: — Идем дальше.

Они вышли в коридор. Возле двери лаборатории W Лавров приостановился, протянул было руку, но тотчас же быстро отошел от двери и зашагал дальше.

Лавров посмотрел на большие часы, висевшие в коридоре, приостановился, как-то странно взглянул на Никитину, немного подумал и, наконец, сказал:

— Вот что, Нина. Сейчас я спешу на заседание ученого совета, а мне нужно поговорить с вами по очень серьезному делу. Не зайдете ли вы ко мне запросто на квартиру? Часов в восемь. Кстати, познакомитесь с моей семьей, с ребятами.

Нина была несколько удивлена этим приглашением, но охотно приняла его.

* * *

Был туманный осенний вечер. Но Нина не боялась простуды и ехала в открытом электротакси рядом с шофером, плотным мужчиной средних лет.

Новый проспект был ярко освещен, но фонарей нигде не было видно. Мягким голубоватым светом светились фасады зданий с колоннами и статуями, отчего они казались воздушными, словно сотканными из световых лучей. Светились колонны портиков между зданиями. Большие площади освещались одним «солнцем» в несколько миллионов свечей. «Солнце» висело в центре двух перекрещивающихся дуг так высоко, что не беспокоило глаз. А в такие туманные дни, как сегодня, площади освещались очень эффектно и необычайно: «солнце» не горело над головой, но зато весь воздух, наполненный туманом, светился зеленовато-лиловым светом, как газонаполненная трубка. Дело в том, что на самой земле между клумбами были установлены электрические дуговые лампы с направленным вверх светом. Ломкие фиолетовые лучи вольтовой дуги, встречая молекулы тумана, многократно преломлялись, рассеивались, и весь насыщенный туманом воздух начинал светиться...

Повернувшись к шоферу, Нина спросила его:

— Чем вы занимаетесь, товарищ?

Шофер серьезно ответил:

— Веду машину.

«Не сообразил», — подумала Нина. А ведь ее вопрос так прост и понятен. Разве современный человек не многогранен по своей культуре, запросам, интересам, занятиям? Вот, например, колхозник Зорин — прекрасный астроном: недавно он открыл новую переменную звезду; Габрилович — математик с мировым именем, одновременно отличный скрипач; про Лаврова рассказывают, что он виртуоз работы на токарном станке... А уж о людях вроде шоферов и вагоновожатых, голова которых в свободное от работы время не слишком занята заботами основной профессии, — о них и говорить не приходится. Все они имеют «вторую жизнь», какие-то другие интересы. А руль — это ясно. Об этом и спрашивать нечего. Нет, ты мне скажи, что еще, помимо руля, наполняет твою жизнь...

— А вы чем занимаетесь? — неожиданно спросил шофер.

— Стихи пишу, — полунасмешливо, полусерьезно отозвалась Нина.

— Нет, правда?

— К сожалению, правда, — ответила Нина уже с неко-

торым смущением. — Я только никому об этом не говорю. Вот вам сказала: вы ведь случайный собеседник...

— Стихи! Это же интересно. Быть может, и сонеты пишете?

— Пишу. Отвратительные... и знаю, что плохо, а тянет.

— Может быть, не так уж плохо, — сказал шофер. — Прочитайте что-нибудь на память.

— А вы понимаете в этом деле? — спросила Нина.

— Немножко понимаю. В итальянских сонетах эпохи Ренессанса, во всяком случае, неплохо разбираюсь.

И шофер, наконец, рассказал, чем он занимается: уже много лет он увлекается историей искусств; его специальность — эпоха Возрождения.

— Несколько моих работ о флорентийских художниках — мастерах раннего Возрождения — уже напечатано... Сколько радости дает искусство! Прочитайте же мне одно из ваших стихотворений. Если можно, сонет.

— Как-нибудь в другой раз... по телефону!

И они обменялись номерами телефонов.

Машина въезжала в пределы старого города. Нина попросила шофера проехать по проспекту 25 Октября. Давно исчезли паутина проводов и «аллеи столбов», исчезли грохочущие трамваи и даже троллейбусы. Только бесшумные двухэтажные автобусы и авто на аккумуляторах двигались по улицам, а возле тротуаров медленно катились удобные одноместные кресла-самоходы — любимый способ выезда в город пожилых людей, одиноких старух и стариков пенсионеров. Молодые люди скользили по тротуарам на автороликах — этот способ передвижения был изобретен совсем недавно.

Стены домов солнечной стороны были выложены блестящими полированными листами из нержавеющей металлического сплава. Летом эти листы время от времени промывались. Из того же полированного и блестящего, как стекло, металла были сделаны прожекторы, укрепленные на краю крыши. Особые механизмы передвигали эти рефлекторы вслед за солнцем. Таким образом, в солнечные дни рефлекторы отражали лучи прямо в окна домов теневой стороны.

Перед Ниной открылся Кировский проспект. Он мало изменился. Только кое-где на месте старых неуклюжих

«доходных» домов появились новые здания, выстроенные по проектам талантливой архитектора Марии Титовой.

Пластмассовая мостовая проспекта не была разделена цветными полосами и аллеями. Большие деревья росли только по краям проспекта, вдоль тротуаров. Не было здесь и подземных тоннелей для поворота и перехода с полосы одной скорости на другую. Шоферу пришлось, озираясь налево, повернуть машину поперек улицы и переехать на противоположную сторону, к № 26/28.

— Я буду ждать вашего звонка! — крикнул шофер, провожая Нину глазами. Так хотелось узнать ее имя, но... побоялся, что девушке не понравится такая навязчивость.

* * *

Дверь автоматически открылась перед Ниной. Она вошла в просторную переднюю, и тотчас же где-то под верхним карнизом вспыхнул свет.

Семья Лавровых, очевидно, была довольно большая. На паркетном полу, в углу возле зеркала, стояло несколько пар электророликов разных размеров, а возле окна — «стариновское» электрокресло.

На вешалке висели пальто и непромокаемые плащи из «стеклянной шерсти», мягкие, белые, отливающие серебром.

Из внутренних комнат в переднюю донесся разногласный собачий лай. Чей-то резкий, крикливый голос картаво спрашивал:

— То там? То там? То там?

— Это я, Никитина?

В переднюю вбежали две белые собачки. Вслед за ними, мягко переступая с ноги на ногу, вошли леопард и молодая львица, крадущейся походкой приблизились к Нине и начали обнюхивать ее.

— Вадик! Зачем ты выпустил Найфа и Пойнт? Они могут испугать... — послышался из внутренних комнат женский голос.

— То там? То там? То там? — монотонно кричал картавый голос.

— Они сами, бабушка! — И в переднюю быстро вошел черноглазый мальчик лет восьми, с бронзовым от загара лицом, в белой рубашке с короткими рукавами и в штаниш-

как по колени. Мальчик вежливо поздоровался и спросил, не напугали ли Нину звери.

— Дедушка просит вас в столовую... Идем, Пойнт, Найф! — Мальчик ухватил львицу за клок мягкой шерсти и пошел вперед; маленькие собаки убежали; леопард следовал за Ниной, замыкая шествие и как бы отрезая девушке путь к отступлению.

Так, торжественным цугом, вошли они в столовую.

Эта комната, с тремя окнами и гардинами на них, казалась уголком музея старого быта и культуры. Она переносила посетителя в прошлое, лет на сто назад. Тяжелая мебель черного дуба с резными украшениями, огромный буфет, стулья с высокими спинками. Возле окон и на подоконниках цветы в горшках, на стенах — клетки с птицами, в углу — большая клетка серого попугая, все еще продолжавшего выкрикивать свое «то там?».

На большом чайном столе, накрытом вышитой по краям скатертью, возвышался самовар, возле него — чайник, а на чайнике — теплый матерчатый футляр в виде курицы-наседки. По столу были расставлены старинный чайный сервиз — синий с золотыми каемками, темно-коричневая деревянная хлебница в виде блюда с надписью по краям славянскими буквами: «Хлеб, соль ешь, да правду режь».

Возле самовара сидела полная пожилая женщина со стриженными седыми волосами, на противоположном конце — профессор Лавров, слева от старухи — молодая женщина с Вадиком, справа — бритый тридцатилетний полковник, который при входе Нины сейчас же поднялся. Собачки улеглись возле старухи, Найфа и Пойнт увели в соседнюю комнату.

— Знакомьтесь, — сказал Лавров, — моя жена, Варвара Николаевна. Глава семьи. Ведь у нас дома матриархат.

— Нина Васильевна может подумать, что я тебя под башмаком держу, — с улыбкой отозвалась старуха.

— И еще как удержишь! — невозмутимо продолжал Лавров. — А это моя дочь Лиза. Студентка физико-математического института. Мать сего младенца Вадика и жена, полагаю, небезызвестного вам исследователя Антарктики Степанова... Сейчас он в научной командировке... Вадик — пионер, отличник учебы и изобретатель летающей торпеды, которая, впрочем, пока что никак летать не хочет. И, наконец, полковник Лавров, мой сын Максимушка, авиа-

торпедист. Его радиоторпеды летают, и, кажется, довольно удачно.

Нину усадили рядом с Максимом, Варвара Николаевна подала чашку и спросила:

— Вас не напугали наши звери?

Нина не успела ответить, как Лавров со смехом заговорил, указывая глазами на жену:

— Это она из квартиры зверинец устроила! А чтобы объяснить, как она дошла до жизни такой, придется начать издалека. — И Лавров рассказал чуть не всю биографию своей жены, пересыпая рассказ шутками и прибаутками. Старуха слушала со снисходительной улыбкой.

Оказалось, что жена Лаврова тоже была профессором — крупным специалистом в области ветеринарии. Лет тридцать тому назад Варвара Николаевна, будучи еще молодой ученой, вела упорную борьбу с весьма распространенной в то время повальной болезнью рогатого скота. Но вот настал день, когда Лаврова нашла, наконец, радикальное средство против болезни.

Эпизоотии совершенно прекратились. Специальные лаборатории пришлось закрыть, сотрудников распустить.

— Так Варвара Николаевна сама себя довела до безработицы, — посмеивался Лавров.

Впрочем, тотчас же нашлось новое дело.

В то время через пустыни и степи Монголии прогоняли многотысячные гурты скота. В пути особый вредоносный вид клещей заражал животных.

И вот на борьбу с опасным клещем в Монголию была отправлена большая научно-исследовательская экспедиция во главе с Варварой Николаевной. Экспедиция была великолепно оборудована и снабжена всеми средствами передвижения в пустыне, вплоть до аэропланов. Работа шла успешно, но как-то раз аэроплан, на котором летела Лаврова, неудачно сел в песках, и при этом Варвара Николаевна сильно повредила ногу. Пришлось, не закончив работу, вернуться в Ленинград.

«Пусть они там ловят клещей, а я здесь возьмусь за разрешение проблемы совсем с другого конца», — решила Лаврова и принялась за опыты над анабиозом теплокровных животных...

— Анабиоз, как вам известно, произвел переворот в транспорте животных. А тут подоспели и грузовые мощные

цельнометаллические дирижабли. На клещей можно было махнуть рукой, и Варвара Николаевна снова осталась как бы безработной. Да, кроме того, к этому времени... «укатали сивку крутые горки»: прыгать по всему СССР стало трудновато. Вот она и взяла работу полегче — в зоопарке. Ну, и если там родится какой-нибудь слабенький львенок, медвежонок или же какая-нибудь мамаша отказывается кормить своих сосунков — в неволе это бывает, — Варвара Николаевна тащит обиженных на квартиру и здесь из рожка выпаивает, выкармливает, выхаживает.

Несмотря на шутливый тон, Лавров с большой теплотой рассказывал о своей старушке жене. Они прожили рука об руку хорошую трудовую жизнь.

Разговор постепенно стал общим. Максим рассказал несколько интересных историй из своей летной практики... Но Лавров-отец нетерпеливо заерзал на стуле, посмотрел на часы и обратился к Нине:

— А ведь у меня к вам одно дельце есть. Прошу ко мне в кабинет.

* * *

В кабинете было тихо. Сюда не долетали ни собачий лай, ни крик попугая.

Лавров усадил Нину в кресло возле письменного стола. Лицо его было необычайно серьезно.

— Вы знаете, что Михеев очень болен?

— Я знаю, что он очень стар, — ответила Нина.

— Стар, да. Увы, старость, конечно, его главная болезнь... Мы, врачи, в частности Сугубов и я, делали все, чтобы поддержать и продлить драгоценную жизнь Михеева. Мы уберегли его от многих опасностей, предохранили от многих болезней и недугов и таким образом дали ему возможность продолжать работу. А вы понимаете, что это значит? Каждый час работы гениального мозга обогащает человечество на века. И вот нужно же произойти такому несчастью: в то время как Михеев был уже совсем близок от цели, завершая свои гениальные работы в области получения атомной энергии, старость сказала: стоп! У него обнаружили признаки слабоумия...

— Но ведь у Михеева много талантливых молодых помощников, и они...

— Закончат дело без него, хотите вы сказать? Да, в этом не может быть никакого сомнения... Но тут имеется и другая сторона вопроса. Вы подумайте только! Пятьдесят лет человек упорно шел к цели. Преодолевал бесчисленное множество препятствий, тяжелых сомнений, ошибок, пока не вышел, наконец, на верный путь. И вот, когда цель уже была видна, так сказать, осязаема, силы вдруг стали изменять ему... Меня пригласили к Михееву. Я никогда не забуду этой сцены... Он сидел в своем кабинете за письменным столом. Он еще продолжал работу, но, по-видимому, уже ясно представлял, какое несчастье надвигается на него. Он долго смотрел на меня, потом... с мольбой протянул руки: «Иван Александрович! Обещайте мне сделать все, чтобы поддержать мои угасающие умственные силы хотя бы только на год. По моим расчетам, этого вполне достаточно. Я должен... понимаете, я должен закончить дело моей жизни прежде, чем уступлю последней человеческой дряхлости и... неизбежной смерти». Глаза его сверкнули былым боевым задором, и он в упор спросил меня: «Неужели мы не оттесним, не задержим врага хоть на несколько месяцев, мой старый друг?» И я дал слово исполнить его просьбу.

— Что же вы хотите предпринять и чем я могу помочь вам? — спросила Нина.

— Вот... вот и дошли до главного, — сказал Лавров и забарабанил пальцами по столу. — Вы уже видели аппарат, регистрирующий электромагнитные волны, излучаемые работающим мозгом, — начал он. — Так вот, в лаборатории Дубльвэ, куда мы с вами еще не заглядывали, стоит другой аппарат, сконструированный под моим наблюдением. Этот аппарат воспроизводит электромагнитные колебания такой же природы, длины и частоты, как и работающий человеческий мозг. Технически, вы понимаете, в этом нет ничего трудного. Моя гипотеза такова: работающий мозг, излучая электромагнитные колебания, безусловно, затрачивает на это некоторую энергию. Представьте же теперь, что мозг получит извне электромагнитные колебания, которые прежде он вырабатывал сам. Ясно, что у работающего мозга должна получиться какая-то экономия расходования энергии. Иначе говоря, работа мозга будет облегчена, мозг начнет работать, то есть мыслить, более интенсивно. Понятно? Ума электрическим током не прибавишь, но облегчить напряженную умственную работу, я полагаю,

вполне возможно. Нормальному мозгу это не нужно, а вот для старческого «электризация» может оказаться полезной, как палка или костыли при слабости ног...

— И вы производили опыты?

— Производил. Над старыми крысами.

— Над старыми крысами?! — удивилась Нина. — Но как же узнать об угасании умственных способностей старой крысы и о возрождении их под влиянием лучистой энергии? У крысы ведь не спросишь?

— Это не так уж трудно, — ответил Лавров. — У циркового дрессировщика животных я взял дрессированную крысу. Она умела поднимать флаг, но забыла свой номер, состарившись и ослабев умом. Я начал электризовать ее мозг, и она подняла флаг. К сожалению, память возвращалась к ней только на время электризации мозга... Но ведь для человека не представляет особых неудобств ношение в часы умственной работы такой тубетейки с электродами на висках.

— Если ваши теоретические предположения оправдались на опыте, значит, задача разрешена!

— С крысами. С крысами, деточка, а не с людьми!

— Но, мне кажется, это дает вам право...

— Подвергнуть риску жизнь человека? Таким правом я не воспользуюсь, даже если мне его и предоставят.

Наступила неловкая пауза. Нина была сбита с толку и никак не могла понять, куда же клонит Лавров. Вдруг она вспомнила, что в отделение безнадежных хроников недавно прибыл новый больной — слабоумный старик Сурков, несчастное, неспрятное существо, одновременно возбуждающее и жалость и отвращение. Не его ли Лавров решил подвергнуть первому опыту?... Быть может, профессор ждет теперь моральной поддержки, одобрения со стороны? Что ж, надо помочь ему, если дело только в этом. И Нина с горячностью заговорила:

— Иван Александрович! В отделении хроников имеется больной Сурков, старик-полуидиот...

Но Лавров не дал Нине договорить. При первом же упоминании имени Суркова он нахмурился и, явно взволнованный, горячо заговорил:

— И вы, молодой врач, предлагаете мне такие вещи? Нехорошо, стыдно, Нина! Не возражайте: я прекрасно знаю ход ваших мыслей. С одной стороны — Михеев, высо-

чайший пик ума современного человечества, с другой — какой-то безвестный Сурков, бесполезное, грязное полуживотное, и так далее и так далее...

— Но ведь с завершением работы Михеева связаны интересы родины! — воскликнула Нина, задетая упреком Лаврова. — Разве каждый из нас не отдаст с радостью всю свою жизнь на благо родины?

— Свою, Нина! Свою собственную жизнь, а не чужую. Буду говорить прямо. Я решил начать опыт с самого себя. Но так как быть одновременно в двух ролях — подопытного кролика и экспериментатора-наблюдателя — трудно, то здесь я рассчитываю на вашу помощь и... вашу скромность. Я долго присматривался к вам: вы девушка не болтливая и дельная... Теперь вам все понятно? Дайте же мне ответ, согласитесь ли вы быть моей помощницей в этом деле.

— А если лучистая энергия разрушит клетки вашего мозга, вызовет кровоизлияние?

Лавров иронически прищурил глаз.

— Без некоторого риска здесь не обойдешься.

— Что ни говорите, но жизнь разных людей не равноценна...

— Каждый дает обществу по способностям, и в этом смысле полезность людей различна, но сама жизнь, всякая жизнь бесценна, — серьезно возразил Лавров. — Я допускаю право распоряжаться для блага родины лишь своей жизнью.

— А если вы погибнете, разве интересы родины не пострадают? Я уж не говорю о вашей научной работе. Но ведь никто, кроме вас, не сможет вернуть Михееву работоспособность, а в этом сейчас весь вопрос... Нет, воля ваша: я не могу взять на себя ту роль, которую вы мне предлагаете!

— Значит, вы отказываетесь помочь мне?

— Не отказываюсь, но хочу предложить вам иное. Вы сами говорили, что общественная полезность людей различна. Давайте говорить прямо: в этом смысле ценность вашей и моей жизни несоизмеримы... Словом, я предлагаю для опыта себя. Ведь каждый может распоряжаться своей жизнью, не так ли? Так пусть я буду подопытным кроликом, а вы экспериментатором.

Лавров посмотрел на Нину с удивлением. Несколько

минут просидели они в глубоком молчании. Наконец Лавров твердо заявил:

— Вы хотите пожертвовать науке свою молодую жизнь? Это очень трогательно, но я ни в коем случае не соглашусь на ваше самопожертвование!.. Да вы и не годны для этого опыта. То, что может перенести ваш молодой мозг, окажется непосильным для мозга Михеева... Нет, разговор может идти только обо мне и ни о ком другом. Если вы откажетесь помогать, придется мне работать одному. Это несколько снизит шансы на успех, ну, и понятно... увеличит риск эксперимента.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец Лавров поднялся, протянул руку и сказал:

— Завтра в институте вы дадите мне ответ.

* * *

Когда на другой день Нина вошла в кабинет Лаврова, старый профессор внимательно посмотрел ей в лицо и, ничего не спросив, сказал: «Вот и отлично», — и повел ее в лабораторию. За всю свою жизнь никогда еще Нина так не волновалась.

Ничего страшного не произошло. Все оказалось проще, чем она ожидала.

Лавров уже давно изучил природу электромагнитных колебаний своего мозга, и аппарат был настроен соответствующим образом. Ученый надел на голову металлический колпак, поправил электроды у висков, протянул было руку к выключателю, но, не включив аппарата, обратился к девушке:

— Не исключена возможность, что я вдруг почувствую себя худо. Тогда вы должны помочь мне: выключить аппарат, снять колпак, оказать первую помощь... Но ваша роль этим не ограничивается: вы понадобится мне в качестве экспериментатора. Как только я поверну выключатель и электроволны пройдут через мой мозг, я превращусь в подопытное животное — и только. Вы будете наблюдать за мною и говорить в диктофон все, что заметите. Вот он перед вами. Садитесь. Итак, начинаем...

Нина заговорила срывающимся от волнения голосом. Ее слова немедленно ложились невидимыми знаками на тончайшей проволоке.

— Десять часов шестнадцать минут. Профессор Лавров включает аппарат. Его лицо спокойно. Он улыбается. Говорит, что не испытывает никаких изменений в работе мозга.

...Семнадцать минут! Все то же.

Девятнадцать! Нетерпеливое движение в кресле. На лице озабоченность.

Двадцать минут! Лицо проясняется. Улыбаясь, говорит, что «как будто посвежело в мозгу». Начинает вспоминать забытые имена, фамилии: «Вот тот, что приходил семь дней тому назад из Института мозга. Аспирант. Такая длинная фамилия...»

Пауза пять секунд. «Скоробогатов! И приходил не семь, а девять дней тому назад... Как фамилия больного, который выписался двадцать дней назад?..»

Пауза три секунды. «Воробьев».

Двадцать две минуты! «Мозг работает молодо. Совсем молодо. Попробую умножить в уме двадцать два на двадцать два...»

Пауза одна секунда. «Четыреста восемьдесят четыре». «Двадцать девять на тридцать семь...»

Пауза четыре секунды. «Тысяча семьдесят три». «Удивительно проясняется в голове! Сейчас я напишу, Нина. Наброшаю кое-какие мысли...»

Вынимает перо, записную книжку, сосредоточенно пишет.

Десять часов тридцать одна минута. «Ну вот, на первый раз и довольно. Потом прочту». Прячет перо в книжку, выключает аппарат, снимает с головы колпак, проверяет пульс. Просит меня помочь ему определить давление крови. Пульс нормальный. Давление немного повышено, «как всегда...»

— Ну, вот и окончен наш опыт, — говорит Лавров, поворачивая к Нине улыбающееся лицо. — Знаете, у меня даже сейчас остается ощущение свежести мысли... Ну, я иду на обход больных, а вы тем временем заставьте диктофон медленно повторить ваши слова... Запишите все вон в тот журнал... После обхода я найду за вами, и мы все вместе отправимся к товарищу Михееву.

— К Михееву?

Нина обрадовалась, ей еще не приходилось встречаться с этим великим человеком.

— Ну, разумеется. Опыт удался, и я больше не хочу

медлить ни одного часа. Понятно, нужна большая осторожность: Михеев много старше меня! Сейчас мы возьмем с собой только аппарат из лаборатории — определим характер волн, излучаемых мозгом Михеева.

И он вышел веселый и бодрый.

«Как удача молодит людей!» — невольно подумала Нина и под диктовку собственного голоса принялась записывать в журнал ход опыта.

* * *

На улице разыгралась метель. Нина сидела рядом с Лавровым и задумчиво смотрела сквозь прозрачные стенки электромобиля.

Мелькали и уносились назад дома, сосны и серебристые ели, арки, колоннада, статуи, башни...

Машина нырнула в тоннель путепровода, круто повернула вправо и въехала на автостраду, проложенную к Институту физических проблем имени академика Михеева. По сторонам этой загородной дороги виднелись нарядные коттеджи, окруженные садами, огородами и грандиозными оранжереями пригородного овощного хозяйства. Отсюда каждое утро во всякое время года двигалась вереница машин, снабжавших ленинградцев свежими овощами, фруктами и ягодами.

На автостраде движение было незначительное, и шофер пустил электромобиль со скоростью ста двадцати километров в час.

Лавров снял со стенки трубку радиотелефона, вызвал коменданта института и сказал:

— Мы приедем через пятнадцать минут. Предупредите семью Семена Григорьевича. Профессор Сугубов еще не приехал?

— Семья уже предупреждена. Вас ждут. Профессор Сугубов только что говорил со мной. Он едет следом за вашей машиной.

— Ах, вот как! — воскликнул Лавров и повесил трубку радиотелефона. — Едет за нами и не подает о себе вести? Ну, мы сами сейчас его вызовем. Алло! Леонтий Самойлович?

— Я, — услышала Нина голос Сугубова так отчетливо, как будто он сидел рядом с нею.

— Что же вы, дорогой мой, не предупредили, что поедете следом за мной?

— А зачем? Приедем — увидимся!

— Как зачем? Поговорили бы: летучий консилиум, так сказать.

— Какие тут разговоры на скорости в сто двадцать километров! У вас шофер, а я сам правлю.

— Риска-то никакого нет, — убеждал Лавров. — Вот вы институт вызывали, на несколько секунд управление оставляли же, и ничего: «автоматический шофер» сам управлял... В чем же дело?

— А вот вы сами садитесь за руль, Иван Александрович, тогда я вам отвечу, — не совсем любезно отозвался Сугубов.

— Экий вы, право! — проворчал Лавров и выключил радиотелефон.

Дорога начала полого подниматься вверх. По сторонам виднелся густой сосновый лес. Просеки открывали вид на швейцарские домики, английские коттеджи, белые виллы с колоннами, верандами, балконами.

— Въезжаем в михеевскую республику, — шутливо сказал Лавров, обернувшись к Нине.

* * *

Институт физических проблем был расположен на лесистом холме. Это был целый город, на строительство которого правительство не жалело никаких средств. Лаборатории низких температур, сверхвысоких давлений, сверхвысоких напряжений и электромагнитных полей и многие другие лаборатории занимали огромные здания. Стоили они десятки миллионов рублей. Целая армия научных работников, опытных экспериментаторов обслуживала эти лаборатории.

Для Михеева ни в чем не было отказа, и он не оставался в долгу: в его лаборатории были созданы аккумуляторы необычайно большой емкости. Они произвели настоящую революцию в транспорте и сохранили для синтетической химии драгоценное жидкое топливо. На широких проспектах городов Советского Союза появились первые бесшумные электромобили. На площадях и на автострадах вместо станций и колонок возникли изящные киоски с маленьки-

ми «шоколадными плитками» и «папиросными коробками» аккумуляторов, хранивших энергию на многочасовое движение электромобиля. Вслед за электромобилями родились бесшумные электроавтобусы и электропланы. Механизмы машин и их управление упростились. Этим дело не ограничивалось: микроаккумуляторы находили все новое и новое применение...

С помощью своих ближайших сотрудников Михеев практически осуществил проблему передачи энергии на далекое расстояние без проводов. Он создал совершенно новый тип генератора с простым металлическим диском, без всяких обмоток, вместо ротора. Изготовление генераторов чрезвычайно упростилось и удешевилось. Немало сделали и сотрудники института.

Молодой талантливый помощник Михеева — Малинин изобрел новые фотоэлементы с таким высоким коэффициентом полезного действия, что промышленное использование их как двигателей получило самое широкое распространение. Другой сотрудник Михеева справился с задачей создания на земле «сверхтяжелой материи», вызвавшей целый переворот в технике. Третий создал невесомый и «летающий» металл, которые внесли коренные изменения во все виды транспорта и строительства. Четвертый изобрел новый тип солнечного двигателя.

В демократической «михеевской научной республике» каждый получал по заслугам и никто не тонул в лучах славы мирового ученого. Но все же целый ряд ценнейших изобретений и открытий института по праву принадлежал самому Михееву.

За последнее время Михеев подошел к высочайшей вершине своей многолетней творческой деятельности — к овладению внутриатомной энергией. Рука об руку со своими верными помощниками он упорно и верно подвигался к цели, направляя силу своего необычайного ума и остроумие своих молодых сотрудников на твердыни самой укрепленной и неприступной крепости — природы.

Весь мир следил за напряженной, титанической борьбой.

И вот в это самое время природа, словно для того, чтобы спасти свою великую тайну, нанесла сокрушительный удар командиру научной армии: Михеевым начала овладевать старческая дряхлость. Силы быстро падали.

Успеет ли великий ученый довести свое дело до конца?..

Вскоре Михееву стало трудно передвигаться по научному городку, спускаться в подвалы, подниматься по лестницам. Михеев обратился за помощью к врачам. Началась великая борьба со старостью академика Михеева. Советское правительство отпустило на эту борьбу специальные средства.

Квартиру Михеева соединили с лабораториями, расположенными в отдельных домах, теплыми, крытыми переходами и специальными лифтами. Михеев снова получил возможность, не сходя с удобного электрокресла, посещать все уголки научного города. В то время голова его была еще свежа, в слабом теле заключалось еще немало энергии. Глуховатый голос ученого снова стал слышаться то тут, то там.

Среди молодых было несколько выдающихся, исключительно одаренных экспериментаторов. С ними старик академик особенно охотно делился своими мыслями.

Работа в институте снова пошла полным ходом.

Квартира академика была превращена в своеобразный санаторий. Чтобы дом не слишком нагревался летом, бригада молодых инженеров облицовала стены металлическими пластинами, как рыбьей чешуей. Одна сторона пластин была белая, полированная и блестящая, другая — темная, матовая. Эти пластины в зимние морозы поворачивались к солнцу своей темной стороной — для наибольшего поглощения слабых тепловых лучей, летом — белой и блестящей — для отражения солнечных лучей. Крышу дома сделали совершенно плоской и покрыли ее слоем воды в пятьдесят сантиметров. Летом вода поглощала тепловые лучи, зимою же, смерзаясь в лед, она служила прекрасной изоляцией от холода.

Особое внимание было обращено на кондиционные установки внутри здания. Воздух в квартире непрерывно обновлялся, очищался от пыли, промывался, пропусклся через особые фильтры статического электричества (для уничтожения вредной ионизации воздушных молекул) и, наконец, подогревался. По желанию Михеева воздух в одну минуту мог быть напоен ароматами моря, цветущего поля, хвойного леса.

Врачи нашли, что полная тишина необходима Михееву только в часы умственных занятий. В часы же отдыха

работу нервов и мозга ученого необходимо поддерживать умело подобранными звуковыми, световыми и другими раздражителями.

Кроме того, мышцы Михеева должны работать во что бы то ни стало.

Молодые инженеры удачно справились и с этой сложной задачей, применив завоевания кино и радиотехники. Пока ноги Михеева не слишком ослабели, он совершал довольно длительные и интересные прогулки, «не сходя с места»: под его шагающими ногами медленно и незаметно подвигался в обратную сторону транспортер. Михееву казалось, что он идет берегом моря. Он видел далекий горизонт, яхты, электроходы, движение облаков, переливы синих и зеленых пятен на поверхности воды, слушал шум прибоя, шуршание гальки по песку и всей грудью вдыхал свежий морской воздух. Мягкие волны бриза ласкали его лицо.

Иногда он отправлялся в сосновый лес, «всходил» на небольшие пригорки — это необходимо было для укрепления работы сердца — и обзревал окрестность.

С этих прогулок ученый «возвращался» освеженный, бодрый, с хорошим аппетитом.

Но «пешеходные» прогулки становились все короче и короче. Настал день, когда Михеев заявил, что его утомляют даже поездки в кресле по институту, в особенности лифты. Как ни медленно опускались и поднимались они, Михеев уверял, что это действует ему на сердце. Пришлось еще раз призвать на помощь технику. Приемные и передающие телевизоры были установлены во всех лабораториях, перед всеми аппаратами и в лекционном зале. Михеев продолжал «бывать всюду» и руководить работой из своего кабинета, не сходя с кресла.

Руководство ученого в это время приносило уже мало пользы. Многое он путал, забывал, делал ошибки. Но сотрудники и виду не подавали. С обычным вниманием выслушивали они его и не сетовали, если Михеев за Ивана бранил Петра или же приказывал сделать то, что уже давно было сделано. Они слишком любили и уважали своего старого учителя и друга.

Врачи неослабно следили за здоровьем Михеева.

Но старость непреклонно разрушала гениальный мозг.

Настал день, когда Михеев вдруг забыл свою фамилию и заявил, что ему совершенно неинтересно заниматься

какими-то атомами. Он предпочитает им манную кашу с клубничным вареньем.

А работа была уже совсем близка к окончанию. Сотрудники института, от заместителя директора до юного лаборанта, переживали дни и часы глубочайшей скорби...

* * *

Снег перестал падать. Сквозь разрывы в тучах поглядывали голубые пятна неба. Машина въехала на холм. Сосны расступились, открыв вид на серо-мраморный фасад главного корпуса института. Длинное здание делилось на части тремя огромными нишами, достигавшими высоты третьего этажа. В средней нише была дверь для пешеходов. К боковым нишам, на высоту второго этажа, через всю площадь поднимались мосты-путепроводы для автомашин, похожие на висящие в воздухе полотнища.

Электромобили въехали в нишу правого путепровода, повернули налево и остановились над главным входом на высоте второго этажа. Шофер помог снять ящик с аппаратом Лаврова и положить его на транспортер. О ящике с надписью «Квартира академика Михеева» можно было не беспокоиться: он дойдет по назначению.

От площадки, на которую вышли прибывшие, в разные стороны расходились эскалаторы, лифты. Кроме того, здесь же находилась станция «горизонтального» внутридомового транспорта. Лавров, Сугубов и Нина сели на кожаный диван, который двинулся в путь по этажам и коридорам института, пока не остановился против двери со скромной фарфоровой табличкой:

«Семен Григорьевич Михеев».

— Алло! — крикнул Сугубов, и механический «слуга» открыл дверь. В большой белой передней у ящика с аппаратом Лаврова возились двое людей: плотный лысый мужчина с большими очками, одетый в серебристо-серый комбинезон, и пожилая женщина в платье из того же материала. Лавров и Сугубов дружески поздоровались с ними и познакомили с Ниной. Это были сиделка и санитар. Затем в переднюю быстро вошел молодой человек в светло-коричневом костюме с наглухо, до шеи застегивающейся курткой — дежурный врач. Он проводил прибывших в соседнюю комнату, круглую и белую, как внутренность эмали-

рованной кастрюли. Врач повозился у распределительной доски. Послышался сухой треск и гул. Сверху пролился водопад видимых и невидимых лучей, дезинфицирующих костюмы и открытые части тела вновь прибывших. Только после этой процедуры Лавров, Сугубов и Нина могли отправиться во внутренние комнаты.

— Кто дома? — спросил Лавров дежурного врача.

— По обыкновению одна Анна Семеновна.

С Михеевым неразлучно жила со дня своего рождения его старшая дочь. Она окончила три университетских факультета и два института, но так и не выбрала себе профессии. Замуж она не вышла, чтобы не разлучаться с горячо любимым отцом. В последние десятилетия эта глуховатая седая женщина не моложе шестидесяти пяти лет была верным помощником, другом и личным секретарем великого ученого.

Михеев в расцвете своих сил был человеком широчайших интересов и в то же время величайшей целеустремленности. Это наложило печать и на его квартиру.

Стержнем жизни Михеева была научная работа, и ей он подчинял весь уклад окружающей его жизни. Ничто не должно мешать основной цели. Наоборот, все должно помогать и способствовать ее достижению. Работа была рассчитана на десятилетия. Значит, нужно постараться прожить как можно дольше, а для этого нужен строгий режим. И Михеев подчинил себя этому режиму.

Нина и ее спутники прошли уже четыре комнаты. Их отделка и меблировка придавали дому какой-то холодноватый, музейный характер. И стены, и потолок, и пол были из блестящей эмали нежных оттенков и художественных рисунков. На окнах, дверях, стенах не висело ничего: ни гардин, ни портьер, ни картин, ни полочек. И, однако, комнаты были полны картинами, вазами, скульптурами первоклассных мастеров. Но все они помещались в стенных нишах, прикрытых на уровне стены стеклами необычайной прозрачности.

Мебели было немного. За исключением столов с их традиционной горизонтальной поверхностью все вещи — кресла, книжные шкафы, буфет в столовой — имели обтекаемую форму. В шкафах и буфетах со сфероидальными или эллипсоидальными куполами не было никаких карнизов, горизонтальных плоскостей, ниш. Даже подоконники

были закруглены. На ходу Нина случайно задела плечом большой шкаф с книгами и была очень удивлена, когда он откатился в сторону больше чем на метр.

Лавров рассмеялся.

— Тут все вещи как на катке: только тронь, и покатятся. Это чтобы легче было чистоту наводить. Мало того, что воздух в комнаты подается очищенный и стерилизованный, комнаты два раза в день еще моются — да, да, не только стены, шкафы, но и кресла, диваны! Моются и затем сушатся теплым воздухом. Зато попробуйте найти в этом воздухе хоть одну пылинку, хоть одну бактерию. Леонтий Самойлович неоднократно брал пробы воздуха.

— Как на Северном полюсе, — кивнул головой Сугубов.

Войдя в кабинет, Нина не сразу увидела Михеева. У левой стены возле большого окна стоял письменный стол. Ни одного предмета не лежало на нем. На его блестящей зеленоватой, как вода пруда, поверхности отражалось длинное окно с цельным хрустальным стеклом и большой шкаф обтекаемой формы с моделями электронных «пушек», которые Михеев изобретал одну за другой для бомбардировки атомного ядра. На второй сверху полке шкафа Нина узнала знакомые формы аппарата, изображение которого несколько лет тому назад печаталось во всех журналах и газетах мира. Это был знаменитый двигатель, приводимый в движение космическими лучами. Пока он представлял только теоретический интерес, но обещал в будущем превратиться в новый источник неисчерпаемой энергии. О, если бы Михеев не был так стар, когда взялся за эту работу!..

О том, как живет и работает Михеев, писалось немало. Нину не удивило отсутствие книг в его кабинете. Было известно, что любую книгу Михеев получает по пневматической почте через несколько минут после телефонного заказа. В большинстве же случаев изображение нужных ученому страниц проецировалось на большой экран в его кабинете.

Весь угол комнаты между окном в левой стене и входной дверью занимал длинный овальный диван. Сюда Михеев приглашал самых любимых, даровитых научных сотрудников и обсуждал здесь их работу, делился своими заветными мыслями.

Но все это было в прошлом. Уже давно Михеев не

требовал ни одной книги, давно прекратились и совещания на овальном диване.

Кабинет представлял собой растянутый прямоугольник. Стена против входной двери в правой своей половине как бы обрывалась и переходила в другую комнату или глубокую нишу, по обеим сторонам которой возвышались две белые колонны строгого дорического стиля.

К этой нише и направились Лавров и Сугубов, а вслед за ними и Нина.

Она увидела широкие, откинутые назад спинки двух кресел, почувствовала падающие сверху теплые лучи невидимого солнца, в лицо пахнуло ветерком, напоенным запахом моря, послышался мерный шум прибоя, и, наконец, в глубине ниши она увидела самое море. Конечно, это были только оптика и техника, но неожиданность усиливала иллюзию. Нина так засмотрелась на океан, что даже забыла о великом ученом. А тем временем Лавров и Сугубов уже здоровались с ним и с дочерью.

Так вот он, знаменитый Михеев! На первый взгляд он показался Нине расслабленным стариком. На его голове была «историческая» шапочка из черного шелка, знакомая по портретам. Седые усы, бритый подбородок, ровный нос, еще живые, но чуть сонные глаза... Он с видимым трудом поднял правую руку и протянул Лаврову, а затем Сугубову, без улыбки и какого-либо выражения на лице. Видимо, он не узнавал их, хотя они навещали его не реже двух раз в месяц. Лавров представил Нину. Но Михеев поднял в это время глаза вверх, посмотрел на капители колонн и сказал:

— Хороший кабинет. Хотел бы я иметь такой.

Затем его взгляд упал на лицо Нины. Он вдруг протянул к ней обе руки и воскликнул:

— Тамара! Вот хорошо, что приехала. Наклонись, я поцелую тебя в щечку.

Нина смутилась, но быстро наклонилась, и старик поцеловал ее.

— Принял за Тамару, любимую внучку, — пояснила дочь Михеева.

Услышав голос дочери, Михеев повернулся к ней, неуверенно протянул руку и сказал:

— Мы, кажется, знакомы с вами?

— Да уж будет тебе, папа, — отвечала дочь, с печальной улыбкой пожимая его руку. — Вот так-то целыми часами и

днями греемся на солнышке и дремлем под шум прибора. И никаких картин ему больше уже не надо. Говорит, что новые впечатления его утомляют, — обратилась Анна Семеновна к Лаврову.

Лавров объяснил ей, зачем они приехали.

— Ну что ж... Отца и спрашивать нечего, — ответила Анна Семеновна. — Сами видите, в каком он состоянии. Делайте все, что необходимо, только осторожно. Варвара Львовна и Иван Константинович помогут вам, — и указала глазами на сиделку и санитару.

В кабинете Михеева не было лабораторных условий: стены и потолок не изолированы, и, кроме того, в комнате находилось несколько мозговых генераторов. Поэтому Лавров не решился принимать электроволны мозга Михеева на антенну, а захватил с собою для верности надевающийся на голову колпак.

Михеев поворчал немного и даже помотал головой, пока с его головы снимали шелковую шапочку и надевали колпак аппарата. Затем утих и задремал.

Так как необходимо было, чтобы мозг Михеева проявлял возможно большую деятельность, Лавров попросил санитару пустить на ученого струю свежего воздуха. Михеев поморщился и приоткрыл глаза. Лавров сейчас же начал громко рассказывать о последнем научном эксперименте ближайшего ученика и заместителя Михеева — академика Наумова и молодого ученого Малинина, продолжавших работы Михеева над получением внутриатомной энергии. Все свое остроумие, весь свой ораторский талант призвал Лавров на помощь, чтобы заинтересовать Михеева. И это как будто удалось. Лицо Михеева несколько ожило, он даже попытался задать какой-то вопрос. Он был похож на человека, отчаянно борющегося с сильной дремотой. Но... дремота одолела. Михеев закрыл глаза и пробормотал:

— Как неприятно подуло с моря холодным воздухом...

Лавров недовольно крикнул и буркнул, даже не понижая голоса:

— Больше из него, кажется, ничего не выжмешь.

Колпак сняли с головы Михеева, аппарат унесли. Лавров, Сугубов и Нина распрощались с дочерью ученого — сам он продолжал дремать — и вышли.

В голубой эмаливой гостинной аппарат уже стоял на овальном столе. Лавров быстро подошел к столу:

— Интересно посмотреть цереброграмму Михеева!

Сугубов безнадежно махнул рукой:

— Да разве это мозг Михеева?! Это развалина великого здания. Какое печальное зрелище!

— Вы слишком мрачно настроены, Леонтий Самойлович, — возразил Лавров. — Не все же процессы необратимые...

— Так, по вашему мнению, и старческий маразм Михеева — процесс обратимый? — колко возразил Сугубов.

— Я совсем не утверждаю, что патологическая старость — процесс обратимый. Но мы можем...

— Поздно, поздно, Иван Александрович. Вы знаете, я больше на профилактику налегаю. Ортобиоз, правильный образ жизни должен обеспечить нам здоровую, бодрую, нормальную старость без ослабления памяти и...

— А разве Михеев вел неправильный образ жизни?! — воскликнул Лавров. — Не вы ли сами вырабатывали для него жизненный режим?..

Обычный спор между «друзьями-соперниками» зашел было далеко, если бы внимание ученых не было отвлечено лентой, которую тем временем Нина извлекла из аппарата. На ленте видна была кривая работы мозга Михеева.

— Смотрите, смотрите! — уже совершенно дружеским тоном обратился Лавров к Сугубову. — Это что-то совершенно исключительное...

На ленте сначала шла тоненькая вибрирующая ниточка. Размах зигзагов, то есть амплитуда колебаний, «пульсация», был совершенно ничтожен, почти незаметен для глаза. Это характеризовало вялость мозговой работы Михеева... И вот эта тончайшая линия в нескольких местах вдруг как бы раздулась. Размах отдельных колебаний был так велик, что выходил за пределы ленты.

— Вот он, взлет гения!.. — тихо проговорил Лавров, почти подавленный грандиозностью явления. Нечто подобное, вероятно, испытывает сейсмолог, просматривая необычайную сейсмограмму. В зигзагах, ничего не говорящих непосвященному человеку, он отчетливо видит взрывы грандиозных сил природы.

— Вы помните тот момент, когда мне удалось оживить внимание Михеева? Вот оно, видите? А ведь мозг его и в этот момент работал не на полную мощность. Значит, сила мысли у Михеева не исчезла совершенно, а лишь ослабла и как бы дремлет... А вы говорите: «Необратимый процесс». Я решительно утверждаю, что если мозгу Михеева дать «костыли» — искусственное электропитание, — то на этих костылях он еще пошагает...

Сугубов задумался. Да, под пеплом старости еще тлеют угли былого огня. Кто знает, может быть, их действительно удастся раздуть в яркое пламя?

— Я первый поздравлю вас, если это вам удастся, — сказал, наконец, Сугубов. — Но ведь это было бы довольно рискованным экспериментом. Нужны предварительные опыты, но над кем? Над животными? Они не показательны. Над людьми? Недопустимы.

— Вы опоздали, Леонтий Самойлович! Я уже проделал ряд опытов над животными, и, представьте, довольно показательных... Проделал опыт и над человеком...

— Как?! Вы осмелились? — взволнованно воскликнул Сугубов. — И кто же тот несчастный, над которым вы...

— Я сам. Да, я сам этот счастливый человек! — торжествующе улыбнулся Лавров.

— Вы?

— Да, я. Теперь об этом можно говорить... Я думаю, что каждый из нас сделал бы то же самое.

— Да, но...

— Простите, Леонтий Самойлович: я наперед знаю все ваши «но», потому что одновременно это и мои «но». Я моложе Михеева — это раз. То, что перенес мой мозг, может не перенести мозг Михеева. Второе — качественные показатели мозга Михеева совершенно иные, чем мои. Нынешний мозг Михеева стоит ниже качественного уровня моего мозга. Но в его гениальных взлетах... На низком теперешнем уровне работающий мозг Михеева излучает столь слабые электромагнитные колебания, что их едва воспринимает даже этот сверхчувствительный аппарат. Ну, а во время вспышек былого проблеска сознания этот необычный мозг вырабатывает электрическую мощность, превышающую чуть ли не в десятки раз мощность «мозговых генераторов» среднего человека. Мы должны дать мозгу Михеева эквивалент той электроэнергии, которая когда-

либо вырабатывалась этим необычным мозгом самостоятельно. Эквивалент же этот является даже не лошадиной, а слоновьей дозой по сравнению с электро мощностью среднего человеческого мозга. Выдержат ли эту дозу изношенные мозговые клетки Михеева? А дать дозу меньшую — значит не поднять работу мозга Михеева до былой мощности.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил Сугубов.

— Продолжать опыты.

— Над собой?

— Зачем над собой? Над собой продолжать опыты не имеет смысла. Новый эксперимент будет показателен лишь в том случае, если мы произведем его над таким же дряхлым стариком и с таким же старческим слабоумием, как у Михеева... Ежели этот мозг выдержит максимальную дозу электропитания, выдержит ее и мозг Михеева.

— Неужели же вы хотите?.. — в ужасе воскликнул Сугубов.

— Я ничего не хочу. Я только сказал, какой эксперимент мог бы быть вполне показательным, — быстро возразил Лавров. — Ничьей жизнью я рисковать не собираюсь... Впрочем, при известной осторожности и последовательности риск может быть сведен до минимума. Можно подбирать для опыта стариков сначала бодрых, затем все более дряхлых и усиливать дозы электропитания их мозга с крайней осторожностью и самой пунктуальной последовательностью. В таком случае, я полагаю, никакого серьезного вреда здоровью испытуемых мы не причиним.

— Может быть, вы и правы, — не совсем твердо сказал Сугубов. — Во всяком случае, прошу вас: прежде чем мы произведем опыт над Михеевым, ознакомьте меня с результатами ваших предыдущих опытов.

— Контроль? Охотно принимаю! — воскликнул Лавров. — Будет исполнено. Вот вам в залог моя рука! — И он протянул Сугубову руку.

* * *

Размеренная жизнь ВИЭМ неожиданно резко нарушилась. Из клиники исчезло двое больных — Кудрявцев и Голубев. Весь институт был поднят на розыски стариков, и, наконец, их нашли в дальнем секторе Парка культуры и

отдыха. Оба они в течение нескольких дней проявили одинаковую и непонятную возбудимость и странное для старческих организмов ослабление тормозных процессов.

Наблюдая больных, Нина следила и за Лавровым. Ей казалось, что ему известны причины отклонения больных от психической нормы, но он скрывает эти причины. «Неужели, — задавала она себе вопрос, — неужели Лавров вопреки своему слову начал тайно производить рискованные опыты?» Нина вспомнила классическое определение высшей нервной деятельности:

«Это — сила обоих основных нервных процессов: раздражения и торможения, затем — соотношение по силе их между собою — уравновешенность и, наконец, подвижность их. Эти пункты, с одной стороны, ложатся в основание типов высшей нервной деятельности, а эти типы играют большую роль в генезисе нервных и так называемых душевных заболеваний; с другой — представляют характерные изменения при патологическом состоянии этой деятельности».

Так писал великий Павлов. Из этого незыблемого научного положения следует, что электризация мозга должна вести к патологическому состоянию. Все же Нина решила не вызывать Лаврова на объяснения и не делиться своими подозрениями с Сугубовым.

В тот самый день, когда Кудрявцев и Голубев, наконец, вернулись к своему обычному состоянию, из лаборатории Дубльва санитары вывезли труп Суркова, жалкого, дряхлого старика, который много месяцев находился на попечении института. Нина вошла в лабораторию, когда Суркова поднимали с пола. Одного взгляда на Лаврова, кресло, провода и тело несчастной жертвы было достаточно, чтобы понять, что произошло.

Бледный Лавров сурово и упорно смотрел в одну точку. Казалось, он хотел вызвать Нину на самое резкое столкновение.

И вдруг она поняла, что не только Сурков, не только Голубев и Кудрявцев, но и сам Лавров является жертвой своего экспериментаторского увлечения.

«Он электризует свой мозг и перестал контролировать свои желания. Он не управляет собой», — с ужасом подумала Нина. Она пробормотала какую-то фразу и быстро

вышла, с облегчением захлопнув за собой стальную дверь лаборатории Дубльвэ.

«К Сугубову, непременно к Сугубову», — решила Нина, хотя знала, что профессор отдыхает далеко за городом...

* * *

Такси летело довольно низко над землей. Пушистые от инея леса были освещены лучами заходящего солнца. Нина открыла окно, ее лицо обдал влажный, свежий воздух. Во всем чувствовалось приближение весны.

Показался холм, покрытый лесом, озеро и на берегу дом, окруженный садом.

Летчик еще раз нагнулся над картой и направил машину к дому, постепенно убавляя скорость.

Сугубов провел Нину в дом, сложенный из толстых бревен и напоминавший старинные постройки норвежских крестьян.

— Вот моя гостиная-столовая, — сказал Сугубов.

Нина с любопытством разглядывала вместительную комнату, большой стол и стулья с растопыренными резными ножками, диван, шкафчики резного дерева. По стенам висели ружья, ягдташи, удочки, хитроумные рыболовные снасти. В углу в большом очаге-камине пылали дрова. Над огнем висел медный чайник.

— Будьте как дома, — продолжал Сугубов. — Сюда люди с деловыми разговорами обыкновенно мною не допускаются. Вы — исключение. Здесь я только отдыхаю. Кругом леса, простор. Ближайший мой сосед — судостроитель Климов. Его дача на том берегу озера. Мы нередко с ним вместе охотимся.

— А еще чем вы тут занимаетесь?

— Отдыхом, отдыхом и отдыхом, — ответил Сугубов. — Чтобы хорошо работать, надо уметь хорошо отдыхать.

— Это тоже входит в ваш ортобиоз?

— Всенепременнейше. Ортобиоз — правильная жизнь, а правильная жизнь — это жизнь естественная, по законам природы и близкая к природе. И это вполне возможно даже для нас, жителей больших городов. Электромобили, аэротакси — все это великолепно. Но почему бы не прокатиться на хорошей лошадке зимним вечером по лесной дороге и полям?

— Как, вы...

— Представьте, большой любитель лошадей. У меня замечательная пара. Непременно вас покатаю. Но сначала о деле. Говорите, что у вас там стряслось.

Сугубов выслушал рассказ Нины, сидя у камина в деревянном кресле.

— Бедный мой друг-соперник... Вы знаете, мы наблюдаем за здоровьем друг друга. И мне казалось, что я знаю все тайники физической природы и высшей нервной деятельности Ивана Александровича...

Сугубов глубоко задумался. Нина тоже сидела молча, мешая ему сосредоточиться.

Как бы рассуждая с самим собой, Сугубов, наконец, заговорил:

— Завтра же Ивана Александровича осторожно отстраним от работы. Придумаем неотложную командировку. Придется и мне ехать понаблюдать за ним. Может быть, удастся подвинтить его ослабнувшие тормоза и восстановить ослабнувшее взаимоотношение двух процессов.

Однако эти планы Сугубову выполнить не удалось. Когда на следующий день он приехал в ВИЭМ, ему встревоженно сообщили об исчезновении Лаврова и Никитиной. К вечеру стало ясно, что нигде в Ленинграде профессора и его ассистента нет. Как ни дика показалась вначале Сугубову мысль, что Лавров похитил Нину и сам скрылся, опасаясь, что ему помешают продолжить опыты, эта мысль с каждым часом все больше овладевала им.

* * *

Иван Александрович Лавров действительно увлек Нину в путешествие и действительно радовался тому, что таким образом помешает Нине выступать против его опытов. Но решение о поездке появилось только вследствие того, что его старый приятель Глебов, начальник подводной арктической станции, срочной радиограммой попросил Лаврова приехать произвести ему операцию.

Нина едва успела вернуться от Сугубова, когда ее вызвал Лавров, и, будто накануне ничего не произошло, мягко и сосредоточенно заговорил:

— Мне нужна ваша помощь, и я надеюсь, что вы не откажете мне. Я получил радиограмму. Умирает мой близ-

кий друг. Нужна операция. Ее успех отчасти зависит и от вас: я уже привык работать с вами, у вас ловкие руки, и вы понимаете с полуслова, что нужно делать. Наше путешествие продлится недолго. Может быть, мы успеем вернуться сегодня же вечером, в крайнем случае — завтра к утру.

— Летим, — ответила Нина.

Ничего другого она не могла сказать; нельзя же отпустить Лаврова одного, и притом он собирается делать серьезную операцию. Кто знает, как еще может измениться его настроение в пути и к чему эти перемены приведут?..

Уже на втором часу пути эти перемены, которых опасалась Нина, начали сказываться. Лавров хмурился, прикладывал концы пальцев к вискам и, наконец, сказал:

— Здесь, в ящике, переносный аппарат для электризации... Мне надо освежить свой мозг. Вы, вероятно, и не знали, что я частенько прибегаю к этому.

Нина мгновение колебалась, затем ответила:

— Я знала, Иван Александрович.

— Будто бы? — спросил он, посмотрев на нее насмешливо и в то же время испуганно. — Неужели вы исподтишка выслеживали меня? Но ведь я закрывался в лаборатории...

— Нет, Иван Александрович, я не выслеживала, но у вас так резко изменился характер, вы стали совершать несвойственные вам поступки...

— Ну, конечно! — гневно воскликнул Лавров. — Вы хотите сказать, что от электризации мозга я спятил с ума?.. Помогите же мне. Аккумуляторы малы, но чрезвычайно тяжелы.

— Не помогу, профессор.

— Почему?

— Потому что электризация губит вас!

Лавров опустил перед ящиком и, открывая его, быстро заговорил:

— Упрямица! Без электризации я смогу погибнуть еще быстрее. Мой мозг уже привык к электризации, как к наркотику. Если я не получу привычной дозы, наступит реакция, глубокий сон, если не что-нибудь худшее. А что если в полете произойдет какая-нибудь неожиданность? Как ни совершенны автоматы, в известных условиях они не могут заменить человека.

— Научите меня управлять ими.

— Это не так просто, — возразил Лавров. — И, кроме

того, не забывайте, что мне предстоит чрезвычайно сложная операция. От состояния моего мозга зависит жизнь человека.

С этими доводами нельзя было не согласиться. «Ведь и применение наркотических средств нельзя слишком резко обрывать», — убеждала себя Нина, нехотя помогая Лаврову.

Когда электризация мозга была закончена, Лавров шумно вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Вот! Теперь хорошо! Мысль ясна и легка.

— Мне не совсем понятно действие электризации, — сказала Нина. — Если работа мозга и облегчается, получая электроэнергию извне, то усиление мозговой деятельности должно происходить только в то время, когда получает добавочное искусственное электропитание. Но с прекращением этого питания работа мозга, во всяком случае, по субъективному мнению, должна скорее ухудшиться. Между тем вы как будто находите, что действие...

— Да, нахожу, — прервал Нину Лавров. — Почему так происходит, для меня самого еще неясно, но действие электризации мозга имеет длительный характер. Разве иначе я стал бы прибегать к электризации? Именно потому, что действие было длительным и пятиминутной зарядки хватало на сутки, я и начал систематически подвергать себя этой процедуре. Не думайте, что я стал каким-то электронаркоманом. Когда я сочту опыт законченным и верну память Михееву, то подвергнусь электронаркозу, выплюсь и проснусь как ни в чем не бывало.

«Так его и придется лечить», — подумала Нина и тут же вспомнила, что не оставила Сугубову сообщения о своем отъезде. Впрочем, вероятно, это сделал Лавров.

— Конечно, в ВИЭМ знают о нашем отъезде? — спросила Нина.

— Что? Зачем? — вспыхнул Лавров и вдруг закричал: — Я распоряжаюсь собой! И вами! Понимаете?

Нина пожала плечами и, стараясь не обнаружить перед Лавровым своего волнения, поставила экран «телеглаз».

Густая пестрая и синяя сеть каналов пересекалась во всех направлениях.

Могучий экран переносил океанский корабль через водяной перекресток. Бесчисленные поезда, похожие на чудовищных ящеров, шли по необычайно широкой колее,

сверкая окнами двух этажей. Над этими поездами по легким ажурным эстакадам на высоте ста метров мчались другие, еще более быстроходные. По автострадам мчались вереницы безрельсовых поездов и автомобилей. Машина Лаврова то плавно поднималась, то делала вираж, чтобы обойти встречный воздушный поезд — гигантский крейсер воздушного океана. Об этом заботились зоркие и неутомимые глаза — фотоэлементы автоматического пилота.

В поле зрения «телеглаза» вошел летающий городок — научный институт. Там ведется напряженная и разнообразная научная работа по астрономии, метеорологии, аэрологии, биофизике. Как своеобразна должна быть жизнь в этом летающем городе под вечно безоблачным небом! Раньше Нина мечтала побывать в этом исключительном сооружении эпохи, но ее теперь так угнетала мысль о поведении Лаврова и ее собственном легкомысленном согласии на поездку, становящуюся похожей на плен, что она равнодушно смотрела на купола обсерватории и «минареты» — вышки с научными приборами, придававшие городу восточный характер.

Воздушный городок остался позади.

Нина тихо встала и пошла в аппаратную. Лавров не окликал ее. Узкая дверь открылась без звука. За нею — маленькая комнатка, вся уставленная сложными авиационными приборами. Вот и радиотелефон. С волнением Нина взялась за вариометр. Длина волны приемно-передающей радиостанции института...

Так. Но почему аппарат не оживает?..

Нина нетерпеливо склонилась над столом и вдруг услышала насмешливый голос Лаврова:

— Не трудитесь понапрасну. Ничего не выйдет. Эта радиостанция с секретом...

* * *

То, что издали Нина приняла за форму моста, оказалось аэродромом, сооруженным между двумя отрогами гор...

Аэродром был снабжен тормозными электромагнитами и подвижной поверхностью посадочной площадки. Эта поверхность могла двигаться, таким образом машины могли садиться на небольшой аэродром даже при незначительной посадочной скорости.

Транспортер подтянул машину Лаврова к краю аэродрома. Лавров и Нина с чемоданами, в которых были медицинские принадлежности, вошли в кабину лифта. Началось новое путешествие. Лифт опустил их с горы. Они вышли на небольшую площадь, сели в электромобиль и покатали по дороге, высеченной в граните, к берегу моря. Там они вошли в кабину другого, последнего лифта. Это путешествие длилось всего шесть минут. Лавров и Нина вышли. Перед ними был небольшой вокзальный зал, хотя и не очень большой. «И это под водой, под вечным покровом двигающихся льдов», — подумала Нина и сказала, обращаясь к Лаврову:

— Однако и забрался же ваш Глебов. Его и со сказочным наливным яблочком не найдешь.

— Найдём, ответил Лавров. — Мы почти на месте. Входите в кабину лифта, Нина, будем погружаться в пучину Полярного океана.

Нина вошла в кабину и на ее стене увидела чертежи подводной лаборатории. Это было обширное круглое здание, поднимающееся из глубины океана, вершина его была ниже подошвы ледяных полей. Оно стояло на обрыве подводного плато. Из нижнего этажа шел тоннель-отросток, погружавшийся в еще большую глубину. Пока они опускались, лифтер успел сообщить Нине кое-какие подробности о здании. Во всех этажах производятся научные исследования соответствующих слоев воды — биологические, физические, химические, берутся пробы воды через особые камеры. Стены здания построены из специальных сплавов, не подвергающихся коррозии. Двадцать подводных лодок совершают плавания для изучения центрального полярного района.

На вопрос Лаврова о Глебове лифтер ответил:

— Дмитрий Иванович лежит в больнице. Это во втором этаже.

В предоперационной комнате Лавров потребовал для себя и Нины стерильные халаты, переоделся и начал мыть руки. В это время вышел молодой врач. Он приветствовал профессора и грустно сказал:

— Несчастье, профессор... Глебов...

— Что с Дмитрием?! — воскликнул Лавров.

— Увы... Дмитрий Иванович только что умер от шока во время операции.

Лавров крикнул, но, к удивлению Нины, продолжал мыть руки с необычайной поспешностью и даже каким-то ожесточением. «Быть может, — подумала она, — это происходит у него бессознательно?»

— Скорее, Нина, мойте руки, — приказал он.

«Видно, смерть Глебова еще больше омрачила его разум», — подумала Нина, но не стала перечить профессору.

Несмотря на всю спешку, Лавров постоял еще вместе с Ниной под ливнем лучистой энергии, чтобы окончательно стерилизовать поверхность тела, и только после этого вошел в операционную.

Глебов еще лежал на операционном столе. Хирург непонимающими глазами посмотрел на Лаврова и сказал:

— Но ведь Глебов мертв, профессор.

— Знаю. Нина, возьмите из серебряного ящичка шприц и две ампулы.

И Лавров начал с необычайной скоростью и ловкостью оперировать мертвое тело. Хирург был так ошеломлен, что несколько секунд оставался неподвижным, а затем, подчиняясь авторитету профессора, хотя и не понимая цели посмертной операции, начал помогать Лаврову. У покойного Глебова был очень тяжелый случай ущемленной грыжи. В две минуты Лавров закончил начатую до него операцию, поразив хирурга и Нину совершенством техники, находчивостью и быстротой. Оставалось только наложить швы. Предоставив это дело хирургу, Лавров сказал Нине:

— Теперь давайте скорее шприц и ампулы. — Он быстро отколол головки ампул, наполнил шприц жидкостью, сделал укол в сердце мертвеца, и через несколько секунд Глебов начал подавать признаки жизни. Появился слабый пульс. Изменился цвет лица. Он начал дышать. Открыл глаза. А еще через некоторое время спросил:

— Удалось закрыть камеру?

* * *

Вечером два друга, Лавров и Глебов, тихо беседовали.

— Понимаешь, Ваня, — рассказывал Глебов, — у нас здесь в стенах — камеры, при помощи которых мы берем пробы воды. Мне нужно было взять пробу из нижнего этажа. Внешнее давление воды там большое. Когда дверка камеры открылась и вода начала вливаться в особый бак, я

заметил, что механические затворы не действуют. Когда пришли на помощь, я уж почти без памяти от боли был, и вода стояла у подбородка.

Потом Глебов рассказал о ходе работ по растоплению ледников Гренландии и о том, как, не ожидая окончания этих работ, советские люди добрались подо льдом до рудных недр Гренландии.

— Понимаешь, — с увлечением заговорил он на новую тему, — разрабатывается проект использования энергии движения арктических льдов, их дрейфа. Как тебе нравится?

Глебов засмеялся холодным смехом, и Лавров попросил его не хохотать.

— Швы разойдутся!

— Ну что там швы! Забудем о них. Понимаешь, какая это силища!

Заметив, что Глебов устал, Лавров перевел беседу на более легкий предмет. Они стали вспоминать детство.

— Помнишь, как мы брали призы на скутере?

— А наш бусер «Самолет»!

— А наш школьный театр! Помнишь, ты играл роль Гамлета? У нашей Офелии-то, у Жени Стаховой, случился тогда маленький скандал с костюмом.

— Как же, помню!

— А ты не забыл лето, проведенное у моих родителей в Тропинине? Во время экскурсии мы обнаружили тогда залежи каменного угля, — сказал Глебов.

— Да, и наловили раков. Вот где раков-то было! Твой отец их очень любил. Он жив?

— Живехонек. Что ему сделается, — ответил Глебов, — бодрый старик. Да он еще не так стар. Всего сто два года. У меня и дед жив.

— Неужели? — удивился Лавров. — Тому-то уж много лет должно быть.

— Да, дед в преклонных годах. Сто тридцать девять лет. На пасеке работает. Читает без очков. Книгу пишет, какие-то мемуары со странным названием «Чего у нас нет». На одно жалуется — память ослабевают.

— Уставать стал? И память ослабела? — с интересом спросил Лавров. — Так это дело поправимое! У меня с собою аппарат. Сто тридцать девять лет... Я непременно

должен его видеть. Если хочешь, я и тебе могу освежить мозги.

— Не надо, Ваня, спасибо, мозги мои свеженькие.

— А все-таки, Митя...

— И память отличная, Ваня. Хоть сейчас мемуары пиши. Да и старик мой не захочет. Он еще себя старым не считает. Вот у него приятель есть, Магомет Закиров, тому сто шестьдесят девять лет.

— Сто шестьдесят девять? — повторил Лавров с непонятым Глебову увлечением.

— Да.

— Ну, как хочешь. Отдохни теперь, Митя, — пробормотал профессор и вышел из комнаты.

В коридоре Лавров встретился с Ниной. Воспользовавшись беседой Лаврова с Глебовым, она смогла, наконец, передать в Институт весть о себе и Лаврове. Сугубов обещал вылететь на Полярный остров и забрать Лаврова с собой. Но радостная улыбка застыла на ее губах, когда Лавров отрывисто сообщил:

— Сейчас отправляемся.

* * *

Островитяне тепло проводили Лаврова и Нину. Через двадцать минут полоса полярных льдов исчезла. Почему же, однако, машина Лаврова летит на юго-восток? Или он ошибся, давая маршрут пилоту-автомату?

— Мы не сбились с пути, Иван Александрович?

— Нет, все в порядке. Летим куда надо. Я хочу навестить одного интересного человека. Он живет... На Памире. Не сердитесь, Нина, это отнимет у вас еще одни сутки. Да ведь у вас, кажется, дома дети не плачут. Полет должен быть интересным, — утешил он ее с легкой насмешкой, — летим навстречу весне!

Действительно, при быстром полете на юг время как будто ускорило свой бег. Давно ли внизу расстился белый снежный покров! Потом в этом белом покрове стали появляться, и чем дальше, тем чаще, темные проталины. Затем вся земля стала черной, с белыми пятнами свежих остатков возле лесов, в долинах и на северной стороне холмов. Скоро исчезли и эти белые пятна. Внизу расстился черный покров, на котором кое-где начали появляться зеленые

пятна; их становилось все больше и больше, и вот все зацвело и зазеленело — и луга, и поля, и леса. Молодые леса широкими полосами тянулись с запад на восток, а кое-где с севера на юг. Зелеными стенами окружали они зеркальную гладь озер и тянулись вдоль берегов серебристых рек. Дальше полет продолжался над горными хребтами. Нина уснула и проснулась, когда они уже снижались над аэродромом Солнечного города...

* * *

Пилот-автомат повернул машину к аэродрому. Сугубов посмотрел вниз и увидел Солнечный город, весь залитый электрическим светом. Среди огромных круглых зеркал и огромных черных шаров — собирателей солнечных лучей — виднелись дома с плоскими, посеребренными для отражения крышами, окруженные садами, пирамидальными полями, кипарисами и виноградниками. Вид кипарисов и виноградников на плоскогорье не удивил Сугубова; он уже видел чудеса акклиматизации и переделки растений.

Легкий, едва уловимый толчок. Машина коснулась гладкой поверхности аэродрома.

Сугубов посмотрел на часы.

— Двадцать два пятнадцать, — сказал он. — Не думаю, чтобы Закиров ложился спать так рано. Возможно, что Лавров и Никитина еще у него, если догадка Глебова верна...

Подъехал небольшой гелиоэлектромобиль.

— В гостиницу? — спросил шофер.

— Если можно, к товарищу Закирову. Он живет...

— Прошу садиться. Я знаю, где он живет, — перебил Сугубова шофер.

Машина бесшумно, как тень, пробежала огромный аэродром, миновала ряд домов аэропорта и стала подниматься по великолепной, хорошо освещенной дороге, по сторсам которой росли абрикосовые, персиковые деревья и кусты цветущих роз. В горах, на открытых местах виднелись дома, окруженные садами, и старинные сооружения на высоких башнях в форме ромбов.

— Мощные ветросиловые установки, — сказал шофер. — Комбинация многих десятков пропеллеров-ветряков на одной раме, которая может поворачиваться по ветру.

Дорога сделала поворот, и Сугубов увидел внизу горные луга, местами напоминавшие лужайки, покрытые только что выпавшим снегом.

То были освещенные ярким лунным светом бесчисленные стада тонкорунных овец, отдыхавших в ночной прохладе. А еще ниже, от гор до горизонта, тянулась необозримая площадь сплошных культурных земель, хлопковых полей, виноградников, садов. Блестели выпрямленные русла рек, новых озер и гидропортов.

Новый поворот, и Сугубов увидел прилепившееся к скале гнездо — дом с верандой, покрытый вьющимся виноградом. К дому вела каменная лестница. Недалеко от нее был устроен лифт. Окна и веранда были ярко освещены.

Шофер подъехал к лифту.

— Дом Магомеда Закирова.

* * *

Входная дверь дома была открыта. На пороге стоял красивый, загорелый мальчик. Его черные кудрявые волосы прикрывала тюрбетейка. Одет он был в рубашку, короткие штанишки и сандалии. Тюрбетейка и весь костюм мальчика, казалось, были сделаны из серебристой паутины.

Мальчик смотрел куда-то вверх и кричал:

— Авис! Авис!

Увлеченный этим странным занятием, он не заметил Сугубова.

Вдруг откуда-то камнем свалился сокол и уселся на плечо мальчика.

В тот же момент послышался женский голос:

— Леонид!

Из дома вышла молодая женщина в длинной белой одежде. Ее черные косы были перевиты жемчужными нитками, лицо поражало красотой.

— Иду! — крикнул мальчик.

Он убежал в дом с соколом на плече, а женщина, увидев Сугубова, выжидательно остановилась.

— Могу я увидеть Магомета Закирова? — спросил Сугубов. — Он еще не спит?

— Нет, он не спит, — певучим, музыкальным голосом ответила молодая женщина. — Но вам придется подождать. Сейчас его осматривает профессор из Ленинграда.

— Профессор из Ленинграда? — воскликнул Сугубов. — Его-то мне и надо. Прошу вас немедленно провести меня к нему. Дело не терпит ни малейшего отлагательства. Я профессор Сугубов, друг профессора Лаврова.

— Пожалуйста, — спокойно и так же певуче ответила женщина.

Сугубов последовал за ней.

Они вошли в комнату со сводчатым потолком, узкими окнами и нишами. Все свободное пространство возле окон было заполнено книгами и географическими картами Памира. Прямо против двери в кресле с высокой спинкой сидел высохший старичок в бухарском халате и тюбетейке на совершенно облысевшей голове. Его бритое лицо со старчески обострившимися линиями напоминало маску Вольтера работы скульптора Гудона. Его запавшие, но еще живые глаза выражали недоумение, на губах застыла улыбка. Старик поворачивал голову то направо, то налево. За креслом, на полу лежал аппарат Лаврова для электризации мозга.

Возле Закирова стоял взбешенный Лавров, по другую сторону кресла — побледневшая Нина.

— Это снова ваши проделки! — почти кричал Лавров, обращаясь к Нине. — Я вас взял в помощницы не для того, чтобы вы мешали мне работать.

Нина заметила в дверях молодую женщину и Сугубова, вскрикнула и бросилась к ним навстречу, как бы ища защиты. Лицо ее сразу порозовело. Она быстро шепнула на ухо Сугубову:

— Я испортила аппарат, чтобы Лавров не смог произвести опыта.

— И хорошо сделали, — вслух сказал Сугубов.

Он решительно шагнул к Лаврову, который недружелюбно смотрел на незваного гостя.

— Товарищ Закиров... — Сугубов поклонился старику. — Простите, что побеспокоил вас...

— Пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста! — Старик закивал головой, как китайская статуэтка, и все лицо его расплылось в улыбке. — Мой дом — ваш дом...

— У меня совершенно неотложное дело к Ивану Александровичу Лаврову.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — вновь закивал головой Закиров. — Значит, лечение на сегодня откладывается? —

спросил он, и, обратившись к Сугубову, продолжал: — У меня с памятью что-то неладно. Обедал я сегодня или не обедал?

* * *

Полная луна осветила ледники. Внизу горел огнями Солнечный город. Из городского сада доносилась музыка.

— Нет, нет и нет! — волновался Лавров. — Глупости и чепуха. Я совершенно здоров.

— Но поймите, Иван Александрович, — убеждал его Сугубов. — Вы сами врач...

— О, я понимаю. Я все понимаю! — воскликнул Лавров. — Вижу все насквозь. Вы просто завидуете мне!

При этих словах Сугубов выпрямился, лицо его нахмурилось, но он тотчас сдержал себя и добродушно улыбнулся. Это, по-видимому, еще более рассердило Лаврова.

— Да, да. Вы только прикидываетесь моим другом. Вы и ваша сообщница Нина, которая шпионит за мною и срывает работу, хотите скомпрометировать мой новый метод лечения.

Но чем больше горячился Лавров, чем больше говорил он обидных, оскорбительных слов, тем спокойнее становился Сугубов. Его движения стали скупыми, сдержанными, он даже понизил голос, когда обратился к Лаврову:

— Опомнитесь, Иван Александрович. В нашей стране в наше время кто же руководствуется низкими личными мотивами?

— Атавизм всегда возможен. Выродки могут быть и в наше время.

— Я прощаю вам ваши слова, — ответил Сугубов, — потому что вы жертва опасного эксперимента над самим собою и, безусловно, нуждаетесь в лечении. Ничего, кроме добра, мы не желаем вам, поймите это наконец.

— Лицемерие! Вы не остановитесь и перед тем, чтобы обвинить меня в вымышленном убийстве Суркова. Вы, наверное, уже состряпали соответствующее медицинское заключение в компании с врачами вашей школы. Между нами все кончено!

Дрожа от негодования, Лавров поднялся и направился в кабинет Закирова.

Закиров открыл глаза, услышав шаги.

— Прощайте, товарищ Закиров! — громко сказал Лавров. — К сожалению, я не могу восстановить вашу память в настоящее время. Люди препятствуют этому. Они умышленно испортили аппарат.

Лавров многозначительно посмотрел на Сугубова и Нину.

Закиров растерянно пожаловался:

— Но как же так? Я не могу жить без памяти! Я беспрерывно задаю вопросы окружающим все об одном и том же и очень им надоедаю. Почему вы не хотите вернуть мне память, профессор?

— Потому, что аппарат профессора Лаврова — средство новое и еще опасное, — спокойно сказал Сугубов.

— Опасное! И это говорите вы! — воскликнул Лавров. — Ворвались сюда непрошеным гостем, помешали мне лечить товарища Закирова... Довольно!

Лавров решительными шагами вышел в смежную комнату, где помещались радиотелефонные аппараты. Вскоре послышался его возбужденный голос:

— Аэродром! Дежурного! Алло, говорит профессор Лавров. Немедленно приготовьте мою машину к полету. Невозможно? Почему невозможно? Механизм поврежден? Необходим ремонт? Сколько это займет времени? Не ранее завтрашнего утра? Но это никуда не годится! Мне необходимо немедленно лететь в Ленинград. В таком случае дайте мне другую индивидуальную машину. Нет? А когда вылетают пассажирские аэропланы? А скорый воздушный поезд на Ленинград? В шесть часов десять минут утра? Но это же безобразие! Немыслимая вещь! А! Это... Я понимаю, что все это значит!

Голос Лаврова замолк, и через несколько секунд он как буря ворвался в кабинет Закирова.

Потрясая кулаками, он кричал, обращаясь к Сугубову и Нине:

— Это вы! Ваши интриги! Заговор! Безжалостные, бессердечные, жестокие люди! Я ненавижу вас!

Казалось, он бросится на спокойно стоящего Суркова, но внезапно наступила реакция.

— Что я сделал вам? — воскликнул он голосом, полным тоски и отчаяния. — За что вы мучаете меня?.. — Он бессильно опустился на оттоманку, закрыл лицо руками и залепетал, как обиженный ребенок: — За что? За что?..

Нина подбежала к Лаврову, опустилась на ковер, схватила его руку и заговорила горячо и искренне:

— Милый Иван Александрович, успокойтесь! Поверьте, что мы вас очень, очень любим и...

Но он грубо оттолкнул ее:

— Уйдите! Уйдите! Не прикасайтесь ко мне! Оставьте меня в покое.

Смущенная, опечаленная, Нина отошла от Лаврова.

Ее попытку повторила молодая женщина, встречавшая Сугубова. Она села возле Лаврова и погладила его по голове.

Было что-то успокоительное и убедительное в простых словах, в ее ласковых жестах и мелодичном голосе. Лавров не отталкивал ее.

Судорожные рыдания утихли и перешли в глубокие вздохи, которые также постепенно затихли.

— Ну, вот и хорошо, — сказала молодая женщина, продолжая гладить Лаврова по голове и плечу. — Вы отдохнете у нас, а рано утром улетите. И все будет хорошо. Вы устали, нам надо отдохнуть. Идемте, идемте! — И она помогла ему подняться, поддерживая под локоть.

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов глубоко и облегченно вздохнул.

— Главное сделано. Лавров проведет здесь ночь. Надо воспользоваться этим и обсудить план действий.

* * *

Михеев дремал в кресле. Возле него сидела седовласая дочь, неизменный спутник его старости, и читала книгу, поглядывая на часы, — не пора ли давать лекарство. Лица отца и дочери обвевал искусственный бриз, ритмически шумели волны иллюзорного моря на экране. Сегодня, как вчера, как третьего дня, и так будет, пока последняя искра жизни не угаснет в ее дряхлом отце. Она не жаловалась на свою судьбу, на однообразие жизни. Она не только горячо и нежно любила отца, но и глубоко уважала его научный гений. Помощь ему — помощь родине, человечеству. Михеева с огорчением думала не о себе, а об отце. Насколько она себя помнила, он всегда был стариком. Седым стариком он уже склонялся над ее колыбелью. Но какой это был живой, бодрый старик! Все величайшие свои работы и

изобретения он осуществил при ее жизни, у нее на глазах. Дочь жила одной жизнью с отцом, хорошо знала ход его работы, вместе с ним печалилась над его неудачами, радовалась его успехам. И с последней его работой — задачей получения атомной энергии — она сжилась, сроднилась, глубоко веря, что отец успешно разрешит эту величайшую проблему, над которой работало несколько поколений. Но вот пришла неумолимая старость и ее спутники — дряхлость, ослабление, а затем потеря памяти и угасание умственных сил. Такого конца она не ожидала. С какой радостью отдала бы она свою жизнь, чтобы только отец мог довести работу до конца! Но что могла сделать она? Крупнейшие светила медицинской науки оказались бессильны перед старческим маразмом.

Анна Семеновна в долгие часы своих дежурств с грустью размышляла о приближающейся смерти отца... Сугубов, Лавров и другие... Сколько их перебывало у отца. Все они обещали вернуть ему работоспособность, память — и все напрасно. Вот теперь появился этот новый белобрысый безусый доцент с юношески пухлым лицом — Алексеев. Обещает и он...

Бесшумно, чтобы не побеспокоить Михеева, вошла сиделка. Наклонившись над ухом Анны Семеновны, она шепнула:

— Доктор Алексеев спрашивает, можно ли войти.

«Легок на помине», — подумала Анна Семеновна, вздохнула, захлопнула книгу.

— Пусть войдет.

Через минуту Алексеев вошел с небольшим чемоданом в руках.

— Здравствуйте, Анна Семеновна. Не побеспокоил? Разрешите произвести Семёну Григорьевичу внутривенное вливание?

Самого Михеева уже не спрашивали о таких вещах. Он был безразличен и апатичен ко всему.

— Что же, можно. Только постарайтесь не делать ему больно.

— Не беспокойтесь, и не почувствует.

Алексеев с помощью дежурного врача занялся приготовлениями, а Анна Семеновна принялась будить отца.

— Не надо, Анна Семеновна, — остановил ее Алексеев. — Пусть спит. Так даже лучше.

Домашний врач поднял рукав блузы Михеева, Алексеев продезинфицировал и анестезировал локтевой сгиб руки, быстро и ловко ввел в вену шприц и влил содержащуюся в нем жидкость. Он внимательно посмотрел на лицо Михеева, который по-видимому, даже не почувствовал произведенной над ним операции. Лицо Михеева оставалось спокойным. По указанию Алексеева домашний врач уже готовил другой шприц, с другой жидкостью, а сам Алексеев, не переставая наблюдать за лицом Михеева, вынул из чемодана небольшую круглую коробку и приложил ее к сердцу Михеева. В кабинете начали раздаваться удары сердца, сопровождаемые шумом. Частота ударов все увеличивалась, и вдруг начались перебои. Лицо Алексеева выразило крайнее внимание и, как показалось Михеевой, волнение.

Анна Семеновна забеспокоилась. «Нельзя доверять этому юноше, — думала она, враждебно глядя на Алексея. — Еще погубит отца...»

— Шприц! — коротко приказал Алексеев и произвел инъекцию в области сердца. Через несколько секунд перебои прекратились, удары стали ровнее и медленнее. Алексеев облегченно вздохнул и радостно улыбнулся.

— Все в порядке, Анна Семеновна, — уже громко сказал он, собирая инструменты.

— Но я не вижу никаких изменений, — скептически ответила женщина.

Алексеев ничего не ответил, только заулыбался еще шире.

Вдруг на ее глазах стало происходить чудо. Безжизненная маска лица Михеева начала оживать. Тупое, бессмысленное выражение сменилось сознательным. Дряблые мышцы как-то подобрались. Она начала узнавать знакомые и любимые черты, черты, давно уже обезображенные дряхлостью. Михеев проснулся и глядел на нее. Замирая от радостного изумления, она увидела в глазах отца ясную мысль, полное сознание. Он улыбнулся, чего не делал все последние годы, и своим прежним, внезапно окрепшим голосом бодро сказал:

— Как я хорошо себя чувствую, Анечка!

Потрясенная Анна Семеновна искала Алексея, но молодой человек незаметно ускользнул из комнаты...

Институт ликовал, и с ним вместе ликовала вся страна, почитавшая гений великого ученого...

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов и Нина снова вышли на веранду.

— Если бы к нам привезли раненого, потерявшего сознание, положение которого потребовало бы немедленной операции, мы не стали бы дожидаться, пока он придет в себя, а произвели бы эту операцию немедленно, — точно раздумывая, заговорил Сугубов.

— Разумеется, — согласилась Нина.

— Вы согласны? — Сугубов потряс руку Нины. — Я думаю применить электронаркоз. Благотворные результаты этого метода лечения проведены над Голубевым и Кудрявцевым.

— Удобно ли эту процедуру производить здесь? — спросила Нина.

— Вполне, — ответил Сугубов. — Этот план лечения я принял еще в Ленинграде, вылетая на поиски Лаврова, и захватил с собой всю необходимую аппаратуру.

— Лавров сам высказывался за электронаркоз, — подтвердила Нина. — Но как мы это сделаем?

— После крайнего возбуждения, в котором находился Иван Александрович, должна наступить реакция. Бороться с нею новой электризацией он не может, так как аппарат испорчен. И я думаю, он должен крепко уснуть. Во время сна мы пустим в действие аппарат, и естественный сон Лаврова незаметно перейдет в электросон.

Нина опять выразила согласие кивком головы.

— Имейте в виду, — напомнил Сугубов, — что погрузить человека в электронаркоз на час, на два, даже на восемь часов нетрудно. Но в данном случае необходимо продержать нашего пациента во сне десять-двенадцать суток. Все это время нужно будет поддерживать его искусственным питанием, следить за правильностью естественных отправлений, за работой сердца — ведь на искусственном питании организм, а следовательно, и работа сердца ослабевают...

Через два часа молодая женщина вернулась с долгожданной вестью:

— Уснул.

Сугубов выждал еще несколько минут. Вместе с Ниной они пошли по коврам, хорошо заглушающим шаги. Каза-

лось, Лавров ничего не слышит, но вдруг он мучительно застонал и открыл глаза. Сугубов и Нина не успели скрыться, как он поспешно вскочил и закричал:

— Хотите захватить спящего?

Лавров дико засмеялся, сорвал со стены ятаган и бросил в Сугубова. Ятаган задел руку Сугубова, и профессор пошатнулся. Его белый рукав окрасился кровью.

Лавров напряженно уставился в расползающееся кровавое пятно, потом схватился за голову.

— Что я наделал? Я ранил вас! Поднимите скорее рукав рубашки. Покажите рану! Я сделаю вам перевязку.

При виде крови он забыл обо всем, кроме того, что он врач, хирург.

«На этот раз ослабление тормозов пошло на пользу», — подумала Нина.

Пользуясь тем, что Лавров, безгранично отдаваясь чувству беспокойства, всецело занят раной, Сугубов незаметно передал Нине ящик аппарата для электронаркоза, чтобы Лавров, увидав аппарат, вновь не перешел к возбуждению. Нина незаметно спрятала аппарат за занавеской окна.

— Пустяки, — успокаивал Сугубов Лаврова. — Немного рассечена кожа и мышцы. Промою антивирусом, Нина сделает перевязку, и все будет в порядке.

— Нет, нет, — задыхался Лавров. — Края раны необходимо сшить. Нина с этим не справится. Нина, вы здесь? Приготовьте сейчас же все необходимые инструменты.

Чтобы отвлечь Лаврова, Сугубов не возражал. И Лавров, продезинфицировав свои руки, ловко и быстро зашил рану. Когда работа была окончена, Сугубов сказал:

— Благодарю вас, Иван Александрович. И простите нас. В этом печальном инциденте виноваты сами мы. Мы хотели только посмотреть, хорошо ли вы спите...

Сказал и тотчас понял свою ошибку. Не надо было выходить из роли пациента и наводить Лаврова на другие мысли. Лавров вдруг нахмурился и недружелюбно посмотрел на Сугубова.

— Спокойной ночи, Иван Александрович. Больше мы не будем беспокоить вас, — поспешил сказать Сугубов, предупредив новую вспышку, и быстро вышел вместе с Ниной из комнаты. В коридоре они встретили молодую хозяйку.

— Теперь я попробую, — прошептала женщина.

— Что?

— Приготовить больного для вашего лечения.

Она проскользнула в комнату Лаврова со старинным серебряным бокалом в руке.

— Простите, что я вошла к вам, — сказала она. — Я слышу ваши шаги. Вам не спится? У нас есть старый обычай: если гостю не спится, ему подносят бокал вина. Чудесное вино нашей чудесной страны. Прошу вас... — И она протянула бокал.

В глазах Лаврова вспыхнули огоньки недоверия.

— А у нас другой старинный обычай, — процедил он. — Хозяйка, подающая гостю вино, должна пригубить из той же чаши. — И он пытливо посмотрел в глаза молодой женщины. Спокойно улыбаясь, она отпила вина и протянула бокал Лаврову. Через несколько минут он крепко спал.

Сугубов и Нина спокойно вошли в комнату и без помех погрузили Лаврова в глубокий электронаркоз.

* * *

Для Сугубова и Нины началась страдная пора. Слова Сугубова — «когда спит пациент, не спят врачи» — оправдывались. Все ночи напролет они проводили возле спящего. Только иногда днем Сугубов позволял себе вздремнуть на несколько часов, надев радионаушники, но даже в дремоте продолжал следить за работой сердца Лаврова. При малейших перебоях он просыпался. Так опытный механик даже во сне слышит работу мотора и просыпается при малейшем нарушении ритма. Рана на руке заживала нормально. Благодаря новейшим анестезирующим средствам Сугубов не испытывал боли, хотя рана все же мешала работать.

Жена Лаврова, Варвара Николаевна, каждый день справлялась по радио о муже, хотела приехать с дочерью, но Сугубов отговаривал.

— На работе и дома вы сейчас нужнее, — сказал он. — Иван Александрович вполне обеспечен уходом, а за его здоровье отвечаю я.

Лечение электронаркозом протекало нормально, хотя Лавров терял в весе и деятельность его сердца немного ослабла. Сугубов худел гораздо быстрее. Лицо его побледнело, черты обострились, щеки втянулись, глаза от бессон-

ных ночей покраснели. Нина просила его отдохнуть и не переутомлять себя. В Солнечном городе были опытные врачи. Неужели они не могли заменить его хотя бы на одну ночь? Но Сугубов об этом и слушать не хотел.

— Несмотря на все наши знания, на совершенство наших регистрирующих аппаратов, на идеальный уход, мы не гарантированы от неприятных случайностей. Человеческий организм не открыл нам еще до конца своих тайн. Я не могу допустить ни малейшего риска и останусь на посту, — решительно заявил он.

На восьмой день, однако, с ним случилось головокружение, и он едва не упал.

Оправившись, он нахмурился и сказал:

— Не люблю прибегать к латинской кухне, но иногда без нее не обойтись.

И он начал принимать лекарство и искусственно поддерживать деятельность нервной системы и головного мозга.

Нина знала, что со стороны яростного поклонника ортобоза — правильной естественной жизни — это был огромный компромисс, граничащий с жертвой.

Наконец настал давно ожидаемый день, когда Сугубов позвал Нину.

— Думаю, теперь пора его будить.

Ток был выключен, аппараты унесены.

Нина с волнением и некоторой тревогой смотрела на побледневшее лицо Лаврова.

Скоро он шевельнул рукой, глубоко вздохнул, открыл глаза и проговорил:

— Однако как сладко я спал! — и усы его зашевелились от знакомой добродушной улыбки. Давно Нина не видала на лице профессора этой улыбки. Лаборатория унесла ее, а вот теперь улыбка вернулась. Это было хорошим знаком.

Лавров сел на кровати и без всякой враждебности посмотрел на Сугубова и Нину.

— Я, кажется, вчера наделал глупостей. И вообще за последнее время... — Он мягко улыбнулся.

— Не будем говорить об этом, Иван Александрович, — поспешно возразил Сугубов. — Вот лучше выпейте-ка этого крепкого бульона.

Нина подала Лаврову приготовленную чашку.

— Гм, я, по-видимому, прихворнул? Впрочем, уже все прошло, и аппетит у меня отличный.

Он с удовольствием выпил бульон.

— Ну, а теперь расскажите, Леонтий Самойлович, почему вы так ухаживаете за мною.

Сугубов, уверенный в том, что Лавров вернулся к нормальному состоянию, рассказал все, не исключая электролиза.

Лавров сохранил память о всех прошедших событиях, начиная с того момента, когда впервые в лаборатории Дубльве подверг электризации свой мозг, и до бокала вина, который он принял из рук молодой женщины в этом доме. Но пережитые события принимали теперь иное освещение.

Слушая Сугубова, Лавров утвердительно кивал головой и, наконец, протянул руку.

— Благодарю вас, дорогой друг. Вы сделали то, что сделал бы я сам, если бы мы с вами поменялись ролями. Благодарю и вас, Нина. — И он дружески пожал им руки. — Теперь скорее в Ленинград.

— Иван Александрович! Летим вместе в моем субстратоплане. Он очень вместителен, — предложил Сугубов, не желая в пути разлучаться с Лавровым.

— А моя машина? — спросил Лавров.

— Ничего нет проще, — ответил Сугубов. — Дежурный механик аэропорта даст задание пилоту-автомату лететь на Ленинград, и ваш электроплан отлично долетит до ленинградского аэропорта.

Лавров согласился — он был в отличном настроении. Тепло простившись с радушными хозяевами, Сугубов, Лавров и Нина вылетели в Ленинград. В пути «друзья-соперники» — Лавров и Сугубов — по обыкновению завели научные споры, но в этих спорах Лавров не горячился и говорил с выдержкой и самообладанием. Не оставалось больше сомнения в том, что электронаркоз крепко подвинутил ослабевшие «тормоза» Лаврова. Из субстратоплана Лавров поговорил с женой.

— Не брани меня, старушка, — ласково сказал он, увидев в телевизоре знакомые черты. — Блудный сын возвращается в отчий дом. Через час буду у тебя, но сначала надо заглянуть в институт.

Лицо Варвары Николаевны выражало живейшую радость.

— Как я счастлива, что вижу тебя таким, каким ты был всегда! Приезжай скорее, поставлю самовар, попьем чайку.

— И с клубничным вареньем, — шутливо добавил Иван Александрович.

* * *

Лавров прошел в лабораторию Дубльвэ вместе с Сугубовым и Ниной.

— Вот она, злосчастная лаборатория, — сказал он. — Наделала бед. Уж не закрыть ли ее?

— Вы завтра же открыли бы ее вновь, — смеясь, ответил Сугубов. — Знаете, я не сторонник вашего метода, но в умелых и осторожных руках профессора Лаврова лаборатория найдет себе отличное применение. Пути науки многообразны. И я буду первым аплодировать вашему успеху и вашим достижениям.

— Да, но все-таки, — немного грустно сказал Лавров, — с электризацией мозга неудача, еще раньше не удались опыты по регенерации. Это похоже на банкротство моей школы.

— Ну, вы еще не сказали своего последнего слова, Иван Александрович. Да и неудачи ваши относительно. Перед самым вашим пробуждением я получил известие, что ваша работа по регенерации тканей не пропала даром. Вы потерпели неудачу только потому, что сделали маленькую ошибку. Эта ошибка исправлена Старцевым, Горбовым, Алексеевым. Людям больше не придется пользоваться протезами. У них будут отрастать утраченные конечности. Без вас этот вопрос был бы, возможно, разрешен на десяток лет позже.

— Почему же вы не сказали этого раньше? — с радостью воскликнул Лавров.

На его лице не было и тени неудовольствия от того, что задачу разрешили другие. Главное — она разрешена, и калек больше не будет.

— Не говорил потому, что не был уверен, примете ли вы это как должно советскому врачу нашего времени.

— Не уверены в этом? — с недоумением спросил Лавров. — Разве я всей своей деятельностью не доказал...

— Да не то, Иван Александрович! — перебил его Сугубов. — Может быть, я не точно выразился. Я не был окончательно уверен в том, что в работе вашего мозга не оста-

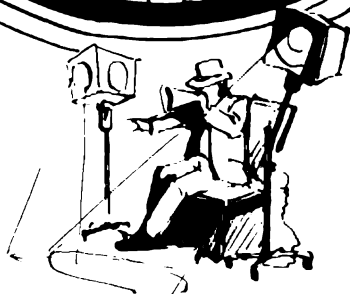
лось следов неуравновешенности, что малейшее проявление личного неудовольствия, которое еще может копиться где-то в недрах вашего интеллекта, не будет заторможено при самом возникновении. И если вы так хорошо приняли это известие, то я вам сообщу и другое, не менее важное: проблема восстановления умственных сил и памяти также разрешена. Михеев вернулся к работе и успешно завершает дело своей жизни. Все Михеевы, Глебовы, Закировы отныне получают добавочный паек полноценной жизни...

Лавров даже не спросил, кто это сделал. Лицо его выражало огромную радость. Даже глаза стали влажными.

— Это самый радостный день моей жизни!

Весть о выздоровлении и возвращении Лаврова уже разнеслась по институту. Его сотрудники от седовласых стариков до юных аспирантов радостно входили в лабораторию Дубльвэ...

**Человек
нашедший
свое лицо**

ДРАМА МЕЙСТЕРЗИНГЕРА

СНЕЖНАЯ равнина. Истомленные собаки тянут нарты. Собак погоняет каюр, но и он спотыкается от усталости. На нартах лежит человек, бессильно свесив голову. Каюр падает. Собаки останавливаются и, как по команде, ложатся на снег.

Рядом со снежной равниной растут кактусы. В тени зеленых каштанов по тротуару идет маленький человек, почти карлик, в отлично сшитом летнем фланелевом костюме и шляпе-панаме с широкими полями. Он не может не видеть драмы в снежной пустыне, но равнодушно проходит мимо.

Снежная равнина кончилась. Пустырь. За ним пески, пальмы, оазис. Здесь тоже проходит какая-то драма. Бедуин-наездник подхватывает красивую девушку в европейском костюме, перекидывает через седло и пускает в карьер своего скакуна. Девушка кричит, простирает руки, бьется. Несколько европейцев бросаются к лошадям и пускаются в погоню...

Маленький человек рассеянным взглядом окидывает оазис, бедуина, погоню и шагает дальше, комично выбрасывая ноги вперед.

За пустыней — набережная. Идет погрузка большого океанского парохода. Дымят четыре низких, наклоненных назад трубы. Завывает сирена. На сходнях подымается свалка. Кого-то поймали. Кто-то вырывается, падает вниз...

Снова пустырь. За ним скалы. Гордо возвышается средневековый замок, окруженный валами, рвами, наполненными водой. На подъемном мосту рыцарь, подъехавший к замку. Он требует, чтобы ему открыли ворота. На башнях

стоят люди. Вдруг подъемный мост начинает подниматься. Испуганная лошадь мечется, пытается прыгнуть с моста...

Не досмотрев, удастся ли ей это, или же она вместе с всадником попадет в ловушку, маленький человек отводит взгляд и со скучающим видом ворчит себе под нос:

— Везде и всюду одно и то же... Тоска!

И он еще выше подбрасывает ноги, шагая по гладкому тротуару.

Здесь же, по асфальтовой дороге, течет непрерывный поток автомобилей, белых, синих, голубых, золотистых, как жуженица, блестящих лимузинов последней модели и стареньких фордов. Люди, едут в автомобилях и идут по тротуарам, с таким же равнодушием смотрят на снежные пустыни, оазисы, океанские пароходы, средневековые замки, как и маленький человек.

Их гораздо больше интересует сам маленький человек. К нему поворачиваются все головы идущих и едущих. Завидев маленького человека, люди многозначительно переглядываются. И на их лицах появляются улыбки, а в глазах — величайший интерес, какой бывает лишь у посетителей зоопарка, когда они видят необычайное экзотическое животное. И вместе с тем люди проявляют к маленькому человеку почтительное уважение. Знакомые незаметно толкают друг друга локтем и тихо говорят:

— Смотри! Престо! Антонио Престо!

— Да, как мало весит и как много стоит!

— Говорят, его капитал равняется ста миллионам долларов.

— Больше трехсот.

— А ведь он еще так молод, счастливец!

— Почему он не в автомобиле? Ведь у него одна из лучших машин в мире. По особому заказу.

— Это его обычная утренняя прогулка. Автомобиль следует за ним.

А маленький человек продолжает спокойно идти вперед, стараясь ничем не отличаться от других, не обращать на себя внимания. Но это ему удастся не лучше, чем слону, который шествует среди толпы зевак. Необычайна его фигура, необычайны жесты, мимика. Каждое его движение вызывает улыбку, смех. Ведь он — живое олицетворение смешного. Еще ребенком он вызывал смех у окружающих.

Он мог быть весел, грустен, задумчив, мог сердиться и негодовать — результат был один: люди смеялись. Сначала это раздражало его, но впоследствии он привык. Что же делать? Такова его внешность.

Он был почти карликом, имел непомерно длинное туловище, короткие ноги, длинные руки взрослого человека, достигавшие колен. Его большая голова, широкая в верхней части и узкая в нижней, сохранила черты детского строения. Особенно смешон был его мясистый нос, глубоко запавший в переносице. Кончик носа загибался вверх как турецкая туфля. Этот нос обладал необычайной подвижностью, отчего ежеминутно менялось не только выражение, но и вся форма лица. Престо был подлинным, законченным уродом, но в его уродстве не было ничего отталкивающего. Наоборот, оно возбуждало симпатию. В его больших живых карих глазах светились доброта и ум. Это было единственное, исключительное в своем роде произведение природы.

Антонио Престо шел с невозмутимым видом среди смеющейся толпы, комично выкидывая вперед свои короткие ноги.

Он свернул налево в кипарисовую аллею, которая вела к большому саду. В саду, посредине эвкалиптовой рощи, стояла китайская беседка. Престо вошел в нее и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвященного, но Престо был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, Престо бросил короткое приказание:

— На дно!

При этом он сделал такой выразительный жест рукой, будто хотел проткнуть землю до самой преисподней. Это было так смешно, что мальчик засмеялся. Престо грозно посмотрел на него. От его взгляда мальчик засмеялся еще громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же не могу... — оправдывался мальчик.

Престо со вздохом махнул рукой.

— Ладно, Джон, не оправдывайся. Ты в этом виноват не больше, чем я. Мистер Питч приехал? — спросил он у мальчика.

— Двадцать минут назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет еще.

— Ну, разумеется, — сказал с неудовольствием Престо. И нос его неожиданно зашевелился, как маленький хобот.

Мальчик снова не удержался и взвизгнул от смеха. Хорошо, что в этот момент лифт остановился, а то Престо рассердился бы на него. Антонио выскочил из кабины, прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и Престо вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла его из двадцатого века в немецкое средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна и двери, узкие и высокие стулья. Через окно падал свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета.

Престо вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно маленькой, неуклюжей, нелепой. И это было не случайно: в таком контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч — «Питч и К^о», — владелец киностудии, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал строить бутафорские замки из холста и фанеры.

В средневековом замке, вернее в углу зала и за его фанерными стенами, шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — настоящая, а не бутафорская — уже стояла в замке. Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами во много тысяч свечей каждая. Главное в кинофильме — свет. Не мудрено, что он составляет основную заботу поставщиков. Мистер Питч и К^о могли

позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы яркое калифорнийское солнце не мешало эффектам искусственного освещения при павильонных съемках.

Из-за декораций выглядели статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время с невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посередине залы. Статисты шептались:

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был «сам» — Антонио Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу бывших корифеев экрана: Чаплиных, Китонов, Бэнксов. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не мола удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятирил очень своеобразной манерой играть. Престо любил играть трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей с подкупающей искренностью и глубоким чувством.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной маски лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной, нелепой, немысли-

мой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим. Но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Просто страшен в своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом он сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только Антонио Престо бережно сохранил в памяти этот отзыв иностранца, которому удалось заглянуть в его душу.

Это был бунт обделенного природой уроды, который стремился к полноценной человеческой жизни. Трагическая в своей безнадежности борьба.

Но и право играть трагедии досталось ему нелегко. В первые годы его заставляли выступать только в шутовских ролях, ломаться, кривляться, получать пинки и падать на потеху зрителей. В его дневнике имелись такие записи:

«12 марта.

Вчера вечером прочитал новый сценарий. Он возмутил меня. Дурацкий сценарий, а для меня — дурацкая роль.

Сегодня зашел к нашему директору, говорю:

— Ваш сценарный департамент не мог придумать сценария глупее? Когда же это кончится?

— Когда публика поумнеет и ей перестанут нравиться такие картины. Они дают доллары, и это все, — ответил он.

Опять доллары! Все для них.

— Но вы сами развращаете зрителей, портите их вкус подобной пошлостью! — воскликнул я.

— Если у вас такая точка зрения, вам лучше поступить воспитателем в пансион благородных девиц. У нас коммерческое предприятие. Пора вам это понять, — спокойно возразил директор.

Можно ли было продолжать разговор с таким человеком? Я ушел от него взбешенный. В ярости бессилия в это утро я умышленно переигрывал, утрировал самого себя, гаерствовал, валял дурака. Нате! Получайте, если вам только это надо! В то же время думал: «Неужели режиссер не остановит мои клоунады?» Но он не остановил. Он был доволен! А в перерыве ко мне подошел директор, который,

как оказалось, следил за моей игрой, хлопнул по плечу и сказал:

— Вижу, что вы одумались. Давно бы так. Вы играли сегодня, как никогда. Фильм будет иметь колоссальный успех. Мы отлично заработаем!

Я готов был броситься и задушить этого человека или завывать, как собака.

Но что я могу сделать? Куда бежать? Бросить искусство? Покончить с собою?.. Придя домой, три часа играл на скрипке — это успокаивает меня — и думал, искал выхода, но ничего не придумал. Стена...»

Только когда он достиг мировой известности, киношники были вынуждены согласиться с капризами — «причудами» Престо и с неохотой допустили его играть трагические роли. Впрочем, они успокоились, когда увидели, что у Престо «трагедии выходят смешней комедий».

— Гофман, Гофман! Вы находите, что свет дан под хорошим углом? — спросил Антонио у оператора.

Оператор Гофман, флегматичный толстяк в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал на лицо Престо так, что впадьина носа недостаточно ярко обозначалась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите юпитер немного влево.

— Есть! — ответил рабочий, как отвечают на корабле.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника, которого играл Престо, бедного мастерзингера со златокудрой дочерью короля. Роль ее исполняла звезда американского экрана Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. одна молодая, неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал очень тонким, детским голосом:

— Неужели это так трудно — ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается.

И, соскочив со своего помоста, Престо показал. Показал

он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он сердился, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и едва не падали на пол, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился за кулисы. Успокоившись, он вернулся в замок побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем талант и большой режиссерский опыт.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрывать его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонио.

Партнерша заставила себя ждать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровать людей, копила по крохам, делала отбор у прабабушек, чтобы, наконец, вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлсобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от первых артистов и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистики смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голоском, ставшим от волнения еще пронзительней и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним так же хорошо шел к ней, как «Престо» к ее партнеру.

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась в высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А в почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и под аккомпанемент лютни начал декламировать поэму о любви бедного певца к благородной даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу ее красоты и был удостоен ее небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно, потом падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость! Невероятное оскорбление! Ужасное преступление! Королева, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза ее мечут искры, она топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по резной скамеечке, зовет слуг и приказывает увести дерзкого поэта. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и признательности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

— Можно снимать, — говорит он Гофману.

Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через визирное стеклышко. Престо вновь становится у кресла Люкс.

— Снимаю, — говорит Гофман.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мейстерзингер поет, королева наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подхо-

дит к ней, бросается на колени и начинает под музыку свою страстную речь. Престо увлечен. Он говорит и шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто, не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большоголовый, со своим туплеобразным, подвижным носом, признается в любви! Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был смех, который охватывает человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Встревоженный дог вскочил и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как и зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись по всему ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры — все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд, как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно замолк и смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила жуткая тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, и кинулся ничком на диван.

— Простите, Престо! — вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. — Я вела себя, как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько пленки.

Престо скрипнул зубами: «Она думает только об испорченной пленке!»

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения, этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет ни каких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание — разве для влюбленного он не ужаснее самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь в жгучую ненависть? О, я знаю нашу американскую публику, публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Вы не сердитесь Престо, но еще никогда вы не были так эффектны. И если бы я не видел вас каждый день, то не смог бы вертеть ручку аппарата.

— Да, вы правы, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд мелких и редких зубов. В этом смехе было что-то зловещее, и никто не отозвался на него.

УБИЙСТВЕННЫЙ СМЕХ

После этой злополучной съемки Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину насмерть».

Неудовлетворенность, обида на жизнь, возмущение несправедливостью природы, оскорбленное самолюбие, терзания неудовлетворенной любви — все, что накопилось в его душе годами, словно прорвалось в страшном извержении. В бешеной езде он хотел найти успокоение, словно хотел убежать от самого себя.

— Вперед! Вперед! — кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость.

И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались.

Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раз за автомобилем погнались на мотоциклах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал останавливаться, несмотря на энергичные требования полицейских. Однако полицейским мотоциклам невозможно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Шофер валился от усталости и, наконец, заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с сидоком.

— Вперед! — крикнул Престо, но потом вдруг поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взял руль. — Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шоферу.

Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко заснул.

А мысли Престо неслись с такой же скоростью, как и машина.

— Это надо кончать! Это надо кончать раз навсегда! — шептал Престо.

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофера. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно размеренный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Люкс уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала легкую гимнастику в большой квадратной

комнате, освещенной сверху, через потолок. Среди мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. В утреннем костюме, коротко остриженная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидев в зеркале приближавшегося к ней сзади Тонио Престо. И, не прекращая сгибаться, наклоняться и распрямляться, продолжала: — Садитесь. Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой удобной кушетке, присел на край, но вскочил и заходил большими кругами по комнате.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас, — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — произнес Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьезному делу. Но я не могу разговаривать, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, сядьте на диван.

Люкс посмотрела на Престо, подбежала к дивану и уселась с ногами. Престо подошел к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда!.. Я не умею говорить... Мне трудно... Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза вниз и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее:

— Антонио Престо, но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, что может нас объединить? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать свои доходы. А брак с вами понизил бы мой заработок.

Престо дернул головой.

— Каким образом?

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто. Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создан своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом

женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже воображать себя на месте героя, завоевавшего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или в крайнем случае полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мной. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого урода, как я, — dokonчил Престо. — Довольно, мисс Люкс. Я понял вас. Вы правы. — Престо вдруг топнул ногой и тонким детским голосом закричал: — А если этот урод наделен горячим любящим сердцем? Если этот урод требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, и она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче. Как будто повторялась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там все было нарочно — так по крайней мере думала Люкс, — а здесь страдания и чувства мейстерзингера были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как еще никогда не смеялись! Смейтесь! Страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривился самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и гримас. Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадке смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыхалась, обессилела, почти теряла сознание. Она схватилась руками за судорожно вздымающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы.

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна! — кричал Престо.

Гедда Люкс поняла, что он хочет убить ее смехом. Глаза Люкс расширились от ужаса. Руки ее тряслись, она теряла сознание.

Собрав всю свою силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоящему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидела, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она так же была во власти Тонио, как и ее хозяйка.

К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

ТВОЙ НОС — ТВОЕ БОГАТСТВО

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренном лицом и возбужденный более обыкновенного.

— Я ждал вас до трех часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман нередко жил по нескольку дней на вилле Престо, находящейся недалеко от киностудии мистера Питча и

К°. Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на пленку самые оригинальные его позы и наиболее удачные мимические моменты. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где вы пропадали? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Кажется, я убил ее смехом.

— Это ваша специальность, — не придавая особого значения словам Престо, сказал Гофман.

— Да, да... за грехи отцов я награжден этим проклятием.

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар. Смех — самая ценная валюта. Так было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А я смешу своим безобразием.

— Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как великая красота. Он с особенной заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в альбом. А вы... вы, в сущности, даже не так уж безобразны. Необычайный комизм вызывается не столько вашей внешностью, сколько противоречием величия чувств вашей души с мизерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Вы прекрасно зарабатываете, пользуетесь колоссальным успехом.

— Вот, вот, это самое. Величие чувств! Ах, Гофман, в этом все мое несчастье. Да, я человек возвышенных чувств, но с телом кретина. Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги, слава — все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его... Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Самое большое мое горе в том, что я по натуре трагический актер,

а принужден быть паяцем. Вы знаете, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю свою душу, а толпа смеется.

Престо подошел к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению.

— О проклятая рожа!

— Вы великолепны, Тонио! — воскликнул, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позвольте мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофман с укором.

— И ты, Брут!.. Послушайте, Гофман, подождите, не ходите никуда. Побудьте хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажите мне, почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожительство можно переменить, а свое лицо — никогда! Оно как проклятье лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будете родиться в следующий раз, попробуйте сначала, чтобы родители показали вашу карточку, и, если вы не будете похожи на херувима, не родитесь.

— Не шутите, Гофман. Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного уродца, я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пяти миллиметров, которых не хватает, чтобы придать благообразие хотя бы одному моему носу.

— Почему же не можете? Поезжайте в Париж, там вам сделают операцию. Впрыснут парафин под кожу и сделают из вашей туфли прекрасную грушу дюшес. Или, еще лучше, сейчас носы переделывают хирургическим путем. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой.

— Нет, это не то... Я знаю одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется дифтерит, после чего у нее запала переносица. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как и был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург. Постойте... да чего лучше? На днях я читал в газете, что, кажется, в Сакраменто живет врач Цорн, который делает настоящие чудеса. Цорн воздействует на какую-то железу, мечевидную или щитовидную — не помню, и еще на железу в мозгу, отчего у человека изменяется не только лицо, но и все тело, прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

— В какой газете вы читали это? — возбужденно спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты вам сообщат его адрес.

— Гофман, я еду! Еду немедленно. Себастьян!.. Себастьян!

Вошел старый слуга.

— Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

— Шофер спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Себастьян, вызови такси. Укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуйте, завтра съемка, — сказал с тревогой Гофман.

— Пусть отложат. Скажите, что я заболел.

— Не теряйте рассудка, Тонио. Ведь если доктор действительно изменит вашу наружность, то вы уже не в состоянии будете окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А вы обязаны сделать это по контракту.

— К черту контракт!

— И вы уплатите неустойку!

— К черту неустойку! Скажите, Гофман, могу я на вас полагаться, как на друга?

Гофман кивнул головой.

— Так вот что, — продолжал, подумав, Престо, — я не знаю, на сколько времени задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Вы давно хотели побывать на Сандвичевых островах. Поезжайте. Отдохните, проветритесь и привезите великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь вы существовать не можете. Мою виллу прекрасно сбережет Себастьян. На него вполне мож-

но положиться. — И уже обращаясь к слуге, крикнул: — Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю вам: одумайтесь, — сказал волнуясь, Гофман. — Ведь ваш нос — ваше богатство.

— Да где же ты, Себастьян? Ты вызвал по телефону таксомотор?

ЧАРОДЕЙ ЦОРН

Газеты не солгали: доктор Цорн существовал. В Сакраменто первый отдельный служитель, к которому обратился с вопросом Престо, сообщил его адрес.

— Доктор Цорн! Кто же его не знает! Это настоящий чародей! — ответил лакей.

Престо еще не совсем верил, может быть, лакей подкуплен и его слова — простая коммерческая реклама, но интерес к Цорну усилился. Тонио позавтракал и, отдохнув как следует после дороги, потребовал счет. Ему пришлось уплатить за сутки, хотя он только позавтракал в отеле.

Через несколько минут Престо уже ехал в автомобиле по плодородной прерии долины Сакраменто. шофер уверенно вел машину. Было видно, что он уже не раз отвозил пациентов к доктору Цорну.

С широкой автострады машина повернула вправо на более узкую, но такую прекрасную гудронированную дорогу. Капли машинного масла и бесчисленные шины залоснились дорогу до металлического блеска, и она сверкала в лучах солнца, как темная река. Характер местности изменился. Река Сакраменто осталась в стороне. Появились небольшие холмы, покрытые рощами, очевидно искусственно посаженными в этой почти безлесной местности, из вечнозеленого дуба, красного дерева, сахарной сосны, кипарисов, оливковых деревьев. Опушки были покрыты кактусами, вереском, молочаем. Иногда встречались апельсиновые плантации. Горячий воздух приносил запах хвои и полевых цветов.

Когда шофер остановился около колонки, чтобы пополнить запас бензина и освежить пересохшее горло стаканом ледяного оранжада в маленькой придорожной гостинице, Престо вышел из машины. Ему также хотелось пить. Его, как везде, узнали. Поднялась суета. Улыбающийся хозяин

стоял в дверях, кланяясь Тонио, как старому знакомому. Из окон выглядывали женские и детские лица с таким видом, словно они смотрели на экран, ожидая нового смешного трюка знаменитого артиста. Тонио поморщился. Сегодня его сильней, чем всегда, раздражало внимание публики.

Пока Престо и шофер пили оранжад в прохладе полутемной комнаты, отдельный слуга быстро и ловко заправлял машину, обтирая пыль с кузова, пробовал шины...

— Вы уже возили пассажиров к доктору Цорну? — спросил Престо шофера.

— Десятки, если не сотни раз, — ответил шофер. — Но обратно мне никогда не приходилось возить их.

Престо беспокойно зашевелил носом. Это так рассмешило шофера, что он поперхнулся и пролил на стол оранжад.

— Простите... в горле запершило, — смущенно оправдывался шофер.

Но Престо не слушал его извинений.

«Неужели пациенты Цорна все умирают? — со страхом подумал он. — Не может быть. Просто у доктора имеется свой гараж, да и пациенты Цорна, видимо, должны быть богатыми людьми, имеющими свои машины».

И все же Престо спросил шофера:

— Что вы этим хотите сказать?

— То, что люди, которые едут к Цорну, не возвращаются назад.

Престо отвернулся — он чувствовал, что его предательский нос вновь зашевелился.

— Как это? — спросил Престо упавшим голосом.

— Так, — отвечал шофер, стараясь не рассмеяться. — Это может подтвердить и хозяин отеля, в котором вы останавливались в Сакраменто. От доктора возвращаются иные люди, совершенно не похожие на тех, которые приезжали к нему, хотя они называют себя прежними именами и фамилиями. Вместо скелетов уезжают толстяки, вместо карликов — люди выше среднего роста, вместо уродов — красавцы. Говорят, был даже случай, когда женщина вернулась усатым мужчиной. Хозяин отеля узнал ее по большой родинке на щеке.

— Ах, вот в чем дело! — с облегчением воскликнул Престо.

Значит, все в порядке. Цорн, очевидно, делает настоящие чудеса. Престо скоро станет совершенно другим человеком. Впервые он ясно представил себе это, и ему вдруг стало как-то не по себе. что же станет со старым Престо? Ведь это почти смерть и воскрешение в новом теле.

«Несчастный, жалкий уродец! Мы прожили с тобою нелегкую жизнь! — мысленно обратился Престо к самому себе. — И ты все-таки вывел меня в люди, а я, неблагодарный, обрекаю тебя на уничтожение! Не отказаться ли от этой затеи?»

Но, вспомнив о Люкс, Престо решил немедленно мчаться навстречу своей судьбе, которую приготовит ему Цорн.

Крутой поворот дороги — и перед Престо открылся чудесный сад, окруженный легкой изящной решеткой. У широких ворот — два лежащих мраморных льва и небольшой домик с дорическими колоннами. Шофер дал гудок. Из домика вышел сторож — бритый старик в белом костюме. Он кивнул шоферу как старому знакомому, и машина беспрепятственно въехала в ворота. За ними шла широкая дорожка, посыпанная золотистым желтым песком. Среди вечнозеленых дубов и каштанов виднелись отлично содержащиеся клумбы цветов, фонтаны, закованные в бетонные берега водоемы, где отражались, как в зеркале, мраморные беседки, их белизну подчеркивала темная зелень кипарисов, неподвижных, словно окаменевших в горячем воздухе. А дальше по сторонам дороги на полях, за живой изгородью из кактусов и вечнозеленых колючих кустарников, виднелись изящные коттеджи и виллы. Окруженное плакучими ивами, промелькнуло озеро с медленно плавающими лебедями. Престо с любопытством смотрел по сторонам, и его невольно начало брать сомнение: уж не ошибся ли шофер? Это место совсем не напоминало лечебное заведение. Так выглядят фешенебельные дачные поселения американской денежной аристократии.

Но шофер уверенно вел машину берегом озера к длинному белому зданию с плоской крышей и широкой верандой перед ним. Это была контора медицинско-коммерческого предприятия доктора Цорна. Он имел дело только с пациентами, которые могли платить за лечение бешеные деньги.

Талантливый ученый-экспериментатор эндокринолог Цорн намного опередил своих коллег. Ему удалось открыть многие тайны организма и найти средства воздействия на процессы, протекающие в темных глубинах таинственных желез внутренней секреции. Как человек практичный, он не опубликовал своих открытий на благо всего страждущего человечества, а держал их в строжайшем секрете, чтобы быть монополистом в своей области и делать из этого деньги. Только несколько бедняков воспользовались научными достижениями Цорна. Он сразу хотел поставить дело на широкую ногу, но так как у него не хватало для этого личных средств, то ему пришлось прибегнуть к займам. И чтобы убедить своих кредиторов в том, что они помещают капитал в верное дело, ему пришлось произвести несколько демонстраций. Цорн нашел бедняков-уродов, некоторым из них ему даже пришлось заплатить за право произвести над ними эксперименты. Почти на глазах капиталистов, к которым он обратился за помощью, Цорн произвел несколько чудесных превращений: произвольно увеличивал и уменьшал рост, превращал уродов в нормальных людей, успешно устраняя чрезмерную худобу и ожирение. Последнее в особенности поразило будущих кредиторов. Ожирение чуть ли не профессиональная болезнь миллионеров: сидячая жизнь, обильное питание... Да, Цорн открыл золотую жилу! И капиталисты выразили желание войти с Цорном в компанию. Другие предлагали ему организовать акционерное общество для изготовления и продажи препаратов его изобретения. Но Цорн сам был хорошим коммерсантом. Зачем компаньоны, зачем делиться с другими, если весь доход от своего предприятия он может сам получить целиком? И Цорн предпочел кредит на высоких процентах организации акционерной компании. И он не ошибся. В несколько лет Цорн погасил долги и теперь приумножил свои капиталы.

С самого начала он делал ставку на пациентов-миллионеров. И, устраивая свою лечебницу-санаторий, он преследовал две цели: во-первых, его богатые пациенты должны были найти все те удобства и роскошь, к которым привыкли; во-вторых, сама обстановка, благодатный калифорнийский климат — все вместе с искусством садоводов обязаны способствовать лечению. Каждому пациенту предоставля-

ется отдельный коттедж или вилла — в зависимости от капиталов — с полным штатом прислуги и отличными поварами. Пациенты должны были возможно меньше чувствовать лечебный режим. Правда, каждого вновь прибывшего пациента Цорн подвергал тщательному обследованию, но, сделав затем назначение, он мало беспокоил их, приглашая в кабинет не чаще одного раза в три дня. Лечение состояло в приеме пилюль — за этим следила специально приставленная к каждому пациенту сестра — и во внутривенном вливании, которое производили ассистенты. Эти процедуры отнимали всего несколько минут в день. Остальным временем пациенты располагали совершенно свободно: читали, катались на лодках, ездили верхом, играли в лаун-теннис, вечерами слушали хороший симфонический концерт, посещали дансинг или кино.

Таково было предприятие Цорна, куда приехал Тонио.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ

Появление Престо в конторе, как везде, произвело сенсацию. Зазвучал смех. Ото всюду выглядывали любопытные, улыбающиеся лица.

Девушка в белом халате густо покраснела, сдерживая подступивший к горлу давящий ее смех. Она получила от нового пациента чек на крупную сумму, которая составляла целое состояние, и необыкновенно быстро закончила все формальности.

Престо была предоставлена одна из лучших vill.

Тонио не знал, какую бурю он произвел в конторе, когда вышел. Работа была прекращена. Все служащие повскакивали со своих мест и возбужденно начали обсуждать необычайное событие. Тонио Престо, несравненный, неповторимый уродец, любимец экрана, решил изменить свой внешний вид! Это было похоже на святотатство. Люди уже не смеялись. Они были удивлены, потрясены, возмущены. Америка, весь мир, посещающий кино, еще не знали, какое несчастье надвигается на них. Лишить миллионы зрителей любимого героя экрана! Это преступление! Престо не имеет права делать это! Он принадлежит всем! Конторщица, принимавшая Престо, одна из его бесчисленных поклонниц, разразилась истерикой, словно она собственными ру-

ками подписала смертный приговор. Молодой счетовод произнес целую речь. Он предлагал разослать в редакции крупнейших газет телеграммы, оповещающие о безумном намерении Престо, поднять на ноги всю американскую общественность, предупредить, пока не поздно, ужасное несчастье. Многие поддерживали предложение счетовода.

Это было похоже на бунт. Только старый бухгалтер внес струю охлаждения. Он напомнил о служебном долге.

— Мы не имеем права разглашать то, что происходит в учреждении, в котором работаем, — сказал бухгалтер. — Это может принести доктору Цорну моральный и материальный ущерб. И Цорн будет прав если уволит недисциплинированных служащих и даже привлечет их к суду и взыщет убытки. Ведь Цорн рискует потерять крупный гонорар. Кроме того, Престо такой же больной, как и другие пациенты, которые обращаются к Цорну. Он имеет право лечиться, и никто не может препятствовать ему в этом.

Короткая спокойная речь бухгалтера произвела свое действие. Сильное впечатление произвела угроза возможного увольнения. Не такое теперь время, чтобы рисковать служебным положением. Безработица пугала всех. И споры угасли, страсти остыли. Все почувствовали свою подневольность, зависимость от Цорна и уныло принялись за работу.

Только конторщица все еще нервно, отрывисто вздыхала и шептала, склонившись над бумагами:

— Нет, нет. Этого не должно быть...

НА НОВОСЕЛЬЕ

На пороге белой, облицованной розовым мрамором виллы Престо встретила сестра. Она была в белоснежном халате и затейливом чепчике на каштановых волосах. Румяная, улыбающаяся, с приятным молодым лицом, она была олицетворением здоровья. Цорн с большой тщательностью подбирал персонал, в особенности женский. Некрасивым, угрюмым, раздражительным служащим сюда не было доступа. Пациентов Цорна должны были окружать только приветливые молодые лица. Это хорошо влияет на настроение больных. Конечно, такие лица могли лишь подчеркивать безобразие и всякие отклонения от нормы самих паци-

ентов. Тем с большей охотой будут лечиться у Цорна эти уроды! Так во всем сказывалась продуманная система Цорна, тесно переплетавшая медицинские и коммерческие цели.

Сестра приветливо кивнула головой, как старому знакомому — Престо для всех был старым знакомым, — и сказала:

— Сегодня вы отдохнете, мистер Престо. Доктор Цорн примет вас завтра утром. Разрешите ознакомить вас с домом и его порядками... Ой, мистер, у вас сейчас совершенно такое выражение, как в фильме «На перепутье»! — И она рассмеялась, хорошо рассмеялась: откровенно, молодо, добродушно.

Этот смех не был неприятен Престо. Он сам улыбнулся, что с ним бывало редко, причем, как это ни странно, стал менее смешным, потом вздохнул и ответил:

— Да, действительно на перепутье... Ваше имя, миссис? Луиза Кальгаун? Очень хорошо. Показывайте же мое новое жилище.

Двухэтажная вилла с балконами, верандами, несколькими ванными комнатами была обставлена роскошно. Но не все с этой роскоши понравилось строгому вкусу Престо. Слишком много ковров, gobеленов, бронзы, статуэток, пестроты отделки и стилей.

«Все это на вкус денежных мешков, ничего не понимающих в искусстве», — подумал Престо и с удовольствием вспомнил свою виллу, которую он обставлял с такою тщательностью. Здесь были рояли и дорогие радиоприемники, телефоны и телеграфные аппараты, библиотека, бильярд. Слуги помещались в отдельной пристройке. Они должны были появляться и исчезать, как сказочные джины, повинующиеся палочке волшебника, не беспокоя, если в них не было нужды.

— Как вам нравится? — спрашивала сестра.

— Отлично! Превосходно! — рассеянно отвечал Престо. Ему хотелось остаться одному. Чем ближе был решительный момент «перевоплощения», тем большее волнение охватывало Престо. Он даже сам удивлялся этому волнению, потому что не совсем понимал его причину. Ведь все уже решено. И ничего страшного нет. Это все равно, что переменить старый, изношенный костюм на новый... А

какой-то тревожный голос поднимался из глубины сознания: «Еще не поздно отказаться от этой затеи».

Оставшись один, Престо вышел на большую веранду второго этажа, уставленную цветами. Он сел в плетеное кресло так, что куст олеандра укрывал его, сам же он мог хорошо видеть песчаную дорогу, пролежавшую за решеткой сада, который окружал виллу.

Был вечер. Солнце заходило за невидимым океаном. Недвижимый воздух благоухал цветами. Престо закурил сигару и погрузился в размышления.

Но движение на дороге отвлекло его внимание.

Вот на специальной трехколесной коляске, широкой, как самое широкое сиденье многоместного автомобиля, санитар провез какую-то бесформенную лиловую массу, в которой с трудом можно было узнать расплывчатые очертания человеческой фигуры. Масса колыхалась, как студень или тесто, готовое вытечь через край квашни. Это женщина с лиловым лицом, в лиловом платье.

Прошла необычайная пара — худой, как жердь, мужчина семифутового роста и карлица. Мужчина медленно, по-журавлиному, переступал ходулеобразными ногами, карлица катилась клубочком. Они оживленно беседовали. Великан комично наклонял голову и даже сгибался в пояснице, чтобы видеть лицо своей спутницы. Кто знает, быть может, кудесник Цорн уравнивает их рост, изменит их внешность и создаст пару любящих сердец?

Еще одна коляска — полный мужчина со слоновыми ногами.

«Что за зверинец!» — невольно подумал Престо, забывая о себе. Великое производство природы также имеет свой брак, и в большом количестве. Здесь собраны только те, кто имеет возможность уплатить Цорну десятки и сотни тысяч за свое лечение. А сколько бедняков принуждены до конца жизни нести свое уродство! Престо принадлежит к счастливым, которые имеют возможность превратить себя в нормального человека. И было бы глупо не воспользоваться этой возможностью! Решимость Престо подвергнуться «перевоспитанию» возросла.

На столике тихо и мелодично зазвенел звонок телефона. Одновременно зазвонили звонки во всех комнатах. Где бы ни находился жилец, он всюду мог слышать звонок, и ему

оставалось только протянуть руку к трубке телефона. Так устранялась необходимость появления слуг, которые могут причинить лишнее беспокойство.

— Алло! — сказал Тонио, прикладывая трубку к уху.

— Простите, мистер Престо, — послышался мужской голос. — Говорит швейцар. Одна мисс хочет вас видеть.

Престо поморщился. Какая-нибудь поклонница-психопатка узнала о его приезде. Неужели и здесь от них не будет покоя? И Престо уже хотел ответить, что устал с дороги и не может принять посетительницу, как вдруг услышал по телефону уже женский голос:

— Мистер Престо! Я очень, очень прошу принять меня по важному делу. Я отниму у вас всего несколько минут.

В голосе было столько мольбы и, главное, тревоги, что Престо заколебался. А может быть, это какая-нибудь больная, которая хочет предупредить его об опасностях лечения? Ведь и у Цорна могут быть неудачи. Заинтересовал Престо и голос женщины: ему показалось, что он совсем недавно слышал его. Сестра? Нет, другая. И Престо ответил:

— Хорошо. Слуга проводит вас. Скажите ему, что я на верхней западной веранде.

Престо был избалован и не считал нужным идти на встречу.

НЕ МЕНЯЙТЕ СВОЕГО ЛИЦА!

Вошла молодая девушка в синем шелковом платье. Остановилась у двери, молча кивнула головой, измерила глазами расстояние от двери до Престо и, уже не глядя на него, приблизилась к нему. Лицо бледное и взволнованное.

«Ну конечно, психопатка-поклонница», — решил Тонио и сухо предложил ей кресло возле себя.

Девушка уселась, не поднимая глаз. Престо понял, почему она не смотрит на него: смех может помешать разговору.

Девушка прижала кончики пальцев к вискам и молчала, будто собираясь с силами. Престо все ждал, пуская кольца дыма.

— Мистер Престо! — наконец заговорила она дрожа-

щим от волнения голосом. — Мы уже встречались с вами... Я регистрировала ваше прибытие в конторе.

— Чем могу служить?

— Я делаю служебный проступок, являясь к вам, и, может быть, буду за это уволена...

— В таком случае вы поступаете неосторожно, — холодно сказал Престо. Даже вежливость не заставила его ободрить ее, прийти на помощь — он опасался, что это даст волю бурным чувствам, которые, видимо, кипели в ней, и вызовет горячие излияния любви, восхищения, преданности. Он давно был сыт от таких сцен. — Как ваше имя?

— В данном случае мое имя не играет роли, — ответила девушка и впервые взглянула на него.

Заметив недовольную мину на физиономии Престо, она покраснела, перевела взгляд на острый носок своей туфли и возбужденно воскликнула:

— Вы не думайте, что я психопатка, которая явилась сюда, чтобы изливать свои личные чувства. Дело гораздо серьезнее! — И девушка вновь прижала кончики пальцев к вискам с такой силой, что длинные красные лакированные ногти впились в кожу. И вдруг заговорила быстро, бурно, словно в бреду: — Тонио! Престо! Не покидайте нас! Не изменяйте своей внешности! Не лишайте нас тех счастливых минут, которые вы дарите нам! Поймите: жизнь тяжела, и только вы даете просвет в этой беспросветности, заставляете хоть на время забыть о тревогах, которые окружают нас, даете от них отдых, а значит, и новые силы, поддерживаете нас, вселяете надежду на лучшее... Для богатых людей вы только паяц, который развлекает их от скуки безделья. Но ведь вас смотрят на экране миллионы таких же скромных тружеников, как я... Что станет с ними, когда вы уйдете с экрана? Их жизнь станет еще безотраднее...

Престо был смущен и даже взволнован. Конечно, это экзальтированная женщина. Конечно, она преувеличивает. Но она подняла вопрос, над которым до сих пор не задумывался Престо, — о социальной роли его творчества. Да, об этом надо будет подумать. Но прежде всего следует как-нибудь успокоить посетительницу.

— Мисс, — сказал он мягко, — я вам очень благодарен за высокую оценку, которую вы даете мне. Но вы упускаете

из виду одно важное обстоятельство. Я тоже живой человек, и я имею неотъемлемое право предъявлять свои требования к жизни. Не находите ли вы эгоистичным ваше требование: «Сохраните для нашего удовольствия ваше уродство, ваш нос-туфлю»? И почему вы считаете несчастными только себя? Вы не подумали о том, что, несмотря на свою славу и богатство, и я могу быть несчастным, как последний из бедняков?

Такого признания, такого оборота дела девушка не ожидала. Она удивленно подняла брови и недоверчиво спросила:

— Вы?

— Да, я. Вы сказали, что для богачей я паяц. Но разве вы не знаете, что многие величайшие комики были меланхоликами и заставляли других смеяться, когда их собственная душа рыдала?

Не желая переходить приделы откровенности и чтобы не вызвать неосторожных вопросов посетительницы, он добавил:

— А у меня достаточно оснований, о которых я не могу распространяться, быть недовольным своей судьбой и желать изменить свою внешность.

Но посетительница была догадлива, или же ей помогло женское чутье, и она ответила угасшим голосом:

— Да, это бывает.

Девушка опустила голову в глубоком раздумье. Престо выжидательно молчал.

— Не знаю... может быть, вы и правы, — наконец сказала она. — Такие задачи трудно решить. На одной чаше весов личная жизнь, на другой — интересы зрителей, ваших поклонников. Не все созданы быть героями, которые способны пожертвовать своими интересами ради других.

Это уже был вызов. Престо выпрямился и принял такую позу, которая привела бы Гофмана в восхищение. Девушка не глядела на него и поэтому сохранила всю свою серьезность. Тонио уже собрался ответить ей должным образом, но девушка предупредила его и воскликнула:

— Но вы сделаете это, потому что у вас великая душа!

Престо молчал.

Неожиданно девушка бросилась перед ним на колени и ломая руки, почти рыдая, заговорила:

— Принесите эту жертву! Умоляю вас! Престо! Тонио! Обещайте, что вы откажетесь от своего намерения!

«Умная женщина, а все-таки психопатка!» — подумал Престо. Он усадил девушку и строго сказал:

— Выслушайте же меня, мисс. Вы ломитесь в открытую дверь. Вы уговариваете меня не изменять внешности. Но это столь же нелогично, как просить или требовать от меня, чтобы я всегда выступал в одной и той же роли. Намериваясь изменить внешность, я совсем не собираюсь отказаться от своей профессии киноактера. Тонио Престо явится только в новом облике и в новых ролях.

— Но наш старый, любимый Престо перестанет существовать, — с огорчением произнесла девушка и поднялась. — Я сделала все возможное. Простите за беспокойство и прощайте, милый, незабвенный Престо!

Она быстро вышла. Престо вскочил с кресла и нервно заходил по веранде, высоко подбрасывая свои короткие ноги.

«Незабвенный! Каково! Словно Престо уже покойник! Неприятный визит! Психопатка! Какое они имеют право вмешиваться в мою личную жизнь?»

Несколько успокоившись, Престо начал рассуждать хладнокровнее. Эта взбалмошная женщина как-то по-новому осветила его творчество. До сих пор ему казалось все очень простым. Исключительная внешность и талант создали ему репутацию первого мирового комика и принесли материальный успех. Он умел превратить смех в доллары, и это было отлично. Правда, у него была своя творческая драма, о которой не подозревали его поклонники: в душе он был не комиком, а трагиком. Парадоксальным трагиком, который возбуждает смех! Желание устранить это противоречие и привело его к доктору Цорну так же, как и неразделенная любовь к Люкс. Но он никогда не задумывался над тем, что выполняет какую-то социальную роль. Пожалуй, он даже был невольным и бессознательным орудием в чьих-то руках. Он должен был уводить зрителей — а действительно миллионы, всю Америку, весь мир — от печальной действительности, заставляя их отвлекаться от проклятых вопросов, забывать невзгоды. Зрители смеялись не только в кино. Этот смех они уносили в свои лачуги и подвалы, делились им с другими, и жизнь казалась краше.

Еще больше он убедился в этом, вспомнив картины, в

которых выступал. За исключением классических трагедий — уступке капризу знаменитого актера — все сценарии повествовали или о беспечной жизни богатых людей — причем Престо был в ней лишь случайным гостем, — или же о судьбе бедняков, которые, как по волшебству, превращались, в миллионеров, оставляя эту мечту каждому зрителю в поношенном платье и стоптанных ботинках.

А классические трагедии и драмы, в которых выступал Престо! Это была бы пародия, профанация великих произведений, если бы не необычайная и своеобразная сила таланта Тоннио, которая делала всех этих Отелло и Лиров не только смешными, но и глубоко человечными, исторгая у зрителей и смех и слезы. Но все же смех был главной ценностью Престо. Этого отрицать нельзя. Миллионы несчастных, обиженных жизнью собирались к экрану кино, как озябшие спутники к очагу, и смех Престо согревал их. Лишить их этого!

Престо вспомнил, как сам нищим ребенком на время забывал в кино о голоде и холоде, смеясь над забавными приключениями комических актеров того времени. Жизнь его была бы еще печальнее, если бы у него отняли эти забвения.

Что же делать? Не отказаться ли, в самом деле, от перевоплощения?..

Престо в волнении ходил по веранде. Солнце давно закатилось, на синем небе выступили звезды, но он не замечал этого.

«Однако разве с новым телом я не могу продолжать ту же линию? Совсем не обязательно быть уродом, чтобы исполнять комические роли!.. Комические! Но что же будет с моими мечтами о настоящей, высокой трагедии?..»

Визит девушки сильно взволновал его. Шаг, который он намеривался сделать, оказывался гораздо более серьезным и сложным, чем Антонио предполагал. В эту ночь он уснул под утро, совершенно измученный, не придя ни к какому решению.

Во сне его преследовали кошмары. Ему снились толпы народа. Мужчины, женщины, дети протягивали к нему руки и кричали: «Не покидай нас!» — и впереди всех девушка — «делегат миллионов». Она так крепко обнимала его за шею, что он задыхался и хрипел.

А наутро Престо, вспомнив волнения минувшего дня и ночи, сказал: «Все это только нервы!» Принял ванну, позавтракал и отправился на прием к доктору Цорну.

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ

Цорн принял Престо в большом кабинете, который ничем не напоминал кабинет врача: здесь не было ни стеклянных шкафов с устрашающими медицинскими инструментами, ни черепов, ни скелетов, ни даже шкафов с толстыми внушительными книгами на разных иностранных языках, которые должны свидетельствовать об эрудиции их хозяина и тем самым внушать к нему уважение. Очень удобная кожаная мебель, большой письменный стол красного дерева, покрытый поверх зеленого сукна толстым стеклом; на нем только чернильный прибор, украшенный бронзовой статуэткой бизона, телефон и две вазы с цветами. Букеты цветов в японских вазах стояли в разных углах комнаты. Картины на стенах, преимущественно веселые пейзажи, и две статуи Афродиты, выходящей из пены морской, и Аполлона — образцы идеальной красоты человеческого тела. Никакая цена не дорога, чтобы только избавиться от своего уродства и приблизиться к этим образцам! Окно во всю стену выходило на зеркальный пруд и лужайку, засеянную красными маками. Такой кабинет производил на пациентов наилучшее впечатление.

Цорн сидел за письменным столом, откинувшись на высокую спинку кресла. Это был крепкий сорокалетний мужчина с типичным бритым краснощеким англосаксонским продолговатым лицом, носом с горбинкой, выдающимся подбородком. Светлые короткие волосы гладко причесаны. Цорн не носил очков. Его серые умные глаза смотрели весело и проницательно. Тонкие губы улыбались. Костюм песочного цвета с гвоздикой в петлице хорошо облегчал его стройное тело. В его внешности, как и в обстановке, не было ничего профессионального. И во всем этом был свой тонкий, хорошо продуманный психологический расчет.

При появлении Престо Цорн поднялся и, протянув обе руки, пошел к нему навстречу, как к старому другу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мистер Престо! — ра-

душно воскликнул Цорн. — Очень рад вас видеть. Прошу садиться. Вот здесь вам будет удобнее.

Он усадил Престо не возле письменного стола, а у окна, и сел в кресло напротив.

На маленьком круглом красного дерева столике стояли серебряный ящичек с сигарами и папиросами и электрическая зажигалка.

— Предпочитаете папиросы или сигареты? — Цорн подвинул ящичек с многочисленными отделениями и пояснил: — Вот египетские папиросы, турецкие, гаванские сигары «Вегуэрос», «Регалия Байрон», — в продаже не найдете, — это из Суматры, Явы, Виргинии...

Престо поблагодарил и взял «Вегуэрос» — лучшее произведение Гаваны. Цорн закурил папиросу.

— Когда мне вчера сообщили, что к нам пожаловал сам Тонио Престо, я признаться, сразу не поверил. Неужели вы решились изменить свою внешность?

Цорн смотрел прямо в лицо Престо, любезно улыбался, но не смеялся, что немало удивило Престо. Цорн, очевидно, умел великолепно владеть собой.

— Почему бы и нет? — ответил Престо вопросом на вопрос.

Цорн сделал паузу, улыбнулся еще шире, обнаружив прекрасно сохранившиеся белые длинные зубы, и сказал:

— А вы можете поручиться, что ваши поклонники не учинят надо мной суда Линча?

Престо улыбнулся, в свою очередь, и едва не проговорился о вчерашней посетительнице.

— И дело не только в этом, — продолжал Цорн. — Я сам не уверен, имею ли право произвести над вами метаморфозу.

«Не хватает еще того, чтобы Цорн отказался!» — с волнением подумал Престо и сказал:

— Но ведь вы делаете их десятками?

Тонио волновался и был особенно смешон. Но Цорн по-прежнему только улыбался. Железный человек!

— Я здесь пробыл всего несколько часов, — добавил Тонио, — и уже видел столько товарищей по несчастью...

— Да, но вы составляете исключение. Исключение даже в моей, несколько необычной практике, — возразил Цорн. — Для всех моих пациентов их физическая ненор-

мальность является лишь печальным побочным обстоятельством. Она лишает их многого, не давая ничего ни им, ни обществу. Они ничего не теряют и выигрывают все. Совершенно иное положение с вами. Ваша внешность неразрывно связана с вашим творчеством, с вашими публичными выступлениями...

«И он о том же!» — с досадой подумал Престо и крикнул:
— Я не раб публики!

— Разумеется, вы свободный американский гражданин, — ответил Цорн. — Но я сейчас говорю не о вас, а о себе. Согласитесь, что вы представляете совершенно исключительное явление природы, как неповторимое произведение искусства... Вы видели химер на парижском соборе Нотр-Дам? Они очень безобразны, и в то же время в них есть своеобразная красота. Что сказали бы о человеке, который разбил бы химер и на их место поставил благообразных херувимов? Не называли бы его вандалом и варваром? История никогда не простила бы ему этого. Он опозорил бы свое имя. Я не хочу, чтобы это было мое имя... Боюсь, что вы и сами не обдумали до конца всех возможных последствий вашего намерения... Вы знаете, что моя врачебная практика — мой жизненный бизнес. Но я готов отказаться от гонорара и вернуть вам его, чтобы только не брать на себя такой огромной ответственности.

— Значит, вы отказываетесь изменить мою внешность? — упавшим голосом спросил Престо. В этот момент он выглядел глубоко несчастным. Неужели все его мечты о новой жизни в новом теле, о личном счастье рушатся?

Но не удрученный вид разжалобил Цорна. Его вообще едва ли можно было разжалобить.

Цорн совсем не собирался упустить выгодного пациента. Однако это действительно был трудный случай в его практике. Вне сомнения, перевоплощение Престо произведет шум во всем мире.

Конечно Цорна не подвергнут суду Линча. Но возможно, что газеты будут бранить его, и еще неизвестно, послужит ли это для него новой рекламой или же повредит практике. Да и излишняя реклама была ненужна Цорну. Он имел достаточную практику, привлекая клиентов из самых состоятельных классов. Широкая публика о нем мало знала, представители власти не интересовались им, и

это было ему на руку: шум мог привлечь нежелательное внимание медицинских организаций, и тогда, кто знает, чем все это кончится! В лучшем случае — убытками, превосходящими гонорар Престо, чтобы погасить весь этот шум и замять дело. Поэтому он хотел всячески оградить себя и даже установил в кабинете аппарат, который, записывал на валик весь разговор с Престо. В случае надобности Цорн мог доказать, что сделал все возможное, что он сам усиленно отговаривал Престо.

Цорн развел руками и сказал:

— Ваше уродство — такая же болезнь, как и всякая другая. И потому, как врач, я не имею права отказать вам во врачебной помощи. — Эту и последующие фразы он сказал особенно громко и отчетливо. — Это очень сложный конфликт, и лучшим выходом из него может быть добровольный отказ от вашего намерения. Поэтому я могу лишь просить вас, убедительно просить отказаться от вашего намерения. Обдумайте еще раз все хорошенько. Подождем день-два. И если вы придете к решению...

— Мое решение твердо! — воскликнул Престо. — И два дня ничего в нем не изменят.

Цорн вздохнул, еще раз развел руками.

— Ну что ж! Этим самым вы принимаете всю ответственность на себя. — И уже другим тоном, как врач, он спросил Тонио: — На что вы жалуетесь, мистер Престо?

— На судьбу.

Цорн с видом понимающего человека молча и сочувственно кивнул головой и сказал:

— Судьба для нас, современных людей, всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог... Вы последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

ВСЕ ТЕЧЕТ...

Престо и Цорн шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Цорн.

— Да, — горячо ответил Престо. — Почему один человек рождается красавцем, а другой уродом? И это уродство,

как проклятье, как печать Каина, неизменно, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости?

Цорн покачал головой:

— Вы не правы. Вы совершенно не правы! Не только наше лицо, но форма всего нашего тела не представляет собою чего-либо стойкого, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно сгорает, увеличивается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение примерно семи лет в вашем теле не останется ни одного атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Престо.

Цорн улыбнулся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия пространства форм имеется. Но эта иллюзия получается вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. А строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по размеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае! Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, и формы нашего тела начнут изменяться. Да вот не угодно ли посмотреть на этих больных.

Навстречу им по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезвычайно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, у великана было совершенно детское выражения лица. Увидев доктора Цорна, он начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

— Видите, какой гигант? Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами у итальянцев и ста семьюдесятью семью у норвежцев. А

рост этого великана — двести тридцать сантиметров. Ему всего семнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому, что у него передняя доля придатка мозга — гипофиза — начала развиваться слишком быстро, или как говорим мы, врачи, это результат гиперфункции, то есть усиленной деятельности передней доли гипофиза. А вот карлица — смотрите в право. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее произошла по тому, что функция щитовидной железы была ослаблена.

— Да, но все эти изменения произошли в детском возрасте.

— Со взрослым дело, конечно, сложнее. Но наука преодолевает все препятствия... Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла.

— Добрый вечер, Мисс Веде! — любезно сказал Цорн.

Женщина, не поднялась, кивком головы приветствовала Цорна.

Престо, взглянув на женщину, содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлинненным лицом, выдающимися подбородком и затылком, с утолщенным носом и губами. У нее были уродливо большие руки и ноги.

— Как она страшна! — тихо сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, уродлива, — ответил доктор. — Но поверите ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего два года тому назад она взяла в Чикаго приз красоты? И, поверьте, она действительно была необычайной красавицей. У меня есть ее фотография, где она снята до болезни. Я покажу вам ее.

— И что же ее изуродовало?

— Без видимой причины у нее начали разрастаться кости лица, главным образом подбородка, концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения, скорее всего опухоли передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей,

а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана из взрослого человека.

— Она безнадежна?

— Нисколько. Как только нам удастся привести в норму функции ее придатка мозга, формы ее тела изменятся сами собой.

— Вы хотите сказать, что вновь уменьшатся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Цорн кивнул головой.

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о незыблемости форм человеческого тела. Нет ничего незыблемого. Все течет, все изменяется.

ГОРМОНЫ, ГИПОФИЗЫ...

Вторую ночь Престо провел почти так же плохо, как и первую. Он долго не мог заснуть. Сидя в глубоком сафьяновом кресле, он проверял в памяти волнующие впечатления дня. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны, и среди всех этих уродцев и чудовищ — доктор Цорн, как волшебник, который собирается разрушить злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных людей.

Престо начал дремать, и ему пригрезилось, что женщина-чудовище с огромным подбородком поднимается со своего кресла, идет к нему и, простирая свои уродливые большие руки, говорит:

«Я люблю тебя, Тонио, жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. И мы родим уродов, каких не видел свет... Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...»

Тонио проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон...» — подумал он. И вдруг быстро сел на кровать и схватился за голову. Одна мысль поразила его: «Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам лучше? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз

права, отвергнув меня. Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз... Что, если в самом деле Гедда умерла от смеха? Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце...»

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

«Надо будет телеграфировать Гофману, спросить его. Впрочем, Гофман, наверное, уже уехал... Если я, в самом деле, убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет! Нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства, а там будет видно... Однако как расшатались у меня нервы! Надо взять себя в руки».

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжелая болезнь!» — повторял он в бреду. Только когда первые утренние лучи осветили верхушки деревьев, Тонио задремал, повторяя в полусне неизвестные мудреные слова, которые звучали, как заклинания: «Гипофиз... Гормон... Акромегалия... Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. — Я должен знать совершенно точно, что такое эти гормоны и гипофизы, я должен знать всю механику, тогда туман рассеется и в голове будет порядок.

Умывшись Престо подошел к большому зеркалу в ванной и внимательно рассмотрел все лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопухий, туфленосый уродец! — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Скоро тебе придет конец. Ты споришь, утечешь, улетучишься, а на смену тебе придет... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после лечения, — сказал Престо уже другим тоном.

Быстро одевшись, он пошел к доктору Цорну, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались мужчины и женщины, едва переваливающиеся на

ногах-тумбах, и тощие, как капитан Фракасс; он видел мужчин с женским бюстом, бородатых женщин... все это были жертвы игры неведомых Престо сил, скрывающихся в недрах человеческого организма.

Вот уродец с огромной головой и короткими ногами. Это кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим! Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не был в кино? Кретины, великаны, привлеченные «живым Престо», шли следом за ним. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот на боковую дорожку и неожиданно вышел к теннисной площадке. Мужчины и женщины в белых спортивных костюмах с увлечением играли в теннис. Это были вполне нормальные люди. «Вероятно, выздоровевшие», — решил Престо.

В некотором отдалении стояли уроды. Они жадно наблюдали за играющими.

Как впоследствии узнал Престо, между уродами и людьми, вернувшими себе нормальный вид, были своеобразные отношения. Уроды очень хотели быть в обществе пациентов, которые уже прошли курс лечения. Это поднимало настроение уродов, укрепляло их надежду на то, что они скоро будут такими же здоровыми, нормальными людьми. Выздоровевшие же очень неохотно встречались с уродами, чуждались их, так как вид уродов напоминал им собственное недавнее уродство. Они начинали волноваться. Некоторые женщины вынимали даже зеркальце, чтобы убедиться, что безобразная личина спала с их лица. И поэтому в городке Цорна всегда существовало несколько общественных кругов, как в иерархии общественных классов. «Плебеи и парии», уроды по мере хода лечения переходили в «высший» класс вместе со своей красотой, своим кланом.

Скоро Престо заметили и здесь. Тогда он углубился в самый конец городка-парка. За невысокой стеной он услышал детские голоса. Там было детское отделение.

И снова назойливые взгляды встречающих больных, смех, приглушенные голоса: «Престо! Смотрите, Престо!..»

Увы, здесь он был последним из париев.

Престо вернулся домой и до вечера никуда не выходил. Только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим виллам, Престо вновь направился к дому доктора.

Цорн повстречался ему на полдороге.

— Я к вам, — сказал Цорн. — Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как вы спали прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

— Ну что же, давайте знакомиться с «демонами».

— Если можно, доктор, пойдемте вот этой дорожкой.

И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Цорн кивнул головой и начал свои объяснения:

— Железы внутренней секреции вы только что назвали «демонами». Так вот, одни и те же демоны могут быть злыми и добрыми. Каким образом? Я вам сейчас объясню. Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие клеточки, выполняя различные присущие им функции, живут и действуют в удивительном взаимодействии и в полном согласии меж собой. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является центром, которому слепо подчиняются все клетки. Однако оказалось, что это не совсем так. Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Он является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название рефлекса. Но рефлексам вовсе не исчерпывается проявление жизни организма. Нервных систем, в сущности, несколько, и мозг не есть центр всего тела. Организм управляется, как оказалось, более сложным порядком. Клетки вырабатывают особые химические

вещества, которые стимулируют работу желез и мышц. Мышцы накапливают для клеток питательные продукты и продукты обмена, а железы вырабатывают особые вещества, называемые гормонами. Эти вещества, не идут в отбросы организма и играют роль активных деятелей. Они-то и определяют форму организма. Взаимный обмен гормонов дает гармонию всему организму. Миллиарды клеток живут в точно установившемся взаимодействии. Некоторые органы, например, выделяют только гормоны. Такие органы называются железами внутренней секреции, и если, скажем, один из этих органов, желез, работает слишком активно, то он начинает преобладать в работе организма, количество же других факторов уменьшается, и организм претерпевает существенные изменения: человек ненормально полнеет или худеет, в детском возрасте усиленно растет или же задерживается в росте; бывают и более глубокие изменения, приводящие к физическому уродству. Таким образом, органы внутренней секреции, или железы, играют роль регуляторов, и их немало: щитовидная железа, парашитовидная железа, зубная железа, гипофиз, надпочечники и много других. Кстати, о щитовидной железе. Вы где родились?

— В горах Бурчиада.

— Я так и полагал. В местах, стоящих высоко над уровнем моря, в почвах выветриваются, выщелачиваются и вымываются дождевые соли, необходимые для координации действий организма при питании некоторых органов, и щитовидной железе в этих условиях не хватает материала. Потому-то в ваших местах так много больных зубом. Ведь зуб — это ненормальное развитие заболевшей от недостатка питания щитовидной железы. Ваша болезнь тоже происходит от нарушения деятельности желез внутренней секреции. Однако это нарушение имеет у вас несколько необычный характер. Дело в том, что у людей вашего типа обычно наблюдается замедленность движений всех процессов душевной жизни. Они вялы, тяжелодумны, флегматичны, тупы и напоминают собою добродушных животных. Правда, живой ум встречаете и между ними. Но у вас не только живой ум, у вас активный, деятельный, творческий ум и повышенная восприимчивость и чувствительность нервов.

Скажите, приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Бывают, — ответил Престо.

Цорн кинул взгляд на его руки.

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный. Вы легко возбудимы, в вашем организме как будто действуют две взаимно противоположные силы. Я уже имею представление о вашем характере, темпераменте и умственном складе. С вами придется, как видно, повозиться. Вы, конечно, хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции тела и лицо, какое было бы у вас, если бы нарушение желез внутренней секреции не наложило на него свой печати?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали своего настоящего лица. Постараемся выявить его. Я делаю то, чего пока не делают другие врачи. Меня называют колдуном, кудесником. Так же называли нашего селекционера Бербанка. Я делаю не больше его. Он творит чудеса, изменяя форму и всю «конструкцию» плодов и овощей. Я же работаю над изменением формы и содержания человеческого организма. Пройдемте посмотрим мой «музей». Я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я обогнал своих коллег, — продолжал Цорн, направляясь к дому. — Мне удалось создать замечательные препараты гормонов желез внутренней секреции. При помощи этих препаратов мне удастся изменять формы и рост даже взрослых людей в сравнительно короткий срок. Посмотрите, — сказал Цорн, когда они вошли в комнату, смежную с кабинетом, — вот как выглядит сила, которая произвела все эти чудеса.

Он взял альбом, раскрыл его и показал Престо фотографии. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны было отдаленное, едва уловимое сходство.

— Это до лечения, а это после, — сказал с гордостью Цорн, показывая на левую, потом на правую страницу альбома.

И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить формы тела и лица людей по своему желанию.

— Это все мои европейские трофеи. Ведь я начал свою работу во Франции, у Сабатье, — сказал Цорн. — А вот

первые американские. К сожалению, представители нашей официальной медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В церковных кругах также ропщут. Впрочем, пока мне не мешают. А вот, — он показал шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие аптечные белые банки с латинскими надписями на этикетках. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки. Одни из них увеличивают рост, другие уменьшают...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Вот этот порошок радикально излечивает от ожирения, этот — худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги.

— И окончили бы дни свои на костре.

Цорн улыбнулся.

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человека переживает века.

Докторский приказ «разденьтесь» Престо исполнил механически. Цорн тщательнейшим образом исследовал Тонию.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Цорн. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах уроды в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первый порошок, который должен был начать невидимую работу в его организме. В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с собой.

КОЩУНСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК

Дни шли за днями, одно лекарство за другим глотал Престо. Он внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Все тот же туфлеобразный нос, те же

уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Цорна.

Чтобы не быть центром всеобщего внимания, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он читал лос-анжелосские, сан-францисские и голливудские газеты, желая узнать, что там делается.

Некоторые газетные заметки невольно останавливали внимание Престо, хотя они и не относились к судьбе Люкс. В штате Калифорния, в городе Бэркли, несмотря на протесты щепетильных и стыдливых соседей, двухлетний Рольф Эллисон разгуливал голый в течение четверти часа в солнечные дни на заднем дворе своего дома. Этого требовала его мать Лилиан Эллисон. Доктор предписал ее сыну лечение солнцем. Но соседи пожаловались полиции. Один чувствительный супруг заявил, что нагота двухлетнего Рольфа страшно стесняет его жену.

Почетный пастор Ноэль Гайнс из Франкфурта, штат Кентукки, заявил: «Профессора, которые учат, что предками человека были хвостатые обезьяны, заслуживают виселицы».

В штате Арканзас в местном университете была проведена анкета по вопросу, кого они считают «величайшим музыкантом в мире». На первом месте в результате опроса оказался популярный дирижер джаз-банда Пол Уайтмен, на втором — Бетховен. Третье место заняли двое: Падеревский и Генритови, директор музыкальной школы при университете.

В Эль-Пазо, штат Техас, Альфред Э. Седдон, священнослужитель пресвитерианской церкви, пользующийся большой популярностью, заявил: «Электричество, как сила природы, существовало с тех пор, как существует человек на земле, — около шести тысяч лет. И я не скажу, почему бы при божьем попечении у Адама не могло быть в его жилище радио, посредством которого он мог слушать гимны ангелов».

Другие газеты печатали совершенно невероятные факты, которые придумывал «властитель дум» Роберт Рипли. Например, Рипли открыл в Бостоне мистера Коннерса, который поставил рекорд скорости взбегаия и сбегаия по

лестнице небоскреба. Некий Блайстон написал с помощью микроскопа тысячу шестьсот пятнадцать букв на рисовом зерне. Один французский писатель заполнил четыреста листов канцелярской бумаги знаками препинания и послал их своему издателю за то, что тот упрекнул автора в небрежном отношении к правописанию.

Французский поэт Брейтель писал два года любовное письмо одной актрисе и написал миллион раз «я вас люблю». Мисс Кук из Лондона писала завещание с двадцати до сорока лет; написала восемь томов и умерла, оставив пять тысяч долларов. Доктор Литтингер в Вене улыбался в течение тридцати дней...

Подобные заметки интересовали Престо тем, что они помогали изучать психологию обывателя, его доверчивость, проистекающую от невежества, его вкусы. Кое-что могло пригодиться и для трюков.

Но вот однажды Престо нашел и то, что искал.

Газеты сообщили о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел мисс Люкс без чувств и посиневшей, с едва заметными признаками жизни. Врачу стоило больших трудов вернуть ее к жизни. Горничная Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятного припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать подобное состояние, врачом обнаружено не было. О его причинах ни Гедда, ни ее горничная ничего определенного сказать не могли.

Только несколько дней спустя репортеру маленькой газеты удалось получить кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло. По его словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху потому, что Престо имел дерзость сделать ей, Люкс, предложение. «Престо был настолько смешен, что я сама едва не умерла от смеха», — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатывали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умирать от смеха — это неслыханная вещь.

Еще через день в той же газете была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо, безусловно, имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видели Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда виллу Гедды Люкс посетил врач. Во всяком случае, от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли отрывисто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо выехал на Таити.

Еще через день та же маленькая газетка, сообщавшая сплетни, оповестила мир о том, что факт кощунственного и святотатственного поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить мисс Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Гедды Люкс присылали в редакции тысячи писем с выражением негодования, сочувствия и соболезнования «оскорбленной и оскверненной» мисс Люкс.

«Кощунственный, святотатский поступок! — с возмущением думал Престо. — Если бы я сейчас попался в руки поклонников Гедды Люкс, они растерзали бы меня. Вот суд толпы! Ну что же, тем лучше! Пусть теперь мне не говорят, что я не имею права изменять свою внешность!»

Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких персмен! «А Люкс все же не хотела выдавать моей тайны, — думал Престо. — Горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде?» Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он поспешил к доктору Цорну.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть. Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Цорн. — Моё лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не

так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и на щитовидную железу. Они должны накопить нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач? Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ребенка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девушку, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал к кабинет врача без предупреждения, во время приема.

— Простите, — сказал он смущенно, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всем переговорили с доктором. — И, кивнув головой, дама легкой походкой вышла из кабинета.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая, — ответил, улыбаясь, Цорн.

— Но я не заметил, не видел такой среди больных...

— Да, вы не видели такой, и все же вы видели ее. Это та самая девушка, которая сидела у своей веранды в кресле, помните, мисс Веде?

— Страшное чудовище? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки.

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе!

— До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

ЧУДО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Прошло еще несколько дней после этого разговора, дней, похожих на все минувшие. И вот началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть: провал переносицы заметно поднялся. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: лекарства доктора

Цорна пробудили внутренние силы его организма, началось преобразование его тела.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица очень быстро начала принимать нормальный вид. А мясистый туплеобразный кончик носа будто «подсыхал», втягивался — словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись; это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Однажды утром к Престо явилась миловидная сестра и, поздоровавшись, сказала с улыбкой:

— Вы начинаете расти, мистер Престо. Поздравляю. Скоро этот костюм для вас будет мал. У нас имеется склад обуви, белья и костюмов разного размера, или же вы будите заказывать новую? У нас имеются белешвейки, сапожники и портные.

Какой же пациент Цорна станет носить одежду с чужого плеча! Престо, как и другие, сказал, что он будет заказывать костюмы.

Только немногие пациенты увозили с собою гардероб одежды разных размеров. Большинство оставляло эти костюмы, как шкурку сказочной лягушки-царевны, чтобы они не напоминали о прошлом. Костюмы впоследствии продавались коммерческими агентами Цорна.

Сестра кивнула головой и вышла.

Через несколько минут с Престо уже снимали мерку — портной, сапожник и белешвейка показали образцы дорогих тканей и фасонов. Следом за ними явился шляпочник. А к вечеру Престо уже с ног до головы был одет во все новое, чтобы через несколько дней повторить эту процедуру.

Внутренние силы действовали чем далее, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда в конце первого месяца «метаморфоз» он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое чужое лицо.

Это уже не был Антонио Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо. Престо

стало жутко. Как будто его сознание переселилось в тело неизвестного человека. Он пробовал делать движения руками — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но какое-то чужое. Физические ощущения были новыми и странными. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движений. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново — ново до жути.

Изменения происходили не только в организме Престо, но как будто и в окружающем мире. Ребенок растет годами, медленно и незаметно. У Престо рост происходил быстро, «не по дням, а по часам», как у сказочных богатырей. И по мере роста Тонио казалось, что пространство и масштабы быстро уменьшаются. Кровать, на которой он занимал, когда приехал, не более трети длины, стала как будто укорачиваться, стулья, столы — уменьшаться. Ему уже не надо было прибегать к эквилибристике, чтобы сесть на стул или в кресло. На письменном столе он все более раздвигал книги, письменные принадлежности. Он уже мог, приподнявшись на носках, самостоятельно снять с вешалки пальто, шляпу. А сколько со всем этим было возни! Раньше ему, как ребенку, ежеминутно приходилось прибегать к посторонней помощи или же возбуждать смех, делая попытки самостоятельно достать что-нибудь высоколежащее, куда-нибудь взобраться. Мир не приспособлен для карликов...

Это были приятные новшества. Но все же внутренние изменения привлекали наибольшее внимание Престо.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых на всю жизнь форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «внутренние силы» организма, строителей живого тела — гормоны.

Гормоны, гипофиз, щитовидная железа — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И все же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало.

А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм. Престо посмотрел на старенький костюм, маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка — сына или брата.

— Тонио Престо умер. Нет больше Тонио! — тихо сказал Престо.

Неожиданно ему стало жалко этого уродца, который знал нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице...

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился на восток. Но трудно было с его ростом получить постоянную работу. В одном городе он продавал газеты, в другом служил живой рекламой — в шутовском костюме носил плакат: «Покупайте ваксу «Солнце». Мальчишки издевались над ним и нередко били. Пришлось снова отправиться в путь.

Наконец в одном городе ему посчастливилось попасть в бродячий цирк. Снова шутовской костюм, но здесь его не били. Он зазывал народ и имел успех у зевак. С этим цирком Престо посетил многие города и городишки Америки. В одном городе Калифорнии, где была киностудия, хозяину этого предприятия пришла мысль заснять бродячий цирк в картине по специально написанному сценарию. Цирк еще не успел уехать из города, как в кинотеатрах появился новый фильм. И Престо впервые увидел на экране самого себя. Его роль была невелика: как всегда, он только зазывал.

Престо был глубоко взволнован, увидев свое изображение на экране. Тонио Престо — тогда он был еще просто Том Джонсон — вырос в собственных глазах. Если его показали на экране, на том самом экране, на котором выступали все его любимые герои, то и он сам чего-нибудь да стоит!

Его охватила довольно распространенная болезнь — непреодолимое желание сниматься в кино. Микроб этой болезни недостаточно изучен: играет ли тут роль простое тщеславие, или жажда быстрого обогащения, или же бес-

сознательное желание победить время и смерть, законсервировав на пленке хоть несколько моментов своей жизни, — не известно, но сила болезни чрезвычайна.

Тонио явился к хозяину киностудии и предложил себя в качестве киноактера. Тот только расхохотался. Тонио не успокоился. Он узнал о центре американской кинопромышленности, Голливуде, и, распроставшись с цирком, отправился туда. Долго кинопредприниматели, режиссеры, операторы не хотели даже серьезно говорить с ним. Однако один умный оператор задумался и сказал директору:

— А почему бы из этого кретина не сделать второго Джекки Кугана? Этот по крайней мере не вырастет, как тот.

Несколько сот метров пленки в большом деле не составляют расчета. Директор согласился сделать пробу. Престо суетился и махал руками, как ветряная мельница. Режиссер безнадежно махал рукой: «Да он понятия не имеет об игре!», но оператор не сдавался.

Фильм имел у публики неожиданный для директора и режиссера эффект. И в судьбе Престо произошел волшебный поворот...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания? Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого.

И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень странно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, — ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати семи лет. А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения. Кем же он будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя.

— Да, Тонио Престо потерял лицо...

«Чудо перевоплощения» свершилось. Зеркало отражало не безобразного урода, а красивого молодого человека, стройного, немного худощавого. И удивительней всего было то, что в новом Престо, с его безукоризненно правильными формами нормального человека, было нечто заставлявшее вспомнить о старом Престо, то сходство, которое мы подмечаем в двух скульптурах, различных по форме, но принадлежащих резцу одного скульптора. Доктор Цорн осмотрел свое произведение с чувством художника, удовлетворенного своей работой.

— Отлично! — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха. Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно понаблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора.

Тонио оставил у доктора почти все деньги, которые взял с собой, а их было около сотни тысяч долларов. У Престо осталось только на дорогу. Он послал телеграмму Себастьяну, предупреждая его о том, что придет завтра утром.

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, спускающуюся отлогим полукругом к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека, который, заметив недоумение слуги, рассмеялся и сказал приятным баритоном:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемоданы!

Но Себастьян не двигался с места. Он был преданный слуга, даже больше, чем слуга. На карлика Престо он смотрел, как любящая няня на ребенка, и оберегал его интересы больше, чем свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет

дело с одним из молодчиков, который хочет провести его и обворовать дом Антонио Престо.

«Но не на того напал!» — насторожившись, бормотал про себя старик.

Не только Себастьян, выдавший виды, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну, что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — грубо сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную позицию около двери. — Хозяина нет, а без него не пущу в дом. Мне дан строгий приказ.

— Вот чудак, я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Престо сделал нетерпеливое движение рукой, которое чем-то напомнило Себастьяну жест старого уродца Престо. От волнения и негодования, что Себастьян не пускает его, Престо возвысил голос, и в последней его фразе — «я сам и есть хозяин, Тонио Престо» — послышались нотки фальцета карлика Тонио.

Себастьян с недоумением еще раз осмотрел незнакомого молодого человека.

«Что за чертовщина! — подумал старик. — В нем в самом деле, как будто сидят два человека!»

Престо, быть может, удалось бы воспользоваться этой минутой колебания и убедить Себастьяна, если бы не вмешательство еще одного свидетеля этой сцены. Шофер заинтересовался разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо! Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не пускай в дом этого человека, он опасный».

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступенек. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он тоже начал подниматься по лестнице, но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он проскользнул в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на

цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик? — со злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью.

Тонио начал стучать, но Себастьян не открывал двери. Ни просьбы, ни уговоры не помогли. Себастьян был тверд как скала.

— Упрямый, глупый старик! — в сердцах выбранился Престо.

Под насмешливым взглядом шофера Тонио медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее? Престо прошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер. На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник! — проворчал Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе.

У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что он был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Швейцар с почтением открыл перед ним дверь.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист, — выпалил Тонио.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первыми почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем президента. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности: этот юноша в очках, так же как и Себастьян, не

поверил бы ему. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец, — ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в своем номере.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерять свое лицо — пренеприятнейшая вещь».

Престо проголодался. Хорошо еще, что в отеле можно было завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имеет бестактность присваивать прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Цорна: Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней и...

Как-то она теперь примет его?

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он настоящий красавец.

Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществляется... Он — Ромео, Гедда — Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно! Неотразимо! Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, вышел на улицу.

СНОВА ОТВЕРГНУТЫЙ

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от собственной виллы Тонио. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придется идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только

тогда, когда они в меру. Для сокращения пути он решил идти по новой, только что проложенной дороге.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе, еще не покрытое гудроном, блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задышался. Он давно успел позабыть, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятностей человеку, который принужден плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще знакомый путь не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался, наконец, до виллы Люкс, вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показываться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не убил смехом вместе с ее госпожой. Девушка не узнала его. Она несколько презрительно осмотрела его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, желают видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у не хватило бы времени на работу, если бы она начинала принимать всех приходящих.

— Мисс Люкс нет дома, — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да, да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я

знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная.

Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замылся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый друг.

Горничная приоткрыла дверь,пустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо. — Гедда, наверно, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она, наверно, сделает это...»

— Пожалуйте, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой!

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился.

— Мисс, я не обманул вас. Я ваш старый друг, хотя вы не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло. Люкс опустилась на кушетку, минуту длилось молчание.

Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонио

Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передал это? — спросила Люкс.

Тонио улыбнулся.

— Да, он мне передал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла.

Престо утвердительно кивнул головой:

— Я знаю это.

— Но при чем тут вы? — спросила Гедда. — Тонио просил вас передать его извинение?

— Да, он... завещал мне это.

— Он умер? — с испугом спросила Гедда.

Тонио не ответил на ее вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предположить, что мой отказ убьет его. Он был вашим другом. И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня. Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды, он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменял свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен?

Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «живой манекен» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

— Что вам от меня надо?.. — спросила Гедда, едва владея собой.

— Я пришел за ответом и уже получил его, — ответил Престо. — Вы сказали: «Да».

— Но вы не Престо... Прошу вас, не мучайте меня! Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс. Вам не угрожает опасность.

Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после свидания, показал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Цорна, наконец вынул фотографии, отметившие все этапы эволюции, происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе прежнего Тонио Престо, ее разум отказался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которое Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо... — Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески: «Тонио». — Допустим, что все так, как вы говорите. Стена уродства не стоит перед нами. Но...

— Какое же еще может быть «но»?..

— Я выслушала вас, выслушайте теперь вы меня. Вспомните наш разговор, когда вы еще были уродом. Я говорила вам о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и многого требует. Я возвеличена волею толпы, посещающей кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я оставалась вечной невестой. И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя в роли моего «героя». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя...

— За бога или полубога, сказали вы тогда.

— Да, за тех, кого перевозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонио.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Нарцисс, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это хуже, чем прославлен-

ное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, бездарного, неизвестного, но смазливую юношу. Да едва ли вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Если я был полубогом, то стану богом...

— «Буду, буду, стану...» Это все только мечты. Путь к экрану очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью не легко? Но у меня есть хорошее наследство, оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного туфлеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставляю ее признать. Смотрите же, это последняя отговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы...

— Тогда мы продолжим этот разговор. Но помните, Престо, я не даю никаких обещаний и ничем себя не связываю.

— Вы влюблены? У вас есть жених? — спросил Престо.

— У меня есть живое сердце и свободная воля, Престо. Идите добывать вашу славу!

ЭТО НАШ НОС, А НЕ ВАШ

Пробратся к мистеру Питчу обновленному Тонио Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько слуг,

немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в силе словесного оружия, Престо решил прорвать блокаду. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверь.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов.

На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет: Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Столько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, и разговаривал с юрисконсульт-мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемки начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо и сколько мы теряем оттого, что не пустим этой картины в прокат. Получается весьма солидная сумма. Подготовьте иск.

— Но кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсульт. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более. Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мис-

тер, — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошел в кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из них так или иначе пробирався в его кабинет, мистер Питч был любезен и не подавал виду, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах, вот как! Это интересно. Говорите скорее, он жив?

— И да и нет. Вот такого, — Тонио показал на свой портрет в золоченой раме, — такого Престо нет, Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я — Тонио Престо.

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне, это вполне понятно. Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать, я вполне верю вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, э-э... мистер Престо?

— Я слышал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку и убытки. Но этот фильм должен быть заснят вновь. Только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с трагедией... — неожиданно подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены о наших делах. Но... Это не пройдет, молодой человек.

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо?

— Верю, верю, но... но... вы, Тонио Престо совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникум. И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву

вы могли делать это перевоплощение? Вы заключили с нами генеральный договор на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивильный лист короля не стоит столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос. Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Брильянт величиною с туфлеобразный нос — дешевая побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш. Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем, как чудесный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам, как к Тонио Престо. Что вы скажите в свое оправдание?

— Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого...

Питч подскочил в кресле.

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо. Вы молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушивали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом нередко люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а рекламой можно вознести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую киноплёнку, если таких же Тонио не найдутся десятки в ярмарочных балаганах!

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникалы.

— Да, говорил и буду говорить. Потому, что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого артиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте трагических жестов. Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть вы были им. Допустим, что душа, талант у вас остались престовские.

Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно. Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев. Слишком дорого. Вы не нужны нам, молодой человек. Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем его туфельку.

— Я все же настаиваю...

— И напрасно. Я допускаю, что вы гений. Но публика поверит в гениальность только тогда, когда я украшу путь гения радугой банковский билетов, а они мне не легко даются. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще. Может быть, вам удастся поступить к адвокату клерком или в банк счетоводом. Это даст вам не много, но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно Тонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? Сумасшедший или жулик? — спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто наполовину верили тому, что он действительно Тонио Престо.

— Не наполовину, почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда он заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Антонио Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченный человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромные амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро промотает состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я спешу предъявить иск.

— Вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струйку дыма вверх и, когда дым растаял, сказал глубокомысленно:

— Вот так и слава. Когда нет денег на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

ЗА СЧЕТ БЫЛОЙ СЛАВЫ

Тонио был огорчен неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь. Теперь Тонио шел по прекрасной широкой дороге киногородка, мимо надземных построек, где помещались лаборатории, мастерские, дома и отели артистов и служащих.

На правой стороне дороги возле громоздкого здания — склада декораций находился небольшой ресторан, который охотно посещали в дни съемок статисты, проводившие здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Тонио в раздумье замедлил шаг и, наконец, вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и в переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек — как его фамилия? Смит. Один из миллионов Смитов... Ради Престо он бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили фруктовую воду. Невыносимо! Престо как бы невзначай остановился у столика двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу.

— А я привез вам привет от Тонио Престо, вчера я видел его, — продолжал Тонио.

Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

— Оранжад. Два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал... Уф... Прекрасный напиток!

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице доктора Цорна.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо меняет амплуа. Из комиков переходит в трагики. И для этого он решил переменить внешность. Цорн делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня.

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убежденно проговорил он.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами...

Престо, утолив жажду отправился пешком в город мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю! — думал он, шагая по шоссе. — Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой... Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать? Как хочется есть... Человек, потерявший лицо...»

Подходя к гостинице, Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлечь к себе подозрительного внимания отельной прислуги. Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся.

К счастью, в его чемодане были запасной костюм и свежее белье.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, Антонио улелся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в десять часов вечера. Еще перед сном в его голове созрел план действий. Он не стал мешкать, быстро оделся и, передав ключи от номера коридорному, вышел из отеля.

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ

Огни города остались позади. Престо предстояло еще раз измерить расстояние от отеля до своего дома. Но теперь идти легче. Вечерняя прохлада освежала. Престо бодро шагнул по шоссе. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка.

В стороне от шоссе, на пригорке, в тени эвкалиптов стояла его вилла. Его вилла! Сколько воспоминаний связано с нею! Когда-то ему казалось, что иметь собственную виллу — вершина жизненных успехов. С каким увлечением он строил эту виллу сначала в мечтах, а потом и на самом деле! Сколько изобретательности и вкуса проявил он, обдумывая общий план и каждую мелочь! В его вилле не должно быть пошлой аляповатой роскоши. Все должно быть просто, строго и вместе с тем изящно. И ему это удалось. Его вилой восхищались. О ней писали. Ей подражали.

Особенно много остроумия он вложил в то, чтобы приспособить обстановку к своему маленькому росту. Глядя на мебель, никто не сказал бы, что она создана для детей и карликов. И вместе с тем это не была обычная мебель. Одни кресла и стулья имели сиденья, расположенные ниже обычного, а другие — скрытые ступеньки и скамеечки, выдвигавшиеся при нажиме кнопки.

Да, прекрасная вилла была у Престо! Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал, и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду. За сотню метров шофер криком sireны предупреждал о приезде хозяина. Престо неизменно встречал у широко раскрытой двери его верный слуга, старый Себастьян. И вот теперь...

Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек. Себастьян еще не спал. Тонио осторожно прошел возле решетки сада до группы молодых кипарисов и улегся в теплый песок. Звезды ярко светили над головой. Пахло эвкалиптом. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать... Огонек в крайнем окне еще светился. Неужели Себастьян сторожит ночи напролет? От него всего можно ожидать.

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фарами автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их, потому что собаки не выносили его суетливых движений и всегда лаяли на него. И поэтому, несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад этому: он мог безопасно пройти к дому. Престо привлекало окно, в котором еще светился огонь. Тонио осторожно поднялся к нему. Штора была спущена. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светящееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников? Тонио подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приподнялся к окну. Рама была закрыта. Надо выставить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но окно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Конечно!» — подумал Престо, отбегая в сторону. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, когда Себастьян выйдет из дому или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян крепко спит. Стекло разбито. Главное сделано.

Престо вновь перелез через ограду и прошел к разбитому окну. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо потропился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, он влез в окно и уверенно пошел по комнатам.

Странное чувство овладело им. Антонио был у себя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор. Да он и был «вором». Он пришел сюда затем, чтобы украсть деньги из своего собственного несгораемого шкафа. Осторожно ступая, он прошел через столовую со стенами и мебелью из черного резного дуба, большую овальную гостиную с белым роялем, поблескивавшим в темноте, библиотеку, уставленную столами, шкафами и стеллажами. Здесь надо быть осторожным, чтобы не наткнуться на одну из лесенок, разбросанных в проходе. Вот, наконец, и кабинет. Несгораемый шкаф в стене возле письменного стола. 3-6-27-13-9 и под ними: 32-24-7-8-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно. Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или по крайней мере законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги. Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Он вновь принялся за работу. Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с направленными на Престо револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно. Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, слышался чей-то злорадный, раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда.

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле. В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда он назвал себе Тонио Престо. Тонио был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спишите. Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом, а за вами найдутся, вероятно, такие делишки, за которые вам придется пяток минут посидеть на электрическом стуле, — сказам допрашивавший Престо сержант.

НЕОБЫЧНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Впрочем, буквоедство это имело особые причины. Престо не знал, что Питч принял меры к тому, чтобы новый Престо не был признан правопреемником имущества карлика Престо. Если бы право нового Престо было немедленно признано, он мог бы лично выступить на суде, пригласить в защиту своих лучших адвокатов, пустить в ход деньги — все это осложнило бы дело. Опекане гораздо больше устраивала Питча. Опекун для ответа на суде вместо «безвестного отсутствующего» Престо был бы выдвинут Питчем из своих людей, и такой опекун, конечно, поспешил бы признать все требования Питча. Нужно было, во всяком случае, затянуть, запутать дело, и судья успешно делал это. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже не может быть и речи, судья стоял на своем:

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Цорн, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно не похожий на него молодой человек, одно и то же лицо,

хотя лица у вас разные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово кража — «фуртум» происходит от слова «фуртва» — мрак, тьма, так как кража обыкновенно совершалась «клям, обскуро эт плэрумквэ». О! — судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершили тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте! — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

— Вы не доказали и этого. Вы должны были законным путем восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком на основании всех имеющихся у вас данных обязаны были доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого мне необходимо собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до утра из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов.

— Разве того, что отняли у меня в полиции, не достаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это еще спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от суда, если от разрешения дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает сотню миллионов. Неужели я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Конечно, Престо не убежит от миллионов. И конечно, Престо есть Престо.

Судья раньше слышал о Цорне и о чудесах, которые он производит. Престо не первому приходится доказывать свое тождество. Но главное не это. Главное — миллионы, которые вернутся в руки Престо. Совсем не пустое дело — оказать в трудную минуту услугу миллионеру. Мистер Питч, видимо, будет недоволен? Но что же делать? Судья делал, что мог...

Юрисконсульт Питча недаром назвал своего патрона предусмотрительным. Мистер Питч, очевидно, предвидел и

такого рода колебания судейской совести и постарался огрادیть свои интересы с другой стороны.

Судья соби́рался уже отпустить Престо, но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который требовал отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызывающие вмешательство прокуратуры.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу. Ничего не могу сделать. Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. Пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогли. И из полицейского участка Престо был персведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотиносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменять свой внешний вид?

Будет ли кражею похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства Престо-старого или же Престо-новому достаточно доказать свою идентичность с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что муж ее изменился до неузнаваемости?

Не поведут ли такие изменения к новым преступлениям?

Не получают ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от представителей власти?

Как смотрит на такое превращение церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?..

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Цорна, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он, Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была прислана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо могли обвинять в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо оставалось только утешаться тем, что показания Цорна и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Цорна, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи. Увы, перевоплощение Престо оказалось действительно «трудным случаем в практике» Цорна.

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности, — заявил прокурор. — Всякая собственность предполагает существование не только объекта, но и субъекта права собственности, проще говоря, собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем права собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять свое физическое лицо, как перчатки? К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскания? Как станем бороться со злостными банкротами? Главное же, как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать свои лица под лица миллионеров так, как сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободу изменения внешности человека.

В детском возрасте, с лечебными целями, применение

методов доктора Цорна, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых ни в коем случае! И поэтому я вхожу в конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрещающий взрослым людям — под страхом потери имущественных прав — изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни. Что же касается нашего обвиняемого, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я все же считаю необходимым распространить санкцию закона, который должен быть издан, на мистера Престо и лишить его всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других.

— Будите ли вы держать Престо в тюрьме или же найдете возможным выпустить его? — спросил один из корреспондентов у прокурора.

— Поскольку выяснилось, что Престо не мистификатор, «субъективно» его вина уменьшилась, — ответил прокурор. — Он мог «бона фиде» — по чистой совести — искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести преступления, но все же дает мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока конгресс не рассмотрит мое предложение и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет сформулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

Престо был выпущен на свободу без денег, без дома и без имени.

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как в номере находились его вещи, и что необходимо заплатить по счету.

— Хорошо, завтра утром я вам заплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру.

Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

— Однако где же я достану деньги? — вслух сказал Тонио.

Он подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы с надеждой найти в кармане завалявшиеся случайно деньги. Денег не было. А они были ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать несколько тысяч телеграфом?.. Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра! Восходящая звезда, красавец Лоренцо, киноартист, не раз игравший вместе с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце! Но разве он не более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, да. Престо не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом...

Престо должен повидаться с нею. Проклятье! У него не осталось даже приличного костюма. Выходной истрепался в тюрьме.

Престо взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришли десять тысяч долларов на имя мистера Грина, отель «Империаль», Голливуд. Престо».

Затем Престо попросил к телефону владельца отеля и сказал ему:

— Мистер Грин, вы, видимо, знаете, что я вполне платежеспособен и только случайно попал в затруднительное материальное положение. Завтра меня выручит мой друг Гофман. Он пришлет десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что следует по моему счету, а остальное вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги — за вычетом более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал только пять. В отеле Престо опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Антонио купил

себе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидев Гедду. — Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг?

Люкс кивнула головою.

— Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить прощальный ужин и пригласить на него всех моих бывших друзей. Их это ни к чему не обязывает. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом ваш Антонио займет подходящее ему скромное место в жизни.

Люкс боялась сцен и, видя Престо покорным, охотно приняла его приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливца Лоренцо Марра, Драйтон, Гренли и Пайн, декоратора Булинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных киноартистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите письменное согласие приглашенных, я разошлю им приглашительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь часов вечера, в круглом зале отеля «Империяль».

Вечер удался на славу.

Все приглашенные явились вовремя. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. Новую актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розовым светом, а через открытую на веранду дверь падал лунный свет, создавая красивый световой контраст.

Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколь-

ко представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.

На почетном месте были усажены Гедда Люкс, ее жених — по левую руку и мистер Питч — по правую. Мистеру Питчу нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч, чуть наклонив голову к Гедде Люкс, с улыбкой говорил:

— Кто бы ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк. И потом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантастический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов. Да, он таки сделает себя. И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться.

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом на экране и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

— Леди и джентльмены! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «человек, потерявший лицо»? Так говорят о каком-нибудь человеке, совершившем неблагородный поступок. «Человек, потерявший лицо» там подвергается гражданской смерти. Правда, в Китае... а Китай — азиатская страна... У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Но горе тем, кто осмеливается, как я, изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар? Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им. Я преклоняюсь перед ними. Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив свое лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу, даже с помощью доктора Цорна,

вернуть себе мой прежний вид. Но даю торжественное обещание не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, совершенную по неопытности, и принять меня в свое лоно, как библейский отец принял блудного сына. И увидите, я буду достойным сыном!

Речь эта, несколько странная в середине, под конец понравилась всем. Престо аплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Антонио выпил бокал вина, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищенный Питч. — Такой способности к саморекламириванию я не знал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем. Да где же он? Я хочу с ним чокнуться.

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем.

Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо! Где же вы? — кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала Люкс.

Но Тонио не было. Тонио как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное и исключительное распоряжение пирующих, — Тонио не было.

Вернулись в зал.

Наконец гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы? — сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио. Все надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

ЖЕРТВЫ «КОЛДОВСТВА»

Дни идут за днями, а о Тонио Престо ничего не слышно — он словно в воду канул. Мистер Питч некоторое время поджидал появления блудного сына, да потом махнул рукой: время и работа не ждут. Лоренцо Марр боялся возвра-

щения Престо не только как артиста-конкурента, но и как соперника-претендента на руку и сердце Гедды Люкс. После знаменитого прощального ужина Люкс неожиданно заявила своему жениху, блистательному Лоренцо Марру, что он не должен торопить ее с замужеством. Неужели новый Престо околдовал ее и она ждет его возвращения? С нею творится что-то неладное. Даже мистер Питч заметил, что Люкс изменилась, стала какая-то вялая, задумчивая, рассеянная, временами раздражительная. Впрочем, и сам Питч в последнее время чувствует себя нехорошо: какое-то недомогание, одышка. Но работать надо! Мистер Питч задумал ставить большой новый фильм под названием «Торжество любви» с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовился к этой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что пришла. Она вошла в кабинет, подошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер Питч. Вы все полнеете.

— Чертовски полнею, — ответил Питч.

Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел ожиревшим боровом.

— А вы, кажется, перешеголяли моду? — спросил Питч, глядя на юбку мисс Люкс. Юбка была действительно слишком коротка.

Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала ее, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сами укорачиваются.

— Или вы растете, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марр даже как будто стал меньше ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— У вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет. Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье.

Оператор Джонсон хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визир и заявил:

— Вы режетесь.

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша прическа не видна. Вы выросли, мисс Люкс.

В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — добавил Джонсон. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте. Вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом смотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это nonsens! Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Джонсона сделал еще открытие. Джонсон заявил, что Лоренцо не только похудел, но стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Джонсон доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторых ролях, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них пополнили с такой же быстротой, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал.

Срочно был вызван врач, и все стали по рангу: впереди Питч — он даже Гедде не уступил своей очереди, — за ним Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты в живой очереди. Амбулаторный прием был открыт в кабинете Питча.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно качал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке. Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

— Пробовал, не помогает, — безнадежно отвечал Питч. — Уж не отравили ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного, — продолжал Питч. — Обратите внимание: полнеют, худеют, вырастают и уменьшаются в росте все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине не известны такие яды, — ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум не утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды или лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствует себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она продолжает расти и не успевает переделывать платья.

— Чем же это кончится? О съемках нечего и думать, — говорила она, всхлипывая. — Если так пойдет дальше, то скоро меня можно будет показывать на ярмарках.

— Вы тоже не можете себе представить, как я изменился, — хрипел Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Мое тело напоминает студень. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Мистер Питч не узнал голоса Лоренцо по телефону. Лоренцо говорил таким пронзительно-тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было горе. И что хуже всего, лицо его изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу, — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— И я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Цорн, у которого Престо лечился?

— Цорн! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовать нас, я не знаю, но Цорн может помочь нам! И никто, кроме Цорна. Как это я раньше не подумал о нем! Сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему!

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Цорна. Целая вереница автомобилей ввозила во владения Цорна необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс возвышалась над всеми. Зато Лоренцо, потерявшего все свое величие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над кузовом открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актер — с признаками акромегалии. Новые пациенты были быстро размещены в коттеджах лечебницы.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме у Цорна.

Цорн сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились препараты из различных желез. Теперь мистер Питч не сомневался в том, что все их злоключения — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч.

— Полная, — уверенно ответил Цорн. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И Цорн оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса; причем Цорн заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко подавалась лечению. Более сложной была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Лоренцо стал настолько маленьким, что когда он стоял с Геддой Люкс, то его можно было принять за ее сына.

— Вы не смущайтесь, бывают люди и повыше, — сказал Цорн Гедде Люкс. — Наибольший рост, достоверно известный науке, двести шестьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достиг двухсот восьмидесяти пяти сантиметров.

— Я буду счастлива тогда, когда мне вернут мой рост.

— Хорошо, постараемся вернуть ваш прежний рост, — успокоил ее Цорн.

Больше всех доставлял Цорну хлопот Лоренцо Марр. Он совсем пал духом, плакал, капризничал, как ребенок, умолял, требовал, грозил самоубийством. Цорн потратил много труда, чтобы утешить его.

Остальные больные из киностудии покорно ожидали своей судьбы. Большинству из них лечение на свой счет было недоступно, и они радовались тому, что Питч не мог допустить, чтобы и второй незаконченный фильм был выброшен.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будите производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Лечение продолжалось, и все начали понемногу принимать свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшалась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали о скором отъезде.

За несколько дней до их выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем не весело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяческих неприятностей, прежде чем добрался до Цорна.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джим-кроуизма.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений. В эти горькие минуты у губернатора даже начали появляться необычные для него мысли о том, что американские законы о неграх, быть может, и не совсем справедливы и гуманны и что их, пожалуй, следовало бы отменить.

Он ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг,

на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра. Губернатор несколько раз в день принимал горячие ванны, намыливался, остервенело тер себя мочалкой, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

Мистер Питч, выслушав печальные истории новых больных, заявил, что они, очевидно, также пали жертвой мщения Престо.

— Но как он мог это сделать? — недоумевал губернатор.

— Он мог подкупить слуг, и они подмешали порошки в питье, — высказал предположение Цорн. — Это все работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке, и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась негром.

Губернатор сделал гримасу, ему не понравилось сравнение. Эти ученые способны ставить на одну доску губернатора и какую-то лягушку!

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Цорн. — Вам, вероятно, известно, что у беременных женщин часто появляются пятна на лице. Появление этих пятен находится в связи с циркулированием в крови гормона задней доли гипофиза, вызывающего это темное окрашивание.

Час от часу не легче! Теперь его сравнивают с беременной женщиной! И чтобы прекратить эти неприятные научные пояснения, губернатор спросил:

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте же на него! — воскликнул губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

— Я все-таки не понимаю цели, которую преследовал

Престо, — пропищал прокурор. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на свои короткие ноги, которые не достигали пола. — Неужели только мечь?

— Что же еще может быть? — спросил губернатор.

Все замолчали.

Мистер Питч, который был умнее, высказал предположение:

— А не имеет ли это связи с вашим законодательным предложением в конгресс и с вашим публичным выступлением, осуждающим изменение внешности взрослыми людьми?

Прокурор некоторое время с недоумением смотрел на Питча, потом вдруг ударил себя ладонью по лбу.

— Тысяча чертей! — запищал он. — Вы правы. Престо загнал нас в мышеловку, которую я сооружал для него собственными руками! Он заставил всех нас совершить то же преступление, в котором обвиняли его мы, — изменение внешности, лица. И что, если конгресс примет мой законопроект? Я сам настаивал на том, чтобы закон имел обратное действие.

Губернатор-негр простонал. Он тоже понял хитрый ход Престо. Безвыходное положение! Несмотря на все искусство Цорна, после лечения они все же могут несколько отличаться от прежнего вида. А если изменится лицо, на них также должен распространиться закон, и губернатор, прокурор, судья, Питч, Люкс, Марр будут лишены имущества, разорены...

— Нам остается только одно, — прохрипел толстый судья, — или отказаться от лечения...

— Ни в коем случае! — воскликнул губернатор. — Остаться негром на всю жизнь? Никогда! И потом ведь мы все равно уже потеряли свое лицо, хотя и невольно. Я не хочу подвергать свою судьбу капризам судебной казуистики!

— Ясно! Нам остается одно, — заключил прокурор. — Необходимо немедленно взять обратно наш законопроект. Тем более что не один миллионер уже переменял свое лицо. Об этом я раньше тоже как-то не подумал. И Престо будет восстановлен в своих имущественных правах. Что делать? Он перехитрил нас.

Так окончилось это совещание, и Цорн принялся за лечение.

Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся доснять в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток.

Все больные решили выписаться в один день. Цорн одобрил это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы «пострадавших от Престо» собрались в курзале. Несмотря на то, что Цорн был, конечно, виноват в их злоключениях, больные сердечно благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувственную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению в белого человека.

По пути домой он с удовольствием приказал вышвырнуть негра, который имел дерзость войти в вагон для белых.

Часть вторая

У ИЗУМРУДНОГО ОЗЕРА

Престо сидел на бочонке в тени старой сосны, курил трубку и читал Уолта Уитмена. «Это интересно», — подумал Тонио Престо. Вынул вечное перо и записную книжку, сел на траву и, превратив дно бочонка в письменный стол, начал записывать:

«Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишашие ничтожными гротесками, калекми, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой...»

— Ничтожные гротески, калески, шуты и уроды!.. Вот материал! Это может быть почище уродца Престо! — воскликнул Тонио. Он хотел продолжать записывать, но молодой сенбернар Пип, услышав голос хозяина, просительно

залайл. Он сидел против Тонио, от нетерпения перебирая передними лапами и приподнимал то одно, то другое ухо. Престо улыбнулся.

— Больше нет. Все! — сказал Тонио. По утрам он угощал Пипа остатками завтрака.

Пип отрывисто залайл, подскочил и запрыгал возле Престо. Он звал на прогулку. Это был удивительно смысленный пес. Пип любил по утрам, после завтрака, ходить с Престо к Изумрудному озеру. Тонио забрасывал удочки, а Пип впивался глазами в поплавок. Он повизгивал и начинал дрожать, когда рыба клевала. Первая добыча доставалась ему. Иногда Престо носил пойманную рыбу к ближайшему горячему гейзеру и, опустив сетку в кипящую воду, варил, приготовляя себе второй завтрак. Пип неодобрительно относился к этой затее: он не мог победить страх перед клокочущим, шипящим, дышащим паром гейзером и не подходил близко.

Престо посмотрел на Изумрудное озеро, на синевшие вдали горы, потом на книгу и записную книжку и, наконец, на белый домик сторожа. Окна и дверь были открыты. Элен еще убирала его комнату.

— Нет, Пип, сегодня я не пойду с тобой гулять. Вот лягу здесь под сосной и буду смотреть на небо, — сказал Престо.

Пип шумно вздохнул. Он знал привычки Престо: уж если тот лег под сосной, то кончено: никуда он не пойдет. Пропала утренняя прогулка.

А Тонио Престо, к неудовольствию четвероногого друга, часто часами лежал под сосной. После необычайных тревожений последнего времени он нуждался в отдыхе, хотя приехал сюда и не для того, чтобы отдыхать.

Особенно суматошными были последние дни перед прощальным ужином, столь памятным для всех его участников.

Еще во время судебного процесса к Престо обращались крупнейшие юристы Америки, предлагая свою помощь. Официально представлять на суде за Престо в обычном порядке они не могли: для этого нужна была нотариальная доверенность, Престо же находился на положении недееспособного. Суд не принял бы такой доверенности. Поэтому адвокаты предлагали только неофициальное, закулисное воздействие на чиновников и судей. Лучшим способом этого воздействия были деньги и личные

связи адвокатов. Денег же Престо был лишен — по крайней мере не мог распоряжаться ими, — на его имущество был наложен арест. Крупные адвокаты имели собственные деньги, могли прибегнуть и к займам. Их расходы на негласное воздействие нельзя было учесть. И они могли ставить дутые счета. Притом за риск они требовали от Престо чудовищные проценты. Тонио колебался.

За несколько дней до памятного ужина его посетил личный секретарь и помощник знаменитого нью-йоркского адвоката Пирса. Пирс некогда был членом верховного суда, но затем сменил свою почетную должность на более доходную, перейдя в адвокатуру. Он считался крупнейшим юристом-законоведом страны. Главное же, у него сохранились личные связи с виднейшими судебными деятелями. Ему не надо было зазывать клиентов — они сами шли к нему. Но Пирс принимал только дела о миллионных исках и наследствах, причем большинство из этих дел поручал своим многочисленным помощникам. Это было широко поставленное коммерческое предприятие, и Пирс быстро составил себе крупное состояние. И вот знаменитый адвокат прислал своего посла к Престо, якобы заинтересовавшись казусным делом. Это, впрочем, не помешало Пирсу поставить Престо такие условия, которые Тонио в душе назвал грабительскими. Состояние Престо должно было растаять чуть ли не наполовину. Несколько дней Престо вел переговоры с представителем Пирса, который шел только на незначительные уступки. Совершенно изнуренный изворотливостью адвоката, Престо принужден был принять все условия и подписаться под всевозможнейшими обязательствами, вплоть до вексельных. Что делать? Волчий закон: на раненого набрасывается вся стая. Пирс еще благороднее других: кое-что оставляет и Престо. К тому же дело находится в верных руках. Того, что сделает Пирс, не сделает ни один адвокат в Штатах: говорят, не было еще случая, чтобы Пирс проиграл процесс, за который он взялся. Теперь Престо мог заниматься другим, не менее важным делом, которое требовало полного уединения.

Доктор Цорн перед началом лечения говорил Престо:

— Вы еще не видели своего настоящего лица, такого, каким оно должно было быть, если бы болезнь с детства не изуродовала вас.

Престо увидел свое настоящее физическое лицо, но к нему теперь не подходила манера игры уродца Престо, как не подходило старое платье карлика новому телу. Новое лицо, новое тело требовали и нового внутреннего содержания, новых целей в жизни, в искусстве, новых приемов творчества. В этом Престо убедился после разговора с Питчем, Геддой Люкс и другими. Вопрос оказался сложнее, чем он ожидал.

К новому физическому лицу ему надо было найти и новое лицо артиста, новый репертуар, новые роли. Над этим надо было серьезно поразмыслить, размышления требуют сосредоточенности, а для сосредоточенности необходимо полное уединение.

«Так уединился и Будда, желая найти свое лицо, сначала в роще из манговых деревьев на берегу реки Анома, а потом в дремучих лесах Урувелы. Где бы найти такие леса?» — думал Престо.

Он долго выбирал, куда ему поехать. Вспоминал уединенные места своей обширной родины, горы, леса, пустыни. Их было немало. Но забираться слишком далеко в глушь не годиться: он должен следить за ходом дела. Быть может, адвокату потребуются какие-либо справки. Пирсу, конечно, Престо сообщит свой адрес, но только ему одному, и притом в строжайшем секрете.

И вдруг он вспомнил об Йеллоустонском национальном парке. Парк, территория которого превышает территорию Бельгии! Есть где уединиться! Там найдутся такие глухие уголки, куда не заглядывают туристы. Он остановиться не в отеле, а снимет комнату у какого-нибудь сторожа или лесника. Отлично! Кстати, он посмотрит этот прославленный парк, это мировое чудо. Престо за вечной работой и спешкой не удосужился побывать в знаменитом парке. Теперь он посмотрит, немного развлечется в поездке — это очень необходимо, — а затем будет размышлять о своей судьбе.

И Тонио деятельно занялся приготовлением к путешествию.

Он накупил книг, путеводителей по Йеллоустонскому парку, много книг по кинематографии, литературе и даже философии. Ему во многом надо разобраться. Он тщательно составил маршрут, меняя средства передвижения, чтобы

лучше замести следы. И в тот час, когда гости на званом ужине еще допивали последние бокалы, окликаая куда-то отлучившегося хозяина, Престо был уже далеко.

СТОРОЖ-УЧЕНЫЙ

Как ни был подготовлен Престо путеводителями и книгами, он был поражен, увидав Йеллоустонский парк. Природа как будто собрала здесь все причудливые формы, все контрасты, все цвета, все, что может удивлять и очаровывать. Горы, ущелья, водопады, озера, леса сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Вода горячих ключей выбрасывала наружу частицы извести, которые, охлаждаясь, каменели и образовывали целую систему террас, словно выточенных из мрамора. Эти террасы, то узкие, то широкие, были обведены подвесками и затейливыми кружевами из сталактитов. Совершенно белые террасы сменялись светло-желтыми, розовыми, синими, зелеными, коричневыми... Престо особенно заинтересовала высокая терраса, которая носила название Кухни Дьявола. Это было темное пространство, в котором слышался глухой гул. Как черные хлопья, кружились летучие мыши, почти задевая Престо и шофера своими крыльями... И вдруг новая декорация — «золотые ворота» из лавы, окрашенной в золотисто-желтый цвет, «Лебединое озеро», дикая гористая местность со снежными вершинами. Не остановиться ли здесь? Нет, слишком суровая картина. Дальше! Бассейн гейзера Герриса и горячих ключей «Черный ворчун», «Человек минуты», выбрасывающий струю вверх каждую минуту, «Постоянный» — извергающийся через двадцать минут. Ниже — разноцветные грязевые ключи: розовые, желтые, белые... Эти ключи с шумом выбрасывали горячую воду, и она падала на землю затейливыми каскадами. Подальше от этого шума!..

Бирюзовый источник с водой необычайной голубизны и прозрачности отражается в зеркальной поверхности Призматического озера. Вокруг множество гейзеров и горячих ключей, маленькие горные озера, изумрудные ручьи с водопадами... Вот причудливый по форме гейзер «Улей», вот «Голубка», «Лев». А дальше, среди скал, отливающих топазами и рубинами, лежит Изумрудное озеро. Оно очаровало Престо. Правда, здесь, как везде, виднелись отели для

туристов, домики с бензиновыми колонками для обслуживания автолюбителей, затейливыми киосками с прохладительными напитками то в виде огромной шляпы-котелка — своеобразная реклама фирмы шляп, — то в виде буддийской статуи, то в стиле китайской беседки. И всюду назойливые рекламы: на стенах домов, на заборах, на придорожных дерзвях, даже на скалах. Эти рекламы о зубной пасте, подтяжках, бритвах, патентованных лекарствах уродовали, обезображивали красивейшие виды в мире. Но дальше от проезжей дороги виднелись еще не тронутые места.

Престо заметил вдалеке одинокий домик, скромную хижину на склоне горы. К ней вела узкая, заросшая травой дорожка, по которой едва мог проехать автомобиль. Вероятно, жилище сторожа. Вот то, что надо. Престо приказал шоферу проехать к домику. Шофер неохотно повиновался: «Машину сломаешь».

Но подъем на гору прошел благополучно. Только в одном месте гейзер, расположенный возле самой дорожки, обрызгал машину и седоков желтыми горячими каплями.

Был вечер. Солнце уже спускалось за вершину горы. Изумрудное озеро, принявшее оттенок заката, играло цветами перламутра. Престо даже невольно вздохнул: такая красота! Не будет ли она отвлекать от размышлений? Ничего, к красоте привыкают, как ко всему.

Престо повезло. Хозяин домика сидел на обрубке дерева и курил короткую трубку. На нем была клетчатая рубашка с открытым воротом, заправленная в кожаные брюки, на ногах — высокие сапоги. Так удобнее ходить по колючим зарослям. Он сидел без шляпы. Голова с проседью. Длинное, несколько усталое лицо, усы, борода. Он спокойно смотрел на подъезжающий автомобиль.

Престо приветствовал хозяина и вышел из машины. Он хотел бы снять одну-две комнаты. В отелях слишком шумно, ему же необходимо отдохнуть и немного поработать над своей книгой. Он журналист и немного писатель. Смит, Адам Смит...

Старик испытывающе смотрел на Престо. Многие туристы, которые хотели устроиться подешевле, обращались к парковым сторожам с просьбой поселиться у них. Каждый такой турист выдумывал различные причины, почему ему в гостинице «неудобно».

Администрация парка неодобрительно относилась к тому, что туристы останавливались у сторожей. От этого страдали интересы владельцев отелей. Поэтому служащие парка, как ни хотелось им заработать, только в редких случаях принимали жильцов-туристов под видом друзей.

Престо заметил, что сторож колеблется, и поспешил сказать:

— Я буду платить вам столько же, сколько возьмут с меня в отеле... даже больше.

— Но у меня вы не найдете тех удобств, — возразил сторож, видимо сдаваясь.

— Я неприхотлив. Стол, стул, кровать, простой обед, больше мне ничего не требуется, — сказал Престо. — Мне нужна только тишина, а здесь, кажется, тихо.

— Да, если не считать шума гейзеров. Но к нему скоро привыкаешь и не замечаешь. Что же, посмотрите.

Хозяин провел Престо в дом. Это была совсем не такая маленькая хижина, какою казалась издали. В доме было три комнаты — одна из них довольно большая, — кухня и даже ванная. В маленькой комнате, которую хозяин показал только мельком, Престо заметил кровать с пологом, туалетный столик с зеркалом и маленькие женские туфли. В комнате хозяина стояла узкая кровать, довольно большой письменный стол, шкаф с книгами. На стенах висели хорошо изготовленные чучела птиц и барометр. Над письменным столом в овальных рамках — небольшие портреты Дарвина и Геккеля, которые немало удивили Престо.

— Здесь у нас нечто вроде гостиной и парадной столовой, — указал хозяин на большую комнату, — но обычно мы обедаем в кухне.

— У вас большая семья? — с некоторой опаской спросил Престо.

— Я и племянница, — ответил хозяин. — Вот эту комнату я могу предложить вам.

Окна и дверь выходили в цветник, на холме росли сосны. Престо понравилась комната, и договор был заключен, чемоданы внесены, шофер отпущен.

— Как только Эллен вернется, она приведет в порядок вашу комнату. А пока идемте в кухню, я приготовлю чай. Наверно, с дороги пить хочется?

— Вы очень любезны, мистер...

— Простите, я еще не назвал своего имени. Джон Барри.

За часм Барри рассказывал Престо, сколько в парке буйволов, оленей, серн, медведей, какие живут птицы. Со многими обитателями парка Барри жил в дружбе — некоторые медведи брали даже хлеб из его рук. Потом он начал рассказывать о деревьях, о необычайных растениях и не только Йеллоустонского парка. Кое-что из его рассказов было уже известно Престо по справочникам и путеводителям: о гигантском росте и толщине секвой, о том, как на одном срезе пня секвойи стояло пианино, сидело четверо музыкантов и еще оставалось место для шестнадцати пар танцующих, как на другом срезе был поставлен домик, вмещавший типографию, где печатались «Известия дерева-гиганта». Как для Парижской выставки в 1900 году американцы изготовили из секвойи «величайшую в мире доску», и эта доска так и осталась в Америке: ни один пароход не брался перевезти ее в Европу целиком.

Подобные истории рассказывались всеми гидами, падким на «колоссальные масштабы» американским туристам. Но ведь Барри был простым сторожем, и его знания, его правильная литературная речь удивляли Престо.

— Вы знаете историю названия секвойи? — спросил, улыбаясь, Барри. — Среди индейских вождей был один, которого звали Секвойя. Вы ошибаетесь, если думаете о нем, что это был дикарь, потрясающий томагавком, охотник за скальпами. Он был очень культурный человек, изобретатель индейской письменности. В его честь индейцы и называли дерево секвойей. Американские секвойи были открыты учеными менее ста лет назад и названы «калифорнийскими соснами», или «мамонтовыми деревьями». Мамонтовыми, может быть, потому, что голые сухие суки старых секвой напоминают бивни мамонтов. Первый изучавший секвойю ботаник-англичанин захотел увековечить имя английского героя, полководца Веллингтона и в честь его назвал дерево «Веллингтония гиганта». Но американцы обиделись, запротестовали: их американское дерево называть именем англичанина, да еще генерала! И американские ботаники называли дерево по имени своего национального героя, Вашингтона: «Вашингтония гиганта». Однако позднее выяснилось, что и то и другое название неправильно, так как новое дерево представляло собой новый вид, но

не новый род. Поэтому вполне заслуженное название «гиганта» могло быть оставлено, родовое название могло быть иное, какое имело уже ранее известное дерево того же рода — «Секвойа семпервиренс» — секвойя вечноживущая. Так вождь индейцев победил национальных героев Англии и Америки. Эту историю гиды не очень охотно рассказывают туристам — американцам и англичанам, чтобы не оскорбить их национальное самолюбие.

— Мистер Барри! — не выдержал Престо. — Вы так много знаете. Почему же вы служите сторожем, а не заняли место по крайней мере гида?

— Именно потому, что много знаю, — с печальной улыбкой ответил Барри. — Да сторожем и спокойнее. Надо быть благодарным судьбе за это.

— Но ведь вы человек образованный! — горячился Престо.

— Это я перед вами, пришлым человеком, так разболтался. — И, помолчав, Барри спросил: — Вы не из Гарднеровского газетного треста?

— Нет, нет! Можете быть со мной совершенно откровенны! — поспешил успокоить Престо.

— Да, я имею высшее образование, — сказал Барри. — Биолог. Был учителем, но изгнан за вольнодумство...

Престо вспомнил портреты Дарвина и Геккеля и догадался, в чем заключалось вольнодумство умного, высокообразованного учителя.

Еще одна область жизни, которая не допускалась в киностудию Питча! Сценаристы если и слышали о таких жизненных драмах и конфликтах, то не интересовались ими хотя бы потому, что хозяева кинопредприятий боялись подобных тем как огня.

«А между тем чем не сюжет? Взять хотя бы «обезьяний процесс!» — подумал Престо.

— Администрация парка даже не подозревает, что я имею диплом Гарвард-колледжа, — продолжал Барри.

— Гарвард-колледж! Знаю. Как же. Старейший университет штата, — сказал Престо. — Но вам, я думаю, нелегко живется и вы не один?

— Что же делать? Эллен — сирота. Дочь моей покойной сестры. В городах ей работы не найти. Попробовала, но безуспешно. Она ведет у меня домашнее хозяйство. Если

случится, на стороне работает. Ей обещают место судовой-ки в отеле. Она у меня молодец! — сказал он с любовью и, посмотрев на стенные часы, добавил уже с некоторым беспокойством: — Что-то она запоздала, уже совсем стемнело.

В этот самый момент за окном послышались веселый собачий лай и детский, как показалось Престо, голосок:

— Тише, Пип! Сумасшедший!

— Вот и они! — радостно воскликнул Барри.

Через минуту в широко открытую дверь вбежала собака, запряженная в маленькую колясочку, и остановилась против хозяина, весело лая и помахивая хвостом. Вслед за собакой вошла молодая девушка. Ее каштановые, коротко стриженные волосы придавали ей мальчишеский вид. Привычным глазом артиста Престо окинул ее фигуру. Средний рост, безукоризненное сложение, крепкое, подвижное тело. На девушке была просторная белая блузка с низким вырезом ворота и короткими рукавами, клетчатая короткая юбка. Голые загорелые ноги, обутые в сандалии. Почти бронзовый загар кожи южанки. Ее лицо нельзя было назвать вполне красивым: чуть-чуть вздернутый нос, полные губы, как-то по-детски сложенные, быстрый и умный взгляд карих глаз, но в этом лице была та миловидность, которая привлекает больше красоты. В каждом ее движении чувствовались избыток сил и жизнь. Вошла она, запыхавшись от быстрой ходьбы, и воскликнула, обращаясь к собаке:

— Безобразник! Едва не вывернул тележку... Купила муку, сахару... — Тут она увидела Престо и, ничуть не смущаясь, сказала: — Здравствуйте, мистер. Добрый вечер! — как будто была давно с ним знакома.

Престо с улыбкой раскланялся с ней.

Это неожиданное появление запряженной в тележку собаки в сопровождении девушки напоминало Престо цирковую сцену его юных лет. Ему вдруг стало радостно и весело.

А девушка прикрикнула на Пипа:

— Стой смирно! Сейчас распрягу! — и начала вынимать из тележки кульки и пакеты.

— Да ты познакомься с гостем как следует! — сказал Барри, ласково глядя на девушку.

— Ай, и правда. Все торопиться. Простите! — воскликнула она, немного смутившись. — Я только освобожу Пипа от его сбруи. А то он опять наделает бед.

Девушка быстро сняла ошейник-хомут. Пип тряхнул головой, хлопал ушами и, виляя хвостом, улегся у двери.

— Это наш жилец. Мистер Адам Смит, — отрекомендовал Барри. — Моя племянница Эллен Кей.

— Я уже догадался, — сказал Престо, пожимая маленькую руку. При этом он почувствовал, что ладони Эллен были жесткие.

«Бедняжке немало приходится заниматься грубой работой», — с участливым сожалением подумал Престо.

И как бы в подтверждение этого Барри сказал девушке:

— Убирай продукты, Эллен, и поскорей вымой пол в гостиной, застели постель, поставь умывальник.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — воскликнул Престо. — Вы дайте только белье, я сам застелю постель, а остальное можно сделать завтра. Уже поздно, и мисс Кей, наверно, устала.

— Устала? — с удивлением и даже обидой повторила девушка. И начала с такой быстротой перекладывать продукты из тележки в шкаф, что у Престо в глазах зарябило.

«Ну и жизни же в этой девушке!» — подумал он невольно, наблюдая за ее движениями. Немножко быстрый темп для кино съемки, но сколько непринужденной грации в этих простых движениях! То, что киноартистам достается с большим трудом, после бесконечной режиссерской муштровки и сотен метров испорченной пленки, у нее выходит естественно, и она даже не подозревает об этом, думая о красоте своих движений не больше, чем игривый котенок.

Не прошло и трех минут, как продукты и тележка были убраны.

— Еще вот что! — сказала девушка, как бы продолжая какой-то спор. — Зовите меня просто Эллен. Я еще не доросла до мисс Кей!

Девушка взглянула на него почти сердито и ушла в гостиную. А через минуту она уже хозяйничала там, сдвигая мебель и напевая песню.

— У вас замечательная хозяйка, — сказал Престо.

— Да. Я уже говорил вам, что она у меня молодец, — ответил Барри, видимо гордясь своей племянницей. — И

какая способная! Из нее вышел бы толк... — Лицо Барри омрачилось.

Престо понял сторожа и, желая его утешить, сказал:

— Ну, время еще не упущено, ведь она почти девочка.

— Не так уже молода, как кажется. Ей скоро восемнадцать. А мне не удалось дать ей даже законченного среднего образования...

И они замолчали, погруженные каждый в свои думы.

ЭВРИКА

Так произошло вселение Престо в дом Джона Барри.

По утрам Тонио занимался чтением и размышлениями. Он читал книги по истории американского кино, думал о лицах и масках знаменитых артистов в поисках своего пути, своего нового оригинального лица. А вечерами он беседовал с ученым-сторожем и его племянницей.

Эллен вначале дичилась. Но Престо привез с собою много книжных новинок. Эллен проявила к ним живейший интерес. Через несколько дней она уже спорила с Престо о прочитанных романах, удивляя его меткостью и оригинальностью своих замечаний. Оказалось, что она хорошо знает европейских классиков и американскую литературу. Однажды она прочитала ему монолог Дездемоны, а потом изобразила сцену безумия Офелии. Престо был поражен. У Эллен, безусловно, был драматический талант. Что, если сделать из нее киноартистку, партнершу в высоких трагедиях?

А на другое утро Офелия превращалась в уборщицу, судомойку, кухарку.

Как только Престо вставал, Эллен являлась с ведрами, тряпками и швабрами, изгоняла Престо и Пипа в сад, и начинала уборку комнаты.

Лежа на холме под сосною, Престо украдкой наблюдал за нею. Это было, конечно, нехорошо. Но он оправдывал себя тем, что наблюдение за окружающими людьми — его профессиональный долг: все наблюдения могут пригодиться для работы.

Эллен собирала складки короткой полосатой юбки, зажимала меж колен и, наклонившись, начинала мыть пол. Обметая паутину и пыль с потолка, она вся вытягивалась

вверх, немного отклонялась назад. Ее позы ежеминутно менялись. Престо смотрел на Эллен и думал: «Если бы ее видел Гофман! Он был бы восхищен этим поворотом. Я никогда не подозревал, что в простых, естественных трудовых движениях может быть столько грации и красоты. Удивительно! К каким ухищрениям, искусственным позам, поворотам, ракурсам приходится прибегать нашим знаменитым артисткам, кинозвездам, чтобы выгодно показать свою фигуру, красоту линий талии, бедра, спины, изящную ножку, чтобы скрыть природные недостатки! Все это неизбежно связывает свободу их движений, делает из них красивых автоматов, манекенов. Сколько режиссерской работы требуется для того, чтобы придать их движениям естественность и простоту!»

Престо вспомнил, как один режиссер заставлял артистку проделывать простое движение ногой десятки раз, истратил несколько сот метров пленки, пока получил то, что хотел. А у Эллен «все идет, ни один жест не пропал бы даром».

«Нет, из нее не следует делать Офелий и Дездемон. Ее пришлось бы муштровать, прививать непривычные жесты, заставлять думать о своих движениях, и с Эллен случилось бы то же, что с сороконожкой в сказке Уайльда, которая свободно бегала, пока ее не попросили объяснить, как именно она передвигает ноги — какую ставит раньше, какую позже. Сороконожка задумалась и... не могла сделать шагу. Эллен должна остаться собой. Значит, нужны будут и иные сценарии...»

Размышления Престо были прерваны Эллен. Она выглянула из окна и крикнула громче, чем этого требовало расстояние:

— Мистер Смит! Сегодня вечером в кино, которое возле отеля Россетти, идет картина с участием Тонио Престо.

— Пойдете? — спросил Престо.

— Непременно! — ответила девушка. — В последнее время редко ставятся его картины. Говорят, он куда-то исчез или с ним что-то нехорошее произошло. Это было бы ужасно!

— Вы любите Тонио Престо?

— Кто же его не любит? — ответила Эллен.

Престо было приятно это слышать, но последующие фразы девушки несколько огорчили его.

— Каждый любит посмеяться, а он такой смешной. Я прямо-таки обожаю его.

— И вышли бы за него замуж, если бы он предложил вам руку?

Эллен удивилась этому вопросу.

— За него? Замуж? — с брезгливостью и даже долей негодования на то, что ей задали такой вопрос, воскликнула она. — Никогда!

— Почему? — спросил Тонио, догадываясь об ответе. Но оказалось, что Эллен думала не только о безобразии Тонио, но и о том, чего он не ожидал.

— Мне кажется, это должно быть понятно. Какая мать захотела бы иметь детей-уродов?

«Не само безобразие и уродство отталкивали ее и не о себе она думала, а о детях! Как все это не похоже на доводы и соображения Гедды Люкс! Вот здоровое понятие о браке», — подумал Престо и сказал как будто мимоходом.

— Но ведь, говорят, он страшно богат.

— Никакое богатство не искупит горя матери, у которой несчастные дети! — отвечала Эллен. — Заболталась я с вами, а еще не окончила уборки.

— Мисс Эллен, а мне можно с вами пойти в кино?

— Можно! — милостиво ответила Эллен уже из глубины комнаты.

В кино шла картина «Престо-ковбой» — одна из его ранних самостоятельных работ.

Сидя рядом с Эллен в темном зале и глядя на экран, Тонио вспоминал время, когда снимался этот фильм. Имя Престо уже гремело. Владельцы кинопредприятий старались переманить его, журналисты следили за каждым его шагом. Себастьян, как злой и неподкупный цербер, строго охранял входы в дом. На территорию же киностудии владелец не пускал никого из посторонних. И вот во время постановки массовой сцены со множеством статистов-ковбоев один догадливый журналист ухитрился верхом, в костюме ковбоя, въехать в запретную зону и замешаться в толпу статистов. А там, пользуясь перерывом в кино съемке, добрался до Престо и пытался интервьюировать его. Эта проделка рассмешила Престо, но все же он не ответил ни на

один вопрос журналиста, что не помешало предприимчивому газетчику напечатать пространное интервью, обошедшее все газеты. Чего только не было в этом интервью! И предполагаемая женитьба Тонио Престо на вдове-миллионерше У., и новый договор, который будто бы предложила мистеру Престо крупнейшая кинофирма: она сулила ему содержание, «в три раза превышающее цивильный лист английского короля», и творческие планы Престо, который пишет сценарий нового фильма «Сотворение мира» и будет играть роль Адама... Все это было так нелепо, дико и невероятно, что Престо даже не написал опровержения. Но американская публика, жадная до всяких сенсаций, несколько дней только и говорила об этом интервью. Интерес к Престо возрос еще больше... А теперь? Теперь он ничто, «табуля раза» — чистая соскобленная доска, на которой еще неизвестно что будет написано...

В зрительном зале раздавались дружные взрывы смеха. И Эллен смеялась едва ли не больше всех.

Хорошо ли сделал Престо, изменив свою внешность? Не было ли это роковой ошибкой?.. Сотрясаясь смехом, Эллен качнулась, и ее плечо коснулось плеча Тонио. И от этого прикосновения Престо как-то сразу почувствовал свое тело, молодое, здоровое. Между ним и Эллен, между ним и женщинами всего мира, между ним и любовью, которой ему так недоставало в жизни, уже не существовало стены уродства. Ради этого стоило пожертвовать многим, даже славой. Сама слава не может дать столько счастья и наслаждения, как любовь! А славу можно завоевать и вторично. Только бы найти свое лицо!

Даже здесь, в кино, он продолжал поиски нового пути. Комик он или трагик? Смех или слезы должен исторгать он своей игрой?.. Ему казалось, что он колеблется только между этими двумя путями, не решаясь, на какой ступить. В его подсознании шла своя, сложная и напряженная, работа.

Он вышел из низов народа. Провел горькое, голодное детство. Он узнал превратности судьбы, зависимость маленького человека от каприза властителей жизни. Все это создавало свои симпатии и антипатии, производило отбор жизненных явлений. Мимолетные факты, уличные сцены, которые ему приходилось наблюдать, прочитанные в кни-

гах случаи и мысли других людей, мелькнув в его сознании, опускались в темные глубины подсознания и там подвергались обработке и систематизации. И когда накаплился достаточный материал, когда все эти отрывочные факты, мысли, впечатления сливались в единое целое, они вдруг всплывали на поверхность сознания как готовое решение.

Это и случилось с Престо в кино в конце сеанса. Он еще не мог охватить новую мысль во всех подробностях, но главное было найдено. Да, он нашел свое новое лицо! Его охватила такая радость и такое волнение, что он воскликнул, подобно Архимеду, нашедшему закон удельного веса:

— Эврика! Нашел!

Зал кино дрожал от смеха, и восклицание Престо потонуло в шуме. Только сосед справа посмотрел на него, недоумевая, а Эллен спросила:

— Вы что-нибудь потеряли и нашли?

— Да! Все в порядке! — ответил Престо и вздохнул всей грудью. — Я нашел свой удельный вес! — произнес он тихо.

Мучительные колебания, размышления нового Будды кончились.

Он словно родился вновь.

Никакие трудности впереди не пугали его.

— Конец! — с сожалением сказала Эллен, когда экран погас.

— Начало! — весело отозвался Престо. И на вопросительный взгляд Эллен ответил: — Какой-то индийский мудрец сказал, что всякий конец есть в то же время и начало — начало чего-то нового.

Всю дорогу домой Тонио был необычайно оживлен и весел.

Это заметила Эллен.

— Я не знала, что вы такой забавный, — сказала она. — Вас словно подменили, или как будто вы нашли бумажник, туго набитый долларами.

— И подменили, и бумажник нашел! — воскликнул Престо. — Смотрите, Эллен, какие чудесные звезды, какая удивительная ночь!

— Вы еще и поэт?

— Конечно, поэт. Хотите, напишу вам стихотворение? Эллен! А у вас нет желания самой играть в кино? Быть артисткой?

— Играть в кино-о? Да я и ступить-то не умею! — отвечала девушка со смехом.

— Если бы вы только смогли остаться самой собой... Киноартистки получают много денег...

— Нет, не хочу быть киноартисткой, — ответила Эллен. — Они все какие-то изломанные. — И Эллен так комично пошевелила плечами, подражая салонным львицам большого света, что Тонио рассмеялся.

— Вы, кажется, единственная в мире женщина, которая не хочет быть киноартисткой. Кем же вы хотите быть? Думали ли вы о своем будущем?

— Что же о нем думать? Оно и без моих дум придет, — ответила девушка. — Настанут лучшие времена, дядюшка вновь получит место учителя, я найду работу...

— Потом?

— Потом... Потом выйду замуж и буду воспитывать детей.

«Все тот же оптимизм среднего американца! Бедняжка! Сколько разочарований ожидает тебя!» — подумал Престо и сказал:

— Да будут исполнены ваши желания!

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

Престо действительно словно подменили. Эллен с удивлением наблюдала за своим жильцом. Раньше Адам Смит по утрам лениво валялся на траве под сосной или же часами сидел с удочкой на берегу озера. Теперь жилец проявлял необычайную энергию. По утрам писал много писем в своей комнате или делал какие-то выписки из книг, часто ходил на почту, где получал корреспонденцию до востребования. Эта корреспонденция за последние дни очень выросла. Жилец возвращался с целыми пачками писем и газет. Однажды во время уборки в его комнате Эллен из любопытства взглянула на лист бумаги, исписанный заметками и цифрами, и прочла:

«Во всем мире 52 тысячи кинотеатров, имеющих 21 миллион мест.

Капиталы, вложенные в эти театры: 11 миллиардов золотых марок, 60% этой суммы приходится на Америку.

Инвестиции (вложения капитала) в киностудию Америки достигают 2 миллиарда долларов.

Стоимость фильмов — от 200 тысяч до 2 1/2 миллионов долларов и выше каждый.

В год изготавливается 700 художественных фильмов.

*Расходы и издержки производства,
в процентах:*

Оклады артистов	. 25
Плата за помещение и пр.	. 20
Декорации	. 19
Оклады режиссеров, ассистентов и операторов	. 10
Сценарий	. 10
Расходы по натуральной съемке	8
Пленка	5
Костюмы	3

	100

Расход одной кинофабрики в неделю (Голливуд) — несколько миллионов долларов в неделю. На жалование: 71 писатель, 31 директор, 49 «звезд», армия актеров, технические служащие.

Стоимость кинотеатра — миллион и больше долларов.

Банк — хозяин над всеми студиями, над Голливудом, над 27 тысячами кинотеатров. Цензура фильмов банком.

Посещаемость кино в Америке — до десяти миллионов человек в день. Цены от 25 центов до 2 долларов и дороже; первый экран — от 2 долларов.

Реклама — только газетная — 5 миллионов долларов.

P.S. Некоторые цифры устарели. Проверить новыми данными...

Читать дальше у Эллен не было времени, да и неинтересно. Мистер Смит, очевидно, пишет какую-то работу по кино.

В другой раз Эллен нашла на столе случайно забытый Тонио конверт. На конверте стоял адрес местной почтовой конторы, а адресовано оно было до востребования мистеру Антонио Престо.

Это поразило Эллен. Значит, знаменитый Тонио Престо еще существует и, очевидно, живет где-то поблизости. Но почему вскрытый конверт оказался на столе мистера Смита? Это была загадка. Может быть, Смит — близкий родственник или друг Тонио Престо? Что же, это возможно. Но почему мистер Смит никогда не говорил ей, что лично знает Престо? Эллен уже не раз приходила мысль о том, что между Тонио Престо, которого она великолепно знала по экрану, и их жильцом есть какое-то неуловимое сходство, несмотря на то, что Смит здоровый, нормальный молодой человек, а Престо урод. Эллен была чрезвычайно заинтересована своим открытием. Но ни с жильцом, ни даже со своим дядей она не решилась поговорить об этом. Нельзя же было признаться в своем нескромном любопытстве — чтении чужих бумаг. Орел тайны придал мистеру Смигу

в глазах Эллен новый интерес. До сих пор она считала Смита скромным журналистом, неудачником, который не имеет средств даже остановиться в отеле. И вот оказывается, что он имеет какие-то очень близкие и таинственные отношения с Тонио Престо. И, быть может, только по этим причинам Смит поселился в скромном доме сторожа. Она стала с усиленным вниманием наблюдать за жильцом, так что он в конце концов это заметил и однажды спросил ее:

— За последнее время, Эллен, вы не спускаете с меня глаз. Уж не влюблены ли вы?

Девушка смутилась, потом как будто даже рассердилась и ответила:

— И не думала. Это вам только кажется.

— Что кажется? Что вы влюблены в меня? Этого я и не утверждаю. Но что вы как-то особенно поглядываете на меня, это факт.

«Ну подожди же, я тебе отвечу!» — подумала Эллен и сказала:

— В этом, может быть, вы и правы. Дело в том, что вы чем-то напоминаете мне Тонио Престо.

Престо смутился в свою очередь. «Не прочитала ли она адреса на конверте? Кажется, я забыл однажды на столе. Нет, она этого не сделает. Эллен слишком мало интересуется мною, чтобы читать мои бумаги».

— Вот как! — воскликнул Престо, уже овладев собою. — А вы напоминаете мне как две капли воды одну знакомую... У вас большое воображение. Этак вы, пожалуй, вообразите, что я и есть Тонио Престо.

Эллен рассмеялась и воскликнула:

— Ну, мое воображение не столь велико. Таких чудес не бывает.

Престо вздохнул с облегчением, но после этого разговора стал как-то более задумчив и осторожен с Эллен.

Настроение его снова изменилось. Он, видимо, нервничал. Еще чаще ходил в почтовую контору. Часто Эллен слышала его нетерпеливые шаги по комнате. В сад он почти не выходил.

В эти дни он ожидал окончательного ответа по своему делу от адвоката Пирса. Пирс уже сообщил Престо, что после того, как губернатор, прокурор и прочие участники прощального ужина прибегали к помощи доктора Цорна,

чтобы изменить свою внешность, проект закона о лишении подобных лиц имущественных прав был взят обратно. Вся эта история была придумана хитроумным Пирсом. Его же агенты доставили Тонио и чудодейственные порошки Цорна, получив их каким-то неведомым путем, — вероятно, через подкупленных слуг Цорна.

«Я не сомневался в том, что законопроект будет взят обратно, — писал Пирс. — Таким образом, главное препятствие устранено, и остается лишь формальное установление идентичности вашей новой личности с прежним Престо. Доказать это будет нетрудно. Победой является уже то, что суд признал вашу доверенность на ведение судебных дел и этим самым как бы признал вашу дееспособность и правоспособность...»

Теперь Пирс употреблял свое влияние и связи на то, чтобы суд скорее назначил дело к слушанию и чтобы «все шло гладко».

И вот настал день, который остался памятным для Престо и Эллен.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Утром в кухню, где была Эллен, вошел почтальон и сказал:

— Примите телеграмму мистеру Антонио Престо.

Эллен с изумлением посмотрела на почтальона и ответила:

— У нас не живет Антонио Престо.

Почтальон пожал плечами, посмотрел на телеграмму и протянул ее Эллен.

— Адрес указан точно. Смотрите сами.

Эллен прочитала адрес.

— Да, — сказала она, — адрес наш, но Антонио Престо у нас не живет. Очевидно, телеграфная ошибка. — И протянула телеграмму почтальону.

Почтальон взял, еще раз пожал плечами и вышел.

Через окно его увидел Престо и окликнул:

— Алло! Кому телеграмма?

— Антонио Престо, — ответил почтальон.

— Давайте сюда. Я Антонио Престо.

[Почтальон подошел к окну с озадаченным видом.

— Да... — замылся он. — Но мне сказали, что в этом доме не проживает Антонио Престо. И потом... если это тот Антонио Престо, которого знает вся Америка, то вы, мистер, не очень похожи на него. — И почтальон в нерешительности вертел телеграмму в руке.

— Давайте, давайте! — с нетерпением воскликнул Престо, протягивая руку. — Вы доставили телеграмму по адресу, адресат принимает ее, чего же вам еще нужно?

— Но вот мисс сказала... — все еще колебался почтальон.

Престо выхватил у него телеграмму, моментально вскрыл и прочел:

«Решение суда вашу пользу поздравляю Пирс».

— Отлично! — весело сказал Престо. — Не беспокойтесь. Телеграмму вы вручили адресату. Сейчас распишусь... Вот вам за доставку на дом и за хорошие вести.

И Престо протянул почтальону вместе с распиской десять долларов.

Почтальон расцвел улыбкой, поблагодарил, пожелал всяческих благ и бодро зашагал в обратный путь.

— Победа! — не удержавшись, воскликнул Престо, потряс телеграммой над головой, сделал пируэт, повернулся и увидел Эллен, стоявшую в дверях его комнаты с расширенными от удивления глазами и побледневшим лицом.

— Зачем вы это сделали? — глухо спросила она.

— А вы все видели и слышали? Что я такое сделал, мисс Эллен?

— Зачем вы приняли телеграмму на имя Антонио Престо? Зачем вы обманули почтальона?

— Я не обманул его и принял телеграмму потому, что я и есть Антонио Престо.

— Этого не может быть!

— А между тем это факт! — весело воскликнул Престо.

— Тогда, значит, вы обманули нас, меня и дядю, называя себя мистером Смитом?

— Да, в этом я виноват. Особенности обстоятельства вынудили меня к подобному поступку. Не осуждайте меня, пока не выслушаете моих объяснений. Когда вернется из обхода мистер Барри, я расскажу вам все.

Эллен ушла в кухню с хмурым лицом, не сказав больше ни слова. Все это было слишком необычно, переворачивало

все представления о жильце. Многое из того, что она говорила мистеру Смигу, не решила бы сказать Престо. Она вспоминала все свои разговоры с ним, вспоминала, как иногда сурово обходилась с неудачным журналистом. Потом она начала успокаивать себя: «Нет, это же не тот знаменитый Антонио Престо, которого она знала по экрану. Вероятно, однофамилец, быть может, родственник...» Сомнения и любопытство одолевали ее так, что в этот день у нее работа валилась из рук.

Когда она с тряпками и швабрами в одной руке и ведром воды в другой явилась в комнату Престо, то вид ее был очень смущенный. Как теперь обходиться с этим новоявленным Престо? Она уже не сказала ему, как обычно: «Теперь уходите-ка, не мешайте!», а посмотрела на него почти с виноватым видом и пролепетала:

— Мистер... Престо! Пройдите, пожалуйста, в сад...

— Сейчас! — ответил Престо. — Одну минутку... — Он что-то быстро строчил на телеграфном бланке.

Эта случайная задержка рассердила Эллен. Ей показалось, что Престо нарочно задерживает ее, важничает. И она хороша! Словно заискивает! И, уже с обычной суровостью, она сказала:

— Мне же надо убирать!

— Вот и все! — сказал Престо. — Простите, что задержал вас. Пойду я не в сад под сосну, а, с вашего разрешения, на почту. Пип! — окликнул он собаку. — Идем гулять!

Сенбернар, давно заглядывающий в комнату, весело залаял и запрыгал.

Престо вышел.

— Мистер См... Мистер Престо! — окликнула его Эллен неожиданно для себя. Любопытство оказалось сильнее ее.

Престо повернулся.

— Простите... — промолвила она, и щеки ее заалели. — Скажите мне только, пока придет дядя, вы... тот или не тот Тонио Престо?

— И тот, и не тот, — отвечал он. — Извините, я очень спешу на почту. Наберитесь терпения.

И он ушел, сопровождаемый Пипом.

Опершись на палку швабры, Эллен несколько минут стояла в раздумье, а потом с ожесточением взялась за уборку.

Но события памятного дня на этом не кончились.

Адвокат Пирс обычно посылал всю корреспонденцию Престо на вымышленное имя Смита в почтовое отделение, как они условились. Последнюю же телеграмму Пирс послал на имя Антонио Престо, в дом лесника, полагая, что Престо больше нет нужды сохранять свое инкогнито. Эта телеграмма с полным адресом и настоящей фамилией сама должна символизировать, что Престо-новый уже является полным и признанным правопреемником Престо-урода. «Такая телеграмма не могла не доставить удовольствия клиенту», — думал Пирс. И он не ошибся. Но адвокат не подумал о всех последствиях своего поступка.

Журналисты крупнейших газетных трестов уже давно старались обнаружить местопребывание столь неожиданно исчезнувшего нового Престо. Для журналистов это был своего рода спорт. Каждому хотелось первым найти его. На почте, на телеграфе у журналистов имелись свои платные агенты из служащих, которые были обязаны немедленно сообщать им обо всем, что их интересовало.

И вот, не успев Престо вернуться из почтовой конторы, как к дому Барри подкатил автомобиль с одним из вездесущих журналистов. Он жил в ближайшем отеле и получил на час раньше Престо телеграмму своего агента, служившего в нью-йоркском главном телеграфе, о посылке телеграммы на имя Антонио Престо по адресу Йолстоунского национального парка. И журналист немедленно выехал.

Он имел вид солидного коммерсанта. Его можно было принять за туриста. На ремнях, перекрещивающихся на груди, висели два фотоаппарата — маленькая «кинема» и «зеркалка». Еще не выходя из автомобиля, он успел снять домик лесника и Эллен, выглядывающую из окна, со шваброй в руке. За несколько минут своего пребывания он нащелкал несколько десятков снимков, с любезной бесцеремонностью вторгаясь всюду. Он обрушился на горевшую от смущения Эллен лавиною вопросов. Девушка так растерялась, что отвечала одними междометиями, и, тем не менее, журналист заполнял страницу за страницей стенографическими иероглифами. Но когда неожиданный гость подошел к письменному столу Престо с явным намерением просмотреть лежащие там бумаги, Эллен вышла из себя. Весь гнев, который накопился в ней против назойливого

посетителя, вдруг прорвался. Она, как часовой, заслонила собою стол, угрожающе взяла швабру наперевес и сказала прерывающимся от волнения голосом:

— Мистер! Хозяина нет дома... Извольте сейчас же оставить комнату!

— Хе-хе! Вот вы какая гордячка! — И, принимая Эллен за дочь или служанку бедного лесника, он вынул толстый бумажник и зашелестел долларами. — Может быть, вы побреете, если...

— Вон! — крикнула Эллен, махнув шваброй перед самым лицом журналиста.

Он опешил, проворчал: «Ну, ну» — и под натиском Эллен, пятась, вышел из комнаты.

«Что-то теперь будет?..» — подумала Эллен, чувствуя, что зашла далеко. Если журналист пожалуется Престо, как он посмотрит на ее поступок?

И вдруг она услышала лай Пипа и вздохнула так, словно сбросила со спины тяжелый мешок.

«Пусть теперь мистер Престо сам расправляется с ним, как хочет!»

А мистер Престо расправился очень быстро.

— Никаких интервью, и поворачивайте обратно! — сказал он решительно. Престо привык обращаться с этой братией.

Журналист сразу понял, что здесь с интервью дело безнадежно. Он мог только сердито щелкнуть три раза аппаратом, чтобы заснять найденного Престо, но тот с быстротой ящерицы повернулся спиной, прежде чем щелкнул затвор.

Машина уехала. Престо застал Эллен в застывшей позе со шваброй в руках.

— Этот нахал, кажется, причинил вам беспокойство? — участливо спросил Престо.

— Да, но и я ему, кажется, тоже... — ответила Эллен и, под влиянием возбуждения, рассказала Престо обо всем.

Тонио рассмеялся и низко поклонился.

— Вы прекрасно защищали мои интересы, мисс. Однако досадно! Теперь журналисты налетят, как саранча. Я отчитаю этого Пирса за его неосторожность... Хотя из дому беги... Я, впрочем, скоро уеду, но до отъезда мне еще о многом надо поговорить с вами и вашим дядюшкой. Так вот

что: как только сюда кто-нибудь явится, говорите, что я уехал в Канаду. Не церемоньтесь, если понадобится, еще раз пустите в ход и вашу победоносную швабру.

В этот день, действительно, было еще несколько налетов журналистов, но Эллен энергично выпроводила их, умышленно напустив на себя роль грубой, неотесанной, бестолковой женщины. И Престо, скрывавшийся в саду, с интересом наблюдал эти сцены и шептал: «Эх, Гофмана бы сюда с аппаратом!.. Ну, ничего! Мы еще заснимем ее в этой роли!»

Вечером, когда вернулся Барри, Престо за ужином рассказал леснику-ученому и его племяннице свою необычную историю, из которой Эллен не пропустила ни слова.

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Барри, когда Престо окончил свой рассказ.

— У меня уже готовый план, который я создал под вашей кровлей. О нем еще никто не знает, и пусть это пока и останется между нами... Из моего рассказа вы видите, что даже крупные артисты всецело зависят от предпринимателей, — продолжал Престо. — Мистер Питч отверг меня. Ну, что же! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Постараюсь обойтись и без мистеров Питчсй.

— Вы хотите вступить в Ассоциацию киноартистов, организовавших, как я слышал, собственное предприятие? — спросил Барри.

— Ассоциация киноартистов — только первая попытка киноработников коллективной защиты своих интересов, — ответил Престо. — Но, по существу, это объединение кинозвезд. Ассоциация сильно пропитана коммерческим духом, и средним актерам, не говоря уж о статистах, там живется нелегко. Притом и творчески в этой Ассоциации я не был бы вполне свободен, а мне нужна полная свобода — свобода составлять сценарии, режиссировать, играть. То, что я затеваю в этой области, — заранее можно сказать, — совсем не понравится законам Ассоциации.

— Отсюда можно сделать вывод, что вы хотите организовать собственное предприятие? — спросил Барри.

— Именно.

Барри ничего не ответил, только повел бровью и, затянувшись трубкой, пустил струю дыма.

— Вы сомневаетесь в успехе? — спросил Престо и, не

ожидая ответа, продолжал: — А я верю в успех. Иск мистера Питча, лечение и, главное, судебный процесс очень истощили мой капитал. Но все же у меня осталась достаточная сумма, чтобы начать дело. По крайней мере, ее хватит на то, чтобы выпустить на экран первую картину. А что дальше? На займы я, конечно, не могу рассчитывать. Банки почувствуют опасность в моем предприятии и не только не дадут мне денег, но и всячески будут вредить мне. Это я предвижу. Но я рассчитываю на другое. Мое предприятие не будет строго коммерческим, хотя, конечно, оно не должно быть и убыточным, иначе я не выдержу борьбы. Оно должно носить кооперативный характер в гораздо большей степени, чем Ассоциация киноартистов. Это будет не только объединение артистов, но и всех, без исключения, работников, вплоть до плотников и уборщиков. В одном Голливуде всегда имеется больше сотни безработных режиссеров, тысячи киноартистов. Они охотно согласятся в первое время получать даже меньше обычного, пока предприятие не начнет давать доход, участниками которого они станут. Но такого ограничения, я думаю, и не понадобится. Наоборот, я постараюсь поставить средних и низших работников сравнительно в лучшие условия. Спайка на почве солидарности интересов поможет нам выдержать борьбу даже с левинафами-киноконцернами. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Вам виднее, — сказал Барри.

— Я делаю ставку на людей, — с воодушевлением продолжал Престо. — Мне нужны верные помощники, которые понимали бы меня и на которых я мог бы положиться. И вот... я подумал о вас, мистер Барри...

— Обо мне? — с удивлением отозвался тот.

— Да, о вас и мисс Эллен. Эта дыра, хотя бы и самая живописная в мире, совсем не место для вас, образованного и умного человека. Не место и для мисс Эллен. И я предлагаю вам бросить сторожку и перейти ко мне на работу. Я гарантирую вам, что первый же оклад будет вдвое превышать содержание учителя, которое вы получали.

— Но я полный профан в кинематографии! — возразил Барри.

— Только поэтому вас и удивляет мое предложение. Кинопромышленность — ведь огромная и сложнейшая индустрия с самыми разнообразными специальностями. Для

вас на первое время найдется работа, с которой справится каждый грамотный человек. Ну, скажем в договорном, счетном отделе. Когда же вы лучше познакомитесь с кино-производством, сможете занять и более ответственный пост, вплоть до управляющего, который получает весьма солидный оклад. Найдется работа и для мисс Эллен.

— Только не сниматься! — поспешно сказала девушка.

— Выбор работы всецело будет зависеть от вас, — постарался успокоить ее Тонио.

— Все это так неожиданно, — сказал Барри, видимо, колеблясь дать согласие.

Престо понял его сомнения: перед ним был человек, уже запуганный жизненными неудачами. Он боялся потерять то немного, что имел.

— Я откровенно сообщил вам, — начал убеждать его Престо, — что для меня лично это начинание сопряжено с риском. И рискую я большим, чем вы. Ваш же риск я не считаю большим. Ведь за год-два вы заработаете у меня столько, сколько не заработаете и за десять лет в этом парке. Вы приобретете новые специальности, значит у вас расширятся и возможности устроиться помимо меня...

Барри все еще колебался. Тогда Тонио решил затронуть его слабую сторону. Тонио уже хорошо знал, как старый Джон любит свою племянницу и как огорчается, что эта неглупая, способная девушка пропадает здесь, в глуши, без образования и будущего.

— Подумайте о мисс Эллен! — воскликнул Престо. — Не век же ей возиться с тряпками и горшками!

— Обо мне не беспокойтесь! — вспыхнула Эллен. — Я не жалуясь и вполне довольна судьбой.

— Но вы можете быть ею довольны еще больше, — возразил Престо. — Вы попадете в другое общество, будете встречаться с интересными, образованными людьми...

— Мне и здесь хорошо, — хмуро ответила девушка.

«Вот упрямая девчонка! Как бы она все не испортила!» — досадой подумал Престо. Если бы она и ее дядюшка знали о причине горячего красноречия Престо! Если бы Эллен догадалась, что все дело было в ней, что на нее Тонио возлагал столько надежд в своей работе!

Слова Престо об Эллен и ее последний ответ, в котором

прозвучала невольная грусть, видимо, произвели впечатление на старого Барри. Уже сдаваясь, он сказал:

— Вы сами должны понять, мистер Престо, что мне трудно сдвинуться с места, если бы и хотел. Что же от вас скрывать? У меня нет никаких сбережений, даже на проезд и наем квартиры...

— Все это пустяки! — уже весело воскликнул Престо, предвидя победу. — Вы получите аванс хоть сегодня же. Хватит и на проезд, и на квартиру, и на обзаведение... Да вам и не нужно будет нанимать квартиру. Ведь я получил от прежнего Престо неплохую, просторную виллу, я живу в ней один. Весь верхний этаж пустует. Вы прекрасно можете устроиться в нем с вашей племянницей. Для меня это будет только приятно. Я так привык к вам и сдружился с вами.

— Благодарю вас за вашу любезность, но это неудобно. Совершенно неудобно, — ответил Барри.

— Почему? — спросил Престо, но тотчас догадался. — Да, конечно. Общественное мнение... Я холостяк, в моем доме нет женщин. Но ведь это глупости, мистер Барри! Во-первых, мисс Эллен будет жить не одна, а с вами, и даже не в одном этаже со мною. Мог же я сдать верхнюю часть дома! А во-вторых... Мы можем найти для мисс Эллен компаньонку, этакую почтенную старушку. И тогда даже все наши ханжи, лицемеры и фарисеи не найдут к чему придираться. Итак, по рукам?

— По рукам! — ответил Барри.

У Эллен сквозь густой загар проступил румянец. Глаза ее засверкали. Она уже не могла сдерживать свою радость и с детским нетерпением спросила, обращаясь к Престо и к дядюшке:

— Когда едем?

ОПЯТЬ ДОМА

Престо приехал в свою виллу раньше Барри и Эллен: сторож-педагог задержался на несколько дней, чтобы ликвидировать свои дела с управлением парка и распродать ненужные вещи.

Возвращение Престо произошло при довольно торжест-

венной обстановке. При «вводе во владение» присутствовали чиновник и адвокат, помощник Пирса.

Указывая на Престо, чиновник сказал Себастьяну, открывавшему им дверь:

— Этот молодой человек — ваш хозяин, Антонио Престо, изменивший свой вид. Он является собственником виллы, и вы должны подобающим образом относиться к нему и исполнять его приказания.

Себастьян хмуро поклонился и пропустил посетителей.

Чиновник и адвокат прошли по всем комнатам, удивляясь художественными сокровищами, которые собрал Престо со строгим, изысканным вкусом знатока. После оживленного завтрака чиновник и адвокат ушли.

— Вот я и опять дома! — воскликнул Престо, с удовольствием потягиваясь в кресле. У ног стояла знакомая скамеечка, но теперь она не была нужна.

В дверь постучались.

— Войдите!

На пороге показался Себастьян. Он был очень смущен. Его седые брови хмурились, а губы запавшего рта шевелились. Престо решил прийти ему на помощь и весело спросил:

— Ну, как вы тут без меня жили, Себастьян?

Старый слуга только вздохнул, но продолжал молчать. Престо рассмеялся.

— Я вижу, вы никак не можете привыкнуть к моему новому виду.

— Мистер Престо! — наконец заговорил Себастьян и замолк, словно ему не хватило дыхания.

— Ну?

— Позвольте мне уйти от вас.

— Как уйти? Почему? Вы хотите меня оставить? — удивился Престо. — Вы, мой старый верный слуга, который столько лет ухаживал за мной, как за ребенком?

Себастьян пожал плечами и ответил с печальной улыбкой:

— Да вы и были ребенок. Все равно, что ребенок... А теперь вы выросли, и вам не нужна больше нянька.

В сердце сурового на вид старика было много нежности. Он смотрел на Престо, как на ребенка, привязался к нему и действительно ухаживал за ним, как заботливая нянька.

Престо знал об этом и в свою очередь был очень привязан к старику.

— Но, дорогой! — воскликнул Престо, вставая с кресла и подходя к Себастьяну. — Разве я нуждался только в том, чтобы мне подставляли под ноги скамеечки и доставали вещи, которые я не мог сам достать из-за своего малого роста? Ведь вы вели все мое хозяйство, были в доме моей правой рукой...

Себастьян снова вздохнул и еще больше нахмурился.

— Но я не могу оставаться в этом доме после того, что произошло... — ответил он.

— Что же такое произошло? — спросил Престо. — Уж не то ли, что вы не хотели меня пустить в дом?

— И устроил засаду, и предал в руки полиции, и оскорблял, — продолжал Себастьян. — Такие вещи не забываются, и я не хочу, чтобы вы рано или поздно за это уволили меня. Уж лучше я уйду сам.

— Вот чудак! — горячо заговорил Престо. — Послушайте, Себастьян! Даю вам честное слово, что я нисколько не обвиняю вас и не сержусь. Конечно, мне было неприятно. Но вы поступили так, как должен был поступить всякий честный слуга. Я сам на вашем месте поступил бы так же. Забудем эту историю и станем друзьями по-прежнему.

Морщинистое лицо Себастьяна немного просветлело, но седые брови все еще хмурились.

— Вам только кажется, что вы можете забыть, — сказал он.

— Совсем нет! — возразил Престо и ласково положил руки на плечи Себастьяна. Теперь их лица были на одном уровне. А когда-то Престо смотрел на слугу снизу вверх. На всех людей ему приходилось смотреть, закинув назад голову.

«А, пожалуй, в этом лице есть что-то, действительно напоминающее моего маленького Престо...» — подумал старик, впервые внимательно рассматривая новое лицо Престо.

— Так вы... действительно Престо? — спросил Себастьян.

— Ну разумеется. — улыбаясь, ответил Тонио. — Неужто вы до сих пор сомневаетесь в этом?

— Простите, но я человек простой, и у меня заходит ум

за разум, когда я думаю обо всем об этом. А вдруг, думаю я, моего мальчика убил какой-нибудь бандит, похожий на него, и объявил себя Престо. И я буду служить ему...

— Вот в чем дело! Ну, теперь, кажется, вы договорили все до конца! Идите скорее за мною!

Престо подошел к письменному столу, показал Себастьяну целую серию фотографических карточек, на которых последовательно изображались все фазы превращения старого Престо в нового, объяснил, почему и как это произошло. Себастьян был ошеломлен, качал головой, перебирал карточки, сверяя с живым лицом Престо.

— Чудеса! — наконец воскликнул он.

— Да, чудеса науки, — сказал Престо. — Ну, теперь вы верите, что я не бандит, убивший вашего мальчика? А если еще не верите, я могу рассказать вам все, все, что произошло с тех пор, как вы вошли в мой дом, все наши разговоры, все мелочи жизни. Ни один бандит, как бы он ни был ловок, не может знать этого! — И Престо, действительно, напомнил некоторые эпизоды, о которых никто не знал, кроме него и Себастьяна. И только тогда старик улыбнулся открытой улыбкой и воскликнул:

— Значит, и в самом деле мой мальчик вырос!

— Ну вот! Давно бы так, старина! — в свою очередь воскликнул Престо. — Значит, живем по-прежнему?

Себастьян закивал головой.

«Я одержал самую трудную победу!» — подумал Престо и продолжал:

— А то выдумали уходить, когда вы мне сейчас так нужны. Больше, чем прежде. Ведь я начинаю новую жизнь, Себастьян... Кстати, как вы думаете, какая мебель потребуется, чтобы обставить комнату молодой девушки? Туалетные столики, трюмо, трельяжи?..

Себастьян усмехнулся одними глазами: «Вот оно куда повернула новая жизнь! Ну что ж, на то и вырос!..»

От наблюдательного Престо не ускользнул веселый огонек, сверкнувший в глазах старого слуги.

— Вы не думайте, что я собираюсь привести жену в дом, — поспешил сказать Престо. — Нет, я просто решил сдать внаем несколько комнат верхнего этажа. Зачем мне столько? Там поселится один джентльмен со своей племянницей. Я сдаю квартиру с обстановкой...

— Неужели до этого дело дошло? — с заботой спросил Себастьян.

— До чего, старина?

— До того, что эти суды и адвокаты так общипали вас, что приходится уж сдавать внаем комнаты. Ведь я тоже газеты читаю...

— Нет, Себастьян, наши дела не так плохи. Но квартирант, видите ли, будет работать у меня секретарем. Личным секретарем... Я открываю собственное предприятие... Нужно, чтобы он всегда был под рукой. А у него племянница...

— Понимаю! — многозначительно сказал Себастьян. И мысленно добавил: «А все-таки, если тут замешалась племянница, дело нечисто». И, с откровенностью старой няни, он спросил: — А кто она, племянница? Девушка? Молодая?

— Да.

— Так удобно ли ей, хоть и с дядей, в квартире холостяка...

«И он о том же! Второй и, наверное, не последний!» — подумал Престо, проклиная в душе лицемерные нравы общества. Поселение Эллен в его доме может дать пищу клевете. Но он не отступит, а Эллен не из тех девушек, которые придают всему этому значение!

— Вы правы, Себастьян. Но я подумал обо всем. Нам надо будет найти даму-компаньонку. Пожилую женщину из приличного общества. И тогда все будет в порядке.

Себастьян кивнул головой, и они начали составлять список мебели и необходимых вещей для новых жильцов.

НОВЫЙ САНЧО-ПАНСА

— Повернитесь! Еще! Пройдитесь! Присядьте! Поднимитесь! Жест удивления... ужаса... внезапной радости...

Престо стоял посредине большой комнаты, выходящей на север. Стена и часть крыши были застеклены. Другие стены задрапированы черным бархатом. На паркетном полу выложен черный квадрат — поле фокуса киноаппарата. Это было домашнее ателье Тонио. В нескольких метрах от него, наклонившись к видеоискателю киноаппарата, стоял Гофман. Сколько удачных поз, жестов Престо запечатлел Гофман в этом ателье, изо дня в день наблюдая уникально-го уroda-карлика! Теперь Гофман изучал нового Престо.

— На сегодня довольно. Нам еще много о чем надо поговорить, Гофман! — сказал Престо и, выйдя из «магического» квадрата, прошел к стеклянной стене, где стоял стол с двумя креслами. На столе лежали папки с бумагами, сигаретный ящик, папиросы, электрическая зажигалка, пепельница.

Тонио закурил папиросу.

— Ну как? — спросил он у Гофмана с некоторым волнением.

Гофман не спеша обрезал сигару автоматическим ножичком, закурил, выпустил струю дыма и, наконец, ответил, глядя куда-то в сторону:

— Я еще не вижу вашего нового лица, Престо. Вы много приобрели, но много и потеряли. Ваши движения стали более медленными, плавными. Это хорошее приобретение. Помните, сколько хлопот причиняли вы мне своими быстрыми, суетливыми движениями? Для вас было сделано исключение, во-первых, потому, что иначе вы не могли, и, во-вторых, потому, что в этом и заключалась одна из характерных особенностей вашего артистического лица. И все же мне нередко приходилось прибегать к замедленной съемке, в то же время заставляя ваших партнеров несколько ускорять движения, чтобы найти какую-то равнодействующую. Это была адски сложная работа. Теперь этой трудности нет. Но что есть нового? Пока я как-то не чувствую его... И, откровенно говоря, если бы вы пришли в киноателье на испытание как никому не известный молодой человек, который хочет попробовать себя в кино, я не уверен, что вами заинтересовались бы директор, кинооператор, режиссер...

Престо бросил папиросу, как будто она была очень горька, и закурил сигару.

— Вы простите меня, что я так откровенно... — немного смутился Гофман.

— Откровенность лучше всего, — ответил Престо. — Ваши слова, не скрою, немного огорчают меня, но не удивляют. Я этого ожидал. Иначе и быть не могло. Но я верю в себя. Мое новое лицо! Чтобы его увидеть, мало повертеться перед вами... Вы знаете мой творческий метод. Мне нужно войти в роль, перевоплотиться в героя, зажечь его жизнью, всеми его чувствами, тогда сами собою придут нужные

жесты, мимика, позы и раскроют мое лицо. Вот, подождите. Я уже работаю над сценарием. И когда я явлюсь вам в роли нового героя, вы увидите мое новое лицо.

— Что же это за сценарий? — заинтересовался Гофман.

Престо нахмурился, а Гофман засмеялся.

— Вижу, что у вас многое осталось от старого Престо! — воскликнул он. — Новый сценарий всегда был тайной для окружающих, пока вы не поставите последней точки. У, какой вы бывали сердитый во время этой работы! Словно одержимый. С вами и разговаривать в это время трудно было. Вы теряли сон и аппетит, словно тяжелобольной. Но вот наступал день, и вы являлись с веселой улыбкой, становились добрым и общительным. И все в киностудии, начиная от звезд и кончая плотниками, знали: новый сценарий родился!

Престо улыбнулся и ответил:

— Да, это правда. И в этом я, кажется, не изменился.

— Но если вы не хотите рассказать содержание нового сценария, то, может быть, познакомите меня хоть с общими вашими планами? Ведь новое лицо, насколько я понимаю, должно создать и новое направление в вашем творчестве.

— Иначе и быть не может, — сказал Престо и протянул руку к папке. — Об этом я и хотел побеседовать с вами.

Тонио порылся в папке и вынул исписанный листок.

— Вот, как вам нравится этот отрывок из Уолта Уитмена: «...Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишашие ничтожными гротесками, калесками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой. В лавках, на улицах, в пивных, в присутственных местах — всюду легкомыслие, пошлость, лукавство и ложь; всюду фатоватая, хилая, чванная, преждевременно созревшая юность, всюду чрезмерная похоть, нездоровые дела, мужские, женские, подкрашенные, подмалеванные, в шиньонах, грязного цвета лица, испорченная кровь; способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о красоте, низменные нравы или, вернее, полное отсутствие нравов, какого, пожалуй, не найти во всем мире...» Так Уитмен писал о современной ему американской демократии. Согласитесь, что в настоящее время картина не лучше, а хуже, — заключил Престо.

Гофман слушал внимательно, сначала с удивлением, потом со все возрастающим беспокойством и, наконец, с возмущением.

— Что вы на это скажете? — спросил Престо.

— Вы хотите вступить на этот гибельный путь? — уже с ужасом спросил Гофман.

— Почему же гибельный?

— На путь обличения социальной несправедливости? Путь политики? Хотите бросить вызов национальному самодлюбию? Вас растопчут ногами! Против вас вооружатся все, имеющие власть и деньги. Но и зрители отвернутся от вас: зрителю не очень-то нравится быть в положении оперируемого больного под ножом злого хирурга.

— Не горячитесь, Гофман! Выслушайте меня.

Но Гофман продолжал, как проповедник, обличающий великого грешника:

— Вспомните судьбу картин режиссера Эрика фон Строгейма. Он не хотел давать «счастливых» картин. И что же? Их принимали холодно, несмотря на все художественные достоинства.

— Надо сделать так, чтобы их принимали восторженно, — возразил Престо. — Вы не думайте, что я собираюсь ставить грубо-агитационные картины, показывать одни чердаки и подвалы, ужасы эксплуатации и безработицы. Я хочу создать такие квартиры, чтобы зритель смеялся не меньше, а даже, может быть, больше, чем раньше. Я хочу показать и красоту и величие души, но там, где ее раньше никто не видел. Мы с вами многое просмотрели, Гофман. Вы и не подозреваете, сколько может быть грации, изящества в простых трудовых движениях девушки, убирающей комнату или развешивающей белье... Мы слишком много снимали дворцов и аристократов... Не бойтесь! На моих новых картинах смех не будет умолкать. Будет смех, будут и слезы. Ведь публика любит и поплакать. Вы это тоже знаете. Зритель выйдет из кино очарованный. А через день-два он задумается. И незаметно для себя придет к выводу, что наш мир, наша прославленная демократия не так-то уж хороши, что надо искать какой-то выход, а не только упрямо верить в возвращение золотого века процветания, который ушел и не вернется больше... Вот моя цель!..

— Это я вам так откровенно обо всем говорю, Гофман, — сказал Престо после паузы. — Но зритель, да и все наше так называемое общество, пожалуй, не так скоро разберется в «социальной коварности» моих новых фильмов.

— Разберутся! И скорее, чем вы думаете! — возразил Гофман. — Мистер Питч первый отвергнет ваши сценарии. А если не он, то цензура нью-йоркского банка, от которого он сам зависит, в лучшем случае изрежет, искромсает, исправит... или скорее же всего не даст релиз.

— Мне не надо никакого релиза, — возразил Престо.

— Я не понимаю вас.

— А понять, казалось бы, нетрудно. Я организую собственное кинопредприятие.

Гофман откинулся на спинку кресла и воскликнул:

— Час от часу не легче! Но это просто безумие! Я знаю, что вы имеете кое-какой капитал. Но ваши средства — дубинка против пушки. На вас пойдут войной все силы банковского капитала, его легкая кавалерия — пресса, прокатные фирмы, владельцы кинотеатров. Питч расходует несколько миллионов в неделю, а его предприятие еще не самое богатое в Голливуде. Вы просто идете на верное разорение, Престо, и мне очень жаль вас. Кажется, карлик Престо был практичным человеком.

Тонио улыбнулся.

— Время покажет, кто из нас практичнее, старый или новый Престо. Не думайте, Гофман, что я поступаю опрометчиво. — Он хлопнул рукою по папкам. — Мы с вами еще займемся этим материалом, и вы увидите, что я все предусмотрел. Как бы то ни было, весь риск падет на одного меня. Я приглашу очень немногих крупных артистов. Если разорюсь, они всегда найдут другую работу. Всю остальную массу артистов и служащих я предполагаю нанять из безработных членов профессиональных союзов. Для них, на худой конец, это будет, по крайней мере, передышка.

— А если крупные артисты не пойдут к вам? Не станет же мисс Люкс играть роль прачки!

— Обойдусь и без них, — ответил Престо. — Мне трудно было бы обойтись только без опытного, талантливого оператора. Но я рассчитываю на вас, Гофман. Неужели и вы, мой старый друг, отречетесь от меня и скажете: «Я не знаю этого человека»?

Наступило напряженное молчание. Гофман пускал кольца дыма, глубоко задумавшись. Потом он начал, как бы рассуждая вслух:

— Мое дело маленькое — вертеть ручку аппарата. И все же мне не безразлично, что я наверчу. Работая с вами, я перейду во враждебный банковский лагерь, составлю себе репутацию «красного». И банки будут мстить мне. Если вы разоритесь, мне трудно будет найти другую работу.

Престо не мог не согласиться с этим доводом, поэтому не возражал, с волнением ожидая отказа. Гофман вновь замолчал, следя за дымными кольцами.

— Но мне не хочется оставлять и вас, старина, в тяжелое время. Вы делаете большую глупость. Для меня это совершенно очевидно. И еще просите меня помочь вам скорее разориться...

— Без вас я могу разориться еще скорее, Гофман. Но не в этом дело. Поймите же, что я начал эту неравную борьбу прежде всего в интересах самих киноработников!!

И Престо начал горячо говорить о беспощадной эксплуатации предпринимателями киноработников, об их бесправии, о подавлении личности, о бездарных «звездах», раздутых рекламой, о безвыходном положении талантливой молодежи...

Все это было хорошо известно Гофману, который и сам прошел тяжелую жизненную школу.

— Пора изменить это невыносимое положение, — закончил Престо. — Я мечтаю о кооперации, о коллективном отстаивании интересов киноработников. Мы не знаем своей силы!

— Зато хорошо знаем силу врага, — меланхолично отозвался Гофман.

«Откажется!» — с тоской подумал Престо. Но Гофман все еще пускал кольца дыма.

Престо — друг, но своя рубашка ближе к телу. Именно потому, что Гофман прошел тяжелую жизненную школу, ему не хотелось рисковать тем, что он уже имеет. Но так ли уж велик риск? Если новый Престо окажется плохим артистом и его сценарий будет иметь «опасные мысли», Гофман узнает об этом прежде, чем картина появится на экране, и он сумеет уйти вовремя. Этому можно будет даже придать вид протеста, и его репутация будет сохранена...

Гофман улыбнулся и сказал:

— Вы Дон-Кихот, Престо. А у каждого Дон-Кихота должен быть свой Санчо-Панса. Ну, что же, берите меня оруженосцем, благородный рыцарь Ламанчский, хотя воевать нам придется далеко не с ветряными мельницами!

Престо крепко пожал руку своему другу.

— С вами вместе мы победим всех великанов, дорогой Гофман, и я заранее назначаю вас губернатором острова! — воскликнул он.

— Ох, уж эти Дон-Кихоты! — вздохнул новый Санчо-Панса. — Благодарю за честь. Не знаю, завоюем ли мы остров, но палочных ударов определенно немало падет на наши головы.

— Мы ответим на них встречными ударами, Гофман! А теперь давайте готовиться к бою!

И, раскрыв папки, наполненные выписками и расчетами, сделанными на берегу Изумрудного озера, он начал посвящать Гофмана в свои планы.

БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ

Престо развивал кипучую энергию. Он нанял большой дом, где устроил временную контору. С утра до вечера здесь стояла толча: нанимались служащие, актеры, заключались всяческие договоры. Весть о новом кинопредприятии разнеслась среди армии безработных Голливуда. Артисты, статисты, работники всех специальностей приходили толпами, становились в большие очереди. Престо сам принимал каждого кандидата, не исключая статистов, беседовал с ними, заставлял позировать, разыгрывать импровизированные сцены. В чем другом, но в людях недостатка не было. В четыре часа прием артистов и служащих прекращался, и, поспешно пообедав, Престо переходил к другим делам: говорил с комиссионерами о покупке или аренде земельного участка для постройки на нем киностудии, с подрядчиками, поставщиками, архитекторами.

Эта вторая половина дня проходила для Престо гораздо труднее, чем первая. О новом предприятии уже знали не только безработные, но и кинопредприниматели. Появление нового конкурента не могло не волновать их. Особенно озабочен был мистер Питч: Тонио, который долгое время

был козырем в его игре, теперь становился опаснейшим соперником. Питч и другие кинопредприниматели открыли против Престо военные действия. Под видом безработных, которые приходили наниматься, Питч подсылал к Престо своих шпионов и лазутчиков, переманивал наиболее талантливых артистов, вставлял палки в колеса где только можно.

Ко всему этому Тонио был подготовлен. Но ему было нелегко. Комиссионеры, например, нашли подходящий участок, все переговоры с собственником успешно закончили, оставалось только оформить сделку. Но в последний момент Питч узнал об этом и перехватил участок, не покупившись уплатить вдвое больше.

Престо приходилось самому прибегать к хитростям и уловкам.

«Вот придет Барри, его здесь еще никто не знает, и он купит какой-нибудь участок на свое имя, как будто под плантацию или огород. Барри довериться можно», — думал Престо.

Конкуренты интересовались особенно тем, какие картины будет ставить Престо. Но, несмотря на все ухищрения, этого они никак не могли узнать. С журналистами Тонио или отказывался разговаривать, или же начинал нести такую околесицу, что даже у привыкших ко всему разбойников пера глаза лезли на лоб, и эти профессиональные лгуны не решались печатать подобные интервью. Нанятым артистам, которые проявляли слишком большое и подозрительное любопытство, Престо отвечал:

— Дойдет до съемок — узнаете.

Раздосадованный Питч пригласил к себе Люкс и сказал ей:

— Я рассчитываю на вашу помощь, мисс.

— В чем дело? — спросила она.

— Дело в том, — ответил Питч, — что этот Тонио Престо не даст мне покоя. Он решительно не хочет снять маску и показать нам свое новое лицо. Что он замышляет? Какие картины будет ставить? Для меня крайне важно знать. Исторических картин со всякими замками, пирамидами и тысячами статистов он, конечно, не поставит. Для него это слишком дорогое удовольствие. Да и раньше не на внешние эффекты он делал ставку. По всей вероятности,

Престо будет прибегать к дешевым натурным съемкам или обгрызать неглубокие интересы. Но содержание! Содержание!

Питч задумался.

— Что же вы хотите от меня? — спросила Люкс, которой надоело ждать.

Питч не обратил внимания на ее вопрос и продолжал, как бы рассуждая вслух:

— Мне хотелось бы иметь достоверные сведения от самого Престо. Я засылал к нему кое-кого, намекая на то, что если он придет ко мне, то получит очень интересные предложения... Мы хотели узнать не только о его планах, но, если можно, и купить его. Банки отпускают на это очень значительные суммы, перед которыми он, может быть, не устоял бы...

— Что же вы сделали бы с ним, если бы такая купля-продажа состоялась?

— На худой конец, хотя бы законсервировал бы его, как консервируют новые изобретения, угрожающие старым предприятиям.

— Платить большие деньги и не давать играть? На это он не пойдет.

— Ради больших денег люди пойдут на все, — убежденно ответил Питч. — Впрочем, если бы он, сверх ожидания, оказался по-новому интересен, мы смогли бы прибрать его к рукам, заставить играть в тех ролях и сценариях, которые мы создадим.

— И что же Престо?..

— Этот упрямец отказался идти ко мне. Остается, по крайней мере, узнать его планы, и вы должны мне помочь выпытать их у него. Ведь он вас любил и, наверное, еще любит. Ко мне он не пошел, но к вам, наверно, пойдет, если вы пригласите его. Правда, между вами, кажется, произошло что-то вроде ссоры. Но женщины умеют, когда захотят, вертеть нашим братом, — со вздохом произнес Питч, вспомнив, во сколько обошлось ему это женское уменье.

— Наконец, — продолжал он, — вы можете пригласить его по делу. напишите ему письмо, намекните, что вы интересуетесь его начинанием. Ого! Если бы он заполучил вас, артистку с мировым именем! Для него вы были бы кладом! Ведь у него все безлика посредственность, мелочь,

никому не известная молодежь, серая масса, я знаю это. Только кликните, и он прибежит к вам.

Люкс задумалась. Она сама не прочь была повидаться с Престо. Правда, она дважды отвергала его: и в его старом, и в новом виде. Но с тех пор многое изменилось. Ведь и Питч отверг нового Престо, а вот теперь сам засылает к нему парламентариев.

Люкс окончательно поссорилась со своим женихом, когда узнала его поближе: он слишком рано и круто начал предъявлять свои права в качестве будущего мужа, явно подбираясь к капиталам Люкс, а она умела крепко держать их в руках. Затем Люкс не могла не признать, что новый Престо очень интересный мужчина, несколько не уступающий Лоренцо. И, наконец, он начинал собственное предприятие, которое, в случае удачи, могло принести большие барыши. Он снова становился человеком с будущим. Правда, с неизвестным будущим, а Люкс была человеком осторожным и расчетливым. И она была еще далека от того, чтобы связать себя хотя бы деловыми связями с Престо. Но его не следует выпускать из виду.

Чтобы придать большую цену своему поступку, Люкс сказала Питчу:

— Вы меня ставите в несколько затруднительное положение, мистер Питч. После того, что произошло между мною и Престо, который едва не убил меня, мне нелегко обращаться к нему. Но все же я постараюсь повидаться с ним и выполнить ваше поручение.

— Вы же умница и прекрасно справитесь с этим делом! — воскликнул Питч.

И эти слова еще выше подняли Престо в глазах Люкс: Питч был скуп на похвалы и комплименты и делал это только в исключительных случаях.

ПОТЕРЯННЫЙ ПОКЛОННИК

Когда человек окружен врагами, он поневоле становится подозрительным и осторожным. Получив и прочитав письмо Люкс, Тонио тотчас догадался, что это маневр Питча. Однако и он был не прочь повидаться с Люкс. Она все еще интересовала его. Тем осторожнее надо быть с нею. Люкс, конечно, будет спрашивать о планах. Нужно ли

дальше скрывать их? Скоро начнутся репетиции, и тайна все равно всем станет известной.

«Пусть Люкс воображает, что я не устоял перед ее очарованием, как Самсон перед Далилой. Посмотрим, как она примет мой план!» — подумал Престо.

В назначенный день и час Престо вошел в знакомый будуар, устланный коврами и уставленный оттоманками, пуфами, раздвижными креслами. Пестро и разностильно. Но у хозяйки, подбиравшей эту мебель, был свой расчет: садясь и ложась на кресла и кушетки самой разнообразной формы, можно было показать наиболее выгодные позы, — показать товар лицом, — а это было очень важно, так как поднимало цену товара в глазах кинопредпринимателей и режиссеров, которые посещали «звезду». Красота тела для нее была главным богатством.

Люкс приняла Престо в костюме Клеопатры, лежа на длинном египетском диване с кривыми ножками. Клеопатра была ее новой ролью, а Люкс имела обыкновение «входить в новые роли», преображаясь и дома в новую героиню.

— Мне надо почувствовать себя царицей Египта, — говорила она, иногда заставляя даже свою камеристку одеваться в костюм египетской рабыни и подавать ей шоколад в египетской чашке. Впрочем, это была скорее причуда, расчет на лишний эффект, чем серьезная творческая работа.

Престо, взглянув на новоявленную Клеопатру, не почувствовал прежнего волнения. Несмотря на то, что Люкс была изумительно красива в этом экзотическом наряде, он все же оставался холоден. Ему даже показалось, что перед ним не живой человек, а статуя из музея восковых фигур.

Люкс улыбнулась гостю одною из своих самых неотразимых улыбок, а в ее арсенале их были дюжины, на все случаи жизни и артистической практики.

— Я очень рада вас видеть, Тонио, — певуче сказала она, в то же время внимательно наблюдая, какое произвела действие.

По-видимому, она ожидала большего эффекта. Мимолетная озабоченность мелькнула на ее лице, но она тотчас придала ему беззаботное выражение.

— Садитесь. Мы так давно не виделись. Загорели и как будто немного похудели. У вас усталый вид. Много работа-

сте? — спросила она его и в то же время подумала: «Почему он сегодня такой деревянный? Ни одного комплимента, не вздыхает, не смотрит на меня с тоской. Неужели я потеряла власть над ним?!»

— Да, я много работаю, — ответил Престо, усаживаясь на низенький мягкий пуф.

— Слыхала. Вы начинаете собственное дело. Наверно, это будет что-нибудь оригинальное, как все, что исходит из рук Тонио Престо.

Престо пропустил мимо ушей комплимент, — только кивнул головой.

— Очень оригинально, Люкс.

— И, наверно, вы придумали чудесные роли?

— О, да. Роль героини, кажется, удалась мне.

— Это очень интересно! Расскажите, расскажите скорее.

— Вы так живо интересуетесь, словно не прочь были бы и сами принять участие в моей работе? — спросил Престо, едва заметно улыбаясь.

Люкс медлила с ответом. Она именно этого и хотела, — дать Престо понять, что, быть может, не откажется перейти к нему на работу, если ее об этом очень попросят и если сценарий и роль будут по ее вкусу, но вместе с тем Люкс хотела избежать определенного ответа, который связал бы ее.

— Какой же артист не мечтает о выигрышной роли, — ответила она.

Теперь она ожидала, что Престо начнет расхваливать роль героини, чтобы еще больше заинтересовать ее. Но Тонио неожиданно сказал:

— Боюсь, что эта роль не для вас. — И прибавил: — Вы не справитесь с нею!

Это был вызов, почти оскорбление.

— Роль может мне не понравиться, — возразила она ледяным тоном, — но чтобы я не справилась с нею!.. Вы, кажется, знаете меня не один день, Тонио, — уже более мягко, с дружеским упреком закончила она.

— Я знаю, какая вы артистка!

«Даже не сказал гениальная или хотя бы талантливая», — с неудовольствием отметила Люкс.

— Дочь короля, графиня, молодая вдова миллионера, знаменитая артистка... — начал Престо перечислять луч-

шие роли Люкс. — Изумительные костюмы: шелка, золото, драгоценные камни, роскошные прически... Но это не то, совсем не то, что у меня, мисс Люкс.

— Что же у вас? — спросила обиженным тоном Люкс. — Кто же ваша героиня?

— Прачка.

— Прач-ка? — скорее прошептала, чем проговорила она, глядя на Тонио расширенными глазами. Уж не издевается ли он над нею?

— Да, самая обыкновенная прачка, впрочем, молодая и симпатичная, — спокойно ответил Престо. — А герой... герой — безработный в рубище, который ходит по мусорным ящикам и собирает крючком кости и тряпки. Место действия — подвалы, чердаки и задние дворы.

Люкс несколько овладела собой, улыбнулась.

— Вы шутите, Тонио.

— Я говорю совершенно серьезно. Мне, конечно, было бы очень приятно, если бы моя прачка обладала вашей внешностью. Контраст между богатством, которым природа наделила героиню, и тем, что дала ей жизнь, был бы очень эффектен, но, мне кажется, вам нелегко было бы войти в такую роль.

Лицо Люкс вдруг потеряло все свое очарование. Оно сделалось холодным и почти злым. И Гедда сразу потеряла весь интерес к Престо. В ее глазах он был конченный человек. Питч может быть спокоен: Престо сам свернет себе шею.

— Так как же, мисс, вы думаете о новой роли? — спросил он, почти не скрывая иронии.

— Поищите вашу героиню среди прачек, мистер Престо, — ответила она ледяным тоном.

— Я так и сделаю, мисс, — вызывающе весело ответил Престо и подумал: «Простенькая Эллен — жемчужина по сравнению с этой мишурой».

Говорить им больше было не о чем. Престо раскланялся и вышел.

Люкс неподвижно лежала на египетском диване. Теперь она действительно походила на Клеопатру, которую только что ужалила в грудь змея. Пусть Престо сломает себе шею, — для нее это безразлично. Но как он мог так легко разлюбить ее? Неужели она начала терять женское обая-

ние?.. Эта мысль заставила ее похолодеть. Ее обаяние — се капитал... «Нет, нет, — успокаивала она себя, — ни одно зеркало не говорит мне о том, что я начинаю увядать. Тут что-то другое. Быть может, последствие метаморфозы, которую перенес Престо, а может быть, он увлекся... какой-нибудь прачкой. Тем хуже для него! И он смел еще мечтать обо мне!..»

А Престо, возвращаясь к себе на автомобиле, в свою очередь думал о Люкс:

«Она остается одною из самых очаровательных женщин. Это неоспоримо. Но чем ближе узнаешь ее как человека, тем больше разочаровываешься. У нее нет другой цели в жизни, как деньги, нажива... Нет, все это звезды не моего небосклона. Новое дело надо делать с новыми людьми, и я найду их среди талантливой молодежи!»

На пороге виллы Престо встретил Себастьяна, чем-то смущенного.

— У нас гости, — сказал он.

— Кто? — небрежно спросил Тонио, предполагая, что кто-нибудь пришел по делу.

— Жильцы приехали. Пожилой мастер и с ним молодая мисс. — И Себастьян хитро посмотрел на Престо.

— Это Барри! — воскликнул Престо. — Наконец-то! Где они?

— У себя, наверху. Раскладываются, приводят себя в порядок с дороги. Миссис Ирвин помогает им.

Миссис Ирвин, переселившаяся уже несколько дней тому назад на виллу Престо, была почтенная вдова, приглашенная на роль компаньонки Эллен.

— Отлично! Отлично! — оживленно воскликнул Тонио. — Прикажите накрыть завтрак в голубой гостиной. Четыре прибора!

ЭЛЛЕН НАЧИНАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЬ

— Как я рад вас видеть, дорогой Барри, — говорил Престо за завтраком. — Я с нетерпением ожидал вас. Дела по горло.

— Меня задержала администрация парка, пока был найден подходящий заместитель. Они ведь очень разборчивы и о каждом новом служащем собирают предварительные

справки — не член ли профсоюза, не участвовал ли в забастовках и прочее.

— Теперь мне будет легче, — сказал Престо и начал знакомить Барри с положением дел, в то же время поглядывая на Эллен и миссис Ирвин.

Почтенная дама, полная, флегматичная женщина с седеющими волосами, была поглощена едой. Больше всего она любила плотно покушать и подремать в кресле. И новая должность вполне удовлетворяла ее. От нее ничего не требовали, кроме того, чтобы она жила в доме и ни во что не вмешивалась. Приятная служба!

Эллен поглощала завтрак с аппетитом молодого здорового человека, в то же время внимательно прислушивалась к разговору и время от времени поглядывала на Престо. Она была одета в простенькое, хорошо выстиранное и выглаженное собственными руками платье из светлой холстинки.

После завтрака миссис Ирвин удалилась в свою комнату, — смежную с комнатой Эллен, — подремать под болтовню своего старого друга — зеленого попугая, а Престо повел Барри и Эллен показывать виллу.

Он ожидал, что дикарка Эллен будет себя чувствовать неловко в новой обстановке, но Эллен не проявляла ни малейшего смущения. Ее не ослепили невиданная красота и богатство виллы, хотя она и проявляла живейший интерес к собранным Престо произведениям искусства. Престо, показывая на картины и скульптуры, называл имена художников, а Эллен часто дополняла его пояснения. Видимо, дядюшка немало потрудились над ее образованием.

Огромная, отделанная резным дубом библиотека привела Эллен в восторг.

— Сколько книг! — воскликнула она.

Девушка с жадным любопытством перебегала от шкафа к шкафу, от стеллажа к стеллажу, ловко влезала по лестницам, вынимала то одну, то другую книгу. Очень заинтересовался библиотекой и Барри. словно управляемый каким-то чутьем, он быстро нашел обширный отдел биологии, взглядом знатока пробежал по полкам, увидел прекрасные издания классиков естествознания, роскошные альбомы и воскликнул:

— Вот не ожидал, что киноартист проявляет такой интерес к научной книге!

— Наверное, не всякий артист, а настоящий, большой артист, — неожиданно для себя воскликнула Эллен, стоя наверху лесенки.

Эти искренние похвалы были очень приятны Престо.

— Кто хочет работать серьезно, тот должен многое знать, — сказал он. — Один справочный отдел этой библиотеки заключает в себе более пяти тысяч томов. Там вы найдете и историю костюмов всех времен и народов, и альбомы по архитектуре, и рисунки мебели, предметов домашнего обихода.

— Не ушла бы из этой библиотеки! — простодушно воскликнула Эллен.

— А вы и не уходите! — отозвался Престо, следя за каждым движением девушки, которая продолжала подниматься и спускаться по приставным лестницам.

Показав на огромную нишу, выходящую стеклянными окнами на север, — чтобы солнечные лучи не мешали заниматься, — он спросил:

— Как вам нравится этот уголок?

Пол был застлан ковром. На круглых столах стояли лампы с шелковыми абажурами и лежали кипы новых американских и европейских журналов и газет. У оконного простенка, среди живых цветов, стоял бюст Афины.

— Очень нравится, — ответила Эллен.

— Ну вот, если хотите, вы здесь и будете заниматься. Я вас зачислю в сценарный департамент.

— В департа-а-мент! — протянула Эллен. — А что надо делать?

— Вы будете следить за газетами и журналами и делать вырезки. Что и как, я покажу вам. Работа интересная. В свободное же время — вся библиотека в вашем распоряжении. Согласны?

— Попробую, если справлюсь.

— Справитесь! — уверенно ответил Престо.

Но он совсем не думал оставить девушку на этой работе. Еще там, на берегу Изумрудного озера, он решил, что Эллен должна быть артисткой на новые роли новых сценариев. У нее для этого все данные. Осторожно и исподволь он будет добиваться цели. А пока надо дать Эллен какую-ни-

будь работу, чтобы она не скучала. Притом для нее будет приятно, что она сама зарабатывает.

Однако Престо понимал, сколько трудностей стоит на его пути. Тонио помнил, с каким недоверием и предубеждением отнеслась Эллен к его предложению попробовать себя в кино. «Я и ступить-то не умею!» — ответила она. А между тем все, что хотел он от нее, — это то, чтобы она и перед аппаратом только оставалась сама собой. Но тут планам Престо грозила опасность. Он знал, как быстро женщины ассимилируются в новой среде, какую они обладают мимикрией — способностью подделываться под окружающую обстановку. Простенькое платье, в котором он встретил ее, в первую минуту успокоило его, но потом он подумал: «У Изумрудного озера Эллен и не могла сделать другое. Не было материала, хорошей портнихи, модных журналов да, наверно, и денег. Но что будет с нею, когда она войдет в артистический круг? Ни одна женщина, тем более молодая, не захочет быть золушкой среди других. Эллен начнет наряжаться и, что еще хуже, подражать жестам, манере держаться, начнет перенимать худшее у этих изломанных кукол. А нет ничего более ужасного, безвкусного, вульгарного, как подделка, неудачное подражание аристократическим манерам! Тогда Эллен пропала для экрана...» Но Престо надеялся, что здоровая простота, которую ей привили условия жизни и разумное воспитание старика Барри, сохранят ее от разлагающего пути.

В библиотеке появился Себастьян и сказал:

— Вас вызывают в контору, мистер!

Престо тяжело вздохнул. Ему не хотелось уходить, но сегодня он еще не был в конторе, а там, вероятно, уж десятки человек ждут его.

— Хорошо. Передайте по телефону, что сейчас выезжаю, — ответил он и обратился к Барри: — Ну, что же, мистер, если вы не устали с дороги, едем со мной. Я познакомлю вас с моими ближайшими помощниками.

НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Чем дальше подвигалось дело, тем больше препятствий приходилось преодолевать Престо. На него ополчились все силы американской реакции и капитала. Газеты были по-

льны самыми грязными инсинуациями и клеветой по адресу недавнего любимца всей страны, «продавшегося красным». Вновь поднялась кампания против «человека, потерявшего лицо». Газеты требовали пересмотра дела и лишения Престо имущественных прав. Чтобы отбиваться, Престо приходилось подписывать все новые крупные чеки на имя изворотливого, но жадного Пирса. Нависла угроза и уголовного обвинения в краже у Цорна медикаментов, и в «отравлении» целой группы киноработников и государственных служащих: прокурора, губернатора...

Несколько дней подряд газеты печатали с комментариями интервью, которое дала журналистам Люкс: женщины умеют мстить!

Она рассказывала, как Престо «на коленях умолял ее принять участие в его предприятии, чтобы спасти его от неминуемого краха. Но она с негодованием отвергла его предложение, не желая пятнать свое имя в этом грязном, антиобщественном, преступном деле, направленном против американского народа и чести американской демократии...»

Эллен, выискивая в газетах и журналах нужные статьи, читала эти заметки. Встречаясь с Престо, она бурно выражала свое негодование. Престо был уж не рад, что дал ей такую работу, хотя искреннее возмущение Эллен и трогало его. В этой горячности было нечто большее, чем чувство возмущенной справедливости, и он с новым интересом приглядывался к девушке.

— Ничего, мисс Эллен! Все это в порядке вещей, и для меня в этом нет ничего неожиданного. Борьба не на жизнь, а на смерть — незыблемая основа нашей прославленной демократии. И мы будем бороться. А вы поможете мне?

— Я готова сделать все, чтобы помочь вам! — горячо и искренне воскликнула Эллен.

Престо был растроган. Он взял ее руку и сказал:

— Быть может, эта помощь очень скоро понадобится мне. Не забудьте же вашего обещания!

Он решил воспользоваться ее настроением и со временем добиться согласия на участие в фильме. Дело с героиней-прачкой у Престо не ладилось. Известные и опытные артистки отказывались играть прачку, а молодые, находившиеся под влиянием условных штампов кинозвезд, не

справлялись с ролью. Их прачки напоминали танцовщиц из мюзик-холла или графинь, занимающихся стиркой, но очень далеки были от образа настоящей труженицы. И поэтому репетиции пока шли без съемок.

Чтобы отвлечь Эллен от расстраивавших ее газет и скорее достигнуть цели, Престо нередко говорил ей:

— Довольно о газетах. Поседемте лучше со мной в киностудию.

Девушка охотно соглашалась. Таинственный закулисный мир кино интересовал ее. А Престо тонко вел свою линию. В ее присутствии он умышленно поручал роль героини самым неподходящим артисткам. И когда они, как бы танцуя фокстрот, начинали топтаться возле корыта или вынимали белье двумя пальчиками с приподнятыми мизинцами, как конфету из бомбоньерки, — Эллен не могла удержаться от улыбки и насмешливых замечаний и иногда возмущенно восклицала:

— Вот чудачка! Да разве это так делается? Она никогда не видела, как стирают белье, полощут, развешивают!

— А вы ей покажите! — с невинным видом однажды сказал Престо. Эллен смутилась, но он продолжал: — Вы только окажите ей хорошую услугу. Надеюсь, вы не стесняетесь того, что умеете стирать белье?

Престо попал в цель.

— Нисколько, — ответила она. — Я считаю, что никакая черная работа не унижает человека. Позвольте мне! — обратилась Эллен к артистке и принялась за работу с такой непринужденностью, как будто находилась в сторожке на берегу Изумрудного озера.

К счастью, опасения Престо не оправдались: Эллен не утратила простоты и естественности своих движений. Тонио, видя ее работу, затаил дыхание, а Гофман, который, не снимая, по обыкновению находился на посту возле аппарата, как-то крикнул и вдруг с ожесточением завертел ручкой.

«Даже Гофмана проняло!» — с радостью подумал Престо.

Артисты с вниманием и некоторым изумлением смотрели на Эллен. В студии стало совсем тихо. Эту напряженную тишину нарушал только сухой треск аппарата. А Эллен, как ни в чем не бывало, продолжала заниматься стиркой.

Когда, наконец, она кончила, Гофман перестал крутить ручку и взревел на всю киностудию:

— Нашли! Нашли, черт возьми! Да ведь это же дьявольски хорошо вышло!

И артисты, в большинстве молодежь, еще не зараженная духом зависти, дружно зааплодировали. Эллен, сама того не сознавая, показала всем предельную высоту всякого искусства: простоту.

И только теперь, видя неожиданный эффект своего выступления, она смутилась и покраснела. Все поздравляли ее, Гофман безумствовал. Он тряс Эллен руки и кричал:

— Теперь мы победим! Вы прирожденная...

— Прачка! — добавила Эллен.

— Прирожденная артистка! Поверьте мне, старому волку! То, что другим дается с величайшим трудом, годами учения, вам даром идет в руки.

— Это, может быть, потому, что артисты играют, — возразила Эллен, — а я даже не думала об игре.

— Вы жили. Это-то и нужно, — горячился Гофман. — Чем больше игры, искусственности, тем хуже. Вы же сами не раз слышали, как мистер Престо просит артистов: «Только, пожалуйста, не играйте!»

Так Эллен, прежде чем дала свое согласие, стала артисткой по общему приговору видевших ее первое выступление.

Но сама она не верила этому и сомневалась.

Возвращаясь в автомобиле с Престо на его виллу, она долго молчала. Престо искоса поглядывал на нее и тоже молчал. Пусть перебродится первое волнение. И только когда они проехали полпути, он спросил ее:

— Ну как?

— А все-таки я не буду артисткой, — ответила она.

— Почему?

— Ваше заключение слишком поспешно, — отвечала она. — Что я делала? Только работала, как всегда. Это каждый может, если делает свое обычное дело. Столяр точно так же строгал бы, землекоп копал, и у него это, конечно, вышло бы лучше, чем у артиста, который впервые берется за рубанок или лопату. Но ведь ваша героиня в фильме не только стирает белье. Она и радуется, и страдает, плачет и смеется, разговаривает и молчит, а это уж не

то, что белье стирать. Нет, я не стану играть. Сама осрамлюсь и фильм испорчу.

— Отчасти вы правы, — сказал Престо, — но только отчасти. Конечно, с вами еще предстоит большая работа. Но ведь и с артистами, которые берутся впервые за рубанок или лопату, тоже надо немало повозиться, чтобы, глядя на экран, над ними не смеялись профессионалы. Главное то, что у вас прирожденный талант, бесспорные задатки. Это я заметил еще у Изумрудного озера, когда вы изображали безумие Офелии. Поверьте моей опытности и опытности Гофмана, который имел дело с сотнями новичков и умеет оценить человека по одному движению, по одному жесту.

Эллен все еще не сдавалась и возражала:

— Но ведь это были только мои привычные жесты.

— Поймите же, — продолжал убеждать ее Престо, — что одно дело — стирать белье в хижине сторожа и другое — перед аппаратом. Самая лучшая прачка забывает свои привычные движения, как только ее начинают снимать. Она или смущается, и у нее все летит из рук, или начинает стирать так, как ей кажется нужно для экрана. И только по-настоящему талантливые люди могут устоять перед этим испытанием — съемкой.

В душе Престо и сам еще не был вполне уверен, но Эллен, безусловно, представляла собой самый подходящий сырой материал, обещала больше других. Неведомым для Эллен осталось и то, что Престо заранее сговорился с Гофманом поддержать, поощрить Эллен, если он найдет, что из нее выйдет толк. И Эллен, видимо, не на шутку заинтересовала Гофмана, судя по искренней горячности, с которой он принял ее первый дебют. Что же касается остальных артистов, то они были восхищены не только естественностью, но и красотой, гармоничностью ее движений. Даже для более опытных артистов было откровением то, что подметил Престо еще на берегу Изумрудного озера: трудовые движения могут быть так же красивы и изящны, как художественная пластика, что самые хитроумные изошрения не могут лучше показать красоту форм, линий, динамику живого человеческого тела, чем эти трудовые позы и жесты.

Видя, что Эллен все еще колеблется, Престо сказал:

— Послушайте, мисс Эллен, совсем недавно вы сказали

мне, что готовы сделать все, чтобы помочь мне. И эту помощь теперь вы можете оказать мне. Вы знаете, что я переживаю нелегкое время. Больше того, все висит на волоске. В случае неудачи я разорен, моя карьера кончена. Но в своем падении я увлеку и других, — всех, кто связал свою судьбу с моей. Ведь, начиная это дело, я думал не только о себе. Об этом я говорил вам еще в сторожке парка. Не отказывайтесь, Эллен. Поймите, что и я, и Гофман не поведем вас и себя на провал. В успехе мы также заинтересованы, как и вы, и мы сделаем все возможное, чтобы облегчить этот успех. Дайте только ваше согласие!

— Если дело обстоит так, то я согласна, — сдалась, наконец, Эллен.

Престо, вздохнув с облегчением, воскликнул:

— Давно бы так! — И, улыбаясь, закончил: — Теперь и ваша судьба связана с моею. Вместе победить или вместе принять поражение!

НОВОЕ ЛИЦО ПРЕСТО ПРОЯВЛЯЕТСЯ

Это была большая победа и первая большая радость, которую испытал Престо с тех пор, как принялся за неравную борьбу.

Работа в киностудии над постановкой приобрела для него новый интерес. Престо был чрезвычайно строгим и требовательным режиссером. Экономя пленку, он не снимал десятки раз один и тот же кадр, как это обычно делалось в Голливуде. Только после бесконечных репетиций, когда игра артистов вполне удовлетворяла его, Гофман начинал съемку, и редкий кадр приходилось снимать вторично. Одну неудачливую молодую артистку Престо довел до слез, пока не добился того, чего хотел. Он сам перевоплощался во все роли, показывая, как надо играть. Волновался, сердился, иногда даже бранил артистов, или в отчаянии бросался на диван с видом полного изнеможения, чтобы через несколько минут вновь взяться за муштровку. К счастью, теперь ему не мешал смех, который он неизбежно возбуждал, когда был уродом. Артисты терпеливо переносили все. Они видели полезность этой суровой школы и росли на глазах.

Не делал Престо исключения и для Эллен. Он был с нею

строг не меньше, чем с другими. К его радости, он не обманулся в своих ожиданиях. Эллен была чрезвычайно понятлива. Стало совершенно очевидно, что она прекрасно справляется с ролью героини.

Когда же дело доходило до съемки — артисты были уже в костюмах и гриме, — являлся и Престо, тоже готовый к съемке, — он становился неузнаваемым: добродушный, веселый, как будто он явился не для ответственной работы, а для игры в поло. Это сразу поднимало настроение. Не было больше строгого, придиричвого учителя, был веселый участник в игре, и игра начиналась.

Вертя ручку аппарата, Гофман ни за одним артистом никогда не следил с таким вниманием, как за Престо в его новом облике и новой роли.

Первые впечатления Гофмана были неопределенны. Новое лицо проявлялось не сразу, словно на пленке со слабым проявителем. Облик Престо не имел характерных черт знакомой маски, по которой зритель сразу узнавал любимых комиков. Это был не человек-маска, а скорее — человек массы. Его лицо могло напомнить тысячи лиц, его ветхий костюм ничем не отличался от тысячи таких же ветхих костюмов безработных. Но началась игра, и новое лицо Престо стало постепенно проявляться. Тонио уже не был игрушечным уродцем, механизированным человеком, который пассивно принимает на себя удары судьбы, падает, поднимается и вновь падает, даже не возбуждая жалости, а только смех, как неодушевленный предмет.

Новый Престо так же принимал удары, наносимые судьбой, он так же попадал в самые неприятные и нелепые положения. Но он не только неизменно поднимался, но и неизменно вновь бросался в бой со своими угнетателями, как бы они ни превосходили его в силе. Это и смешило и вызывало к нему человеческую симпатию. Игра нового Престо затрагивала более глубокие человеческие чувства. Несправедливость, удары, оскорбления, которые претерпевал Престо, за взрывом смеха тотчас будили чувства негодования, протеста, желания помочь.

Чем дальше подвигалась съемка, тем больше удивлялся и поражался Гофман. Вместе с физической метаморфозой в существе Престо произошла и чудесная интеллектуальная метаморфоза. От старого Престо новый сумел получить

в наследство всю силу юмора, несмотря на то, что новый его физический облик не имел никакого комического уродства. В новом Престо выявилось еще одно драгоценное качество, которым, быть может, и обладал старый Престо, но оно не доходило до зрителя, поглощаемое и заслоняемое его физическим уродством: глубокая человечность.

Однажды, во время перерыва, Гофман подошел к Престо и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Вы превзошли все мои ожидания, Тонио. Я больше не сомневаюсь, что вы действительно обрели новое лицо. И с этим лицом нельзя не победить.

Престо улыбнулся радостно, но ответил печально:

— А между тем никогда я не был так далек от победы, как теперь. Зайдите ко мне сегодня вечером, Гофман. Мне нужно о многом с вами поговорить.

ВЕРНЫЙ ДРУГ ДО ЧЕРНОГО ДНЯ

В тот же вечер Гофман сидел в кабинете Престо.

— Работа над фильмом приближается к концу, но еще быстрее подходят к концу мои сбережения. Я разорен, Гофман, нам не удастся окончить картину, — мрачно сказал Престо.

Гофман, нахмурясь, молчал.

— Деньги плывут, как вода, — продолжал Престо. — Каждую неделю я подписываю чеки на несколько миллионов долларов. У меня осталось денег всего на неделю, но и для этого мне уже пришлось заложить мою виллу со всей обстановкой. Я уже не хозяин в доме...

— Этого можно было ожидать, — сказал Гофман.

— Да, я ошибся в расчетах, — склонив голову, ответил Престо. — В производственных расходах на постановку фильма я не ошибся. Постановка обходится даже дешевле, чем я предполагал. Мы экономим на ленте, на натурных съемках, почти совершенно обходимся без декораций, экономим на свете, на статистах, на костюмах, которые нам стоят гроши. Я не имею сценарного департамента с десятками писателей, сценаристов, литературных референтов. Вы знаете, я сам писал сценарий ночами, после бешеной работы днем. Я работал, как одержимый, без сна и отдыха, сэкономил, где только мог. И если бы дело шло только о

расходах на постановку, денег хватило бы с избытком. Но, признаюсь, я недооценил силы сопротивления и, главное, коварства наших врагов. Вы знаете, к каким только подлостям и каверзам не прибегали они, чтобы уничтожить меня, — борьба происходила на ваших глазах. Всюду чувствовали мы всеильную руку мощных концернов и банков, субсидирующих и монополизировавших кинопромышленность. Нам отказывались продавать киноаппаратуру, даже пленку. Приходилось прибегать к подставным лицам, посредникам, комиссионерам и за все платить втридорога. Прокатные конторы и владельцы кинотеатров заранее объявили о том, что они не допустят на экраны мой фильм. Надо было строить собственные кинотеатры. Каждый из них стоил не меньше миллиона, кроме одного, возле Сан-Франциско, построенного по вашей идее.

Гофман кивнул головой. В свое время он действительно подал Престо мысль — заарендовать возле Сан-Франциско участок старого военного аэродрома и построить кино, вернее только проекционную будку и гигантский экран для демонстрации картин не только вечером, но и при дневном свете. В этом своеобразном театре под открытым небом не было зрительного зала, не было кресел и стульев. Зрители могли въезжать в «зал» — на большую площадь аэродрома — прямо в автомобилях и смотреть картину, не выходя из них.

— Эта новинка, — продолжал Престо, — должна привлечь публику и сделать рекламу. Но она не спасет положения. Притом такой театр доступен только владельцам автомобилей, а вы знаете, что я делаю ставку на малообеспеченный, трудовой люд. Пришлось строить обширные закрытые кинотеатры в главнейших городах Америки...

Да, все это было известно Гофману, и Престо говорил ему о своих затруднениях только потому, что подводил итоги и еще раз проверял себя, где им была допущена ошибка.

— И вот баланс подведен. Сальдо — нуль, а работа не кончена, — меланхолически заключил он и вопросительно посмотрел на Гофмана, ожидая его ответа.

— Я предчувствовал, — сказал Гофман. — Что же теперь делать? Банки нам не придут на помощь, об этом, конечно, нечего и думать. Не найдется и столь легкомыс-

ленного частного кредитора, который дал бы деньги, хотя бы и на ростовщических процентах, под разоряющееся и явно безнадежное, с его точки зрения, предприятие. Значит, если мы хотим продолжать борьбу, нам надо изыскивать какие-то внутренние ресурсы. У меня, конечно, есть личные сбережения, но они вряд ли спасут положение.

— Ни одного цента я не взял бы из ваших сбережений, Гофман, если бы они и спасли положение, — возразил Престо. — Довольно того, что вы согласились работать в таком одиозном предприятии.

Гофман не мог скрыть радость и начал торопливо объяснять свою позицию:

— Вы правы, дорогой друг, правы больше, чем думаете. Участием в вашем предприятии я действительно скомпрометировал себя...

— И если оно лопнет, что весьма вероятно, вас могут не принять на другую работу, и тогда ваши сбережения понадобятся вам, как никогда, — помогал Престо своему другу, видя, как тот ерзает в кресле.

— Да, да... — торопился Гофман окончить этот неприятный разговор. — И они мне могут понадобиться скорее, чем мне хотелось бы.

— Вот как? Что вы хотите этим сказать?

Гофман развел руками, вздохнул и ответил:

— Дело в том, что мне уже намекали... даже ставили в некотором роде ультиматум...

— Оставить меня? — догадался Престо.

— Да, разойтись с вами. А если я не сделаю этого, то все предприниматели подвергнут меня бойкоту, и работа в кино для меня будет потеряна...

— И вы решили?..

— Что вы на меня смотрите, Престо, как Цезарь на Брута? — смущенно спросил Гофман.

— Жду последнего удара, мой Брут, — холодно ответил Престо.

— Я еще ничего не решил, мой Цезарь, — так же холодно возразил Гофман. — Я считал нужным только предупредить... — Неловкость положения вдруг разозлила его, и он резко воскликнул: — Ну что я могу поделывать! Один в поле не воин.

— Я от вас ничего не требую, Гофман, — печально

сказал Престо. — Не волнуйтесь. Все это понятно, и все это в порядке вещей.

Наступила тягостная пауза.

— Проклятая жизнь! — проворчал Гофман. — Поверьте, если бы я был в силах помочь вам...

— Вы бы и помогли, и нечего больше об этом говорить. Вы вольны поступать, как хотите, а я... может быть, вывернусь как-нибудь, — сказал Престо, поднялся и протянул руку. Гофман пожал ее и вышел тяжелой поступью.

Престо долго стоял, опустив голову. Потом прошептал с горькой улыбкой:

— Верный друг... до черного дня... Ну что ж? Теперь только добрый волшебник мог бы помочь мне спасти дело. Но, к сожалению, в жизни таких случаев не бывает...

ФЛЕРДОРАНЖ

Престо проснулся в шестом часу утра в своей большой белой спальне, где окна были закрыты, а чистый, охлажденный воздух подавался кондиционной установкой. Окинув взглядом комнату, Престо подумал: «Скоро совсем этим придется расстаться», — вздохнул, посмотрел на часы. «Можно еще полежать минут пятнадцать», — и протянул руку к ночному столику, на котором лежала стопка вечерних газет. Вчера он так устал, что не успел их прочитать.

Развернув первую газету, он начал быстро просматривать ее. Одна статья привлекла его внимание. Престо читал и хмурился еще больше. Потом вдруг смял газету, бросил на пол и воскликнул с негодованием:

— Какая гадость! — Откинувшись на подушку, он словно замер. Лежал неподвижно, со скаменевшим лицом. Только сдвинутые брови и учащенное дыхание говорили о внутреннем волнении и напряженной работе мозга. Прошло уже двадцать минут, а он все еще лежал в той же позе.

И вдруг, как человек, решивший трудную задачу, он ожил и резким движением протянул руку к кнопке электрического звонка.

— Себастьян! Скорее горячей воды для бритья! Приготовьте костюм! — сказал он вошедшему старому слуге, а сам в ночной полосатой пижаме и туфлях на босу ногу

устремился в ванную комнату, стены которой были облицованы розовым мрамором.

— Не знаете, мисс Эллен встала? — спросил он через открытую дверь, когда Себастьян принес воду.

— Мисс всегда с птицами встает, — отвечал старик.

«Не изменила своим привычкам», — подумал Тонио, улыбаясь, и сказал:

— Отлично! Приготовьте скорее кофе на веранде и скажите Джеффри, чтобы подал машину.

Через несколько минут он взбежал на второй этаж, быстро прошел длинный коридор и замедлил шаги, приближаясь к комнате Эллен.

Постоял возле двери, из-за которой слышалось пение девушки, перевел дыхание, согнал последние следы озабоченности со своего лица и постучался.

Эллен открыла дверь.

Косые лучи утреннего солнца золотили ее волосы и белое платье.

— Мистер Престо! — с удивлением, в котором не было ни тени неудовольствия, воскликнула она. — Что значит этот ранний визит!

— Мисс Эллен! — весело ответил Престо. — Утро чудесное, и мне пришла в голову мысль, не совершить ли нам прогулку, прежде чем ехать в студию. У нас сегодня большая работа, самые трудные кадры, а ничего так не освежает, как утренний воздух.

Беззаботное, веселое настроение Престо передалось и Эллен. Давно уже она не видела его таким жизнерадостным.

— Отличная мысль! — ответила девушка, улыбаясь.

— Тогда бежим, спешим! Кофе уже готов, а пока мы будем завтракать, шофер заправит и подаст машину.

Обжигаясь кофе и перебрасываясь шутками, они вели себя как школьники, которые придумали веселую забаву и спешат выполнить ее.

Со стороны подъезда послышался короткий гудок, оповещавший, что машина прибыла.

— Слышите? — сказал Престо. — Это судьба зовет нас. Поспешим же навстречу нашей судьбе!

В это утро поведение и слова Престо были загадочными. Скоро последние строения Голливуда остались позади.

Гладкая дорога уходила вдаль. На горизонте синели горы. По сторонам дороги тянулись плантации. В ветвях деревьев щебетали птицы. Чистое калифорнийское небо простиралось над плодородным краем. Утренний воздух был еще свеж и наполнен запахом горьких трав. Престо и Эллен дышали всей грудью.

— Как хорошо! — восклицала Эллен и жмурилась в лучах еще низкого солнца.

— Да, давно мы с вами не видали природы, — отозвался Престо.

В его лице, в позе отражалось глубокое удовлетворение, как у человека, благополучно перенесшего тяжелую операцию.

— Помните нашу хижину на берегу Изумрудного озера? — продолжал он мечтательно.

И, весело смеясь и споря, они начали вспоминать разные случаи.

— Ужасно строгой вы были хозяйкой, — шутил Престо. — Безжалостно изгоняли нас с Пипом, когда принимались за уборку комнаты.

— С мужчинами иначе нельзя, — отвечала Эллен. — Они не понимают, что мешают.

— С мужчинами! — рассмеялся Престо. — А кстати, какова судьба другого мужчины, подвергавшегося изгнанию?

Эллен вопросительно посмотрела на Престо.

— Да ведь вы меня вместе с Пипом изгоняли. Что с ним?

— Он в хороших руках, — ответила Эллен и, вздохнув, добавила: — Я не знала, удобно ли мне пересезжать в ваш дом с собакой.

— Непременно выпишем его! — поспешно воскликнул Престо, подметив в тоне Эллен нотку грусти.

По краям дороги замелькали низкие белые каменные заборы плантаций. Апельсиновые деревья были в цвету. Словно хлопья снега, белели среди густой зелени кисти цветов. Тонкий аромат наполнял воздух.

— Смотрите, сколько флердоранжа заготовлено для невест! — воскликнул Престо.

В одном месте ветки свесились через забор к самой дороге.

— Стойте, Джеффри! — приказал Престо шоферу.

Машина остановилась, Престо соскочил с автомобиля, сорвал несколько веток и вернулся.

— Едем дальше.

Машина двинулась. Престо подал флердоранж Эллен.

— Приколите к груди. А эту кисть к прическе. Вот так. Одна невеста уже есть.

Эллен покраснела, невольно вынула из сумочки зеркальце и взглянула в него. В белом платье, с белым флердоранжем она в самом деле была похожа на невесту.

— Не хватает только фаты! — заметил Престо, любуясь Эллен.

— Какой сват нашелся! — сказала Эллен, нахмурившись. — За кого же вы меня сватаете?

Престо посмотрел ей прямо в глаза, помолчал, наклонил голову и ответил тихо и серьезно:

— За себя.

Эллен побледнела, опустила глаза.

— Ваши шутки заходят слишком далеко, мистер Престо, — сурово возразила она.

— Это не шутки, — продолжал Престо тихо и серьезно. — Мисс Эллен! Вы помните, что сказал я вам, когда вы согласились играть роль героини? «Ваша судьба теперь связана с моей судьбой». Почему же эту связь не сделать еще крепче? Лучшей жены мне, право, не найти.

Это было так неожиданно, что Эллен, откинувшись на спинку, казалось, потеряла сознание. Глаза ее были закрыты, лицо еще больше побледнело. Потом губы ее задрожали, и она прошептала, не поднимая глаз:

— Я не могу быть вашей женой, мистер Престо!

— Почему?

— Потому что... Потому что вы знаменитый артист, миллионер, а я простая и бедная девушка. У бедных девушек есть свое самолюбие, мистер Престо.

— Я знаменитый артист? Я миллионер? — воскликнул Престо и, вновь понизив голос, продолжал: — Да, я был знаменитым артистом в моем прежнем существовании. Но теперь я такой же начинающий, никому не известный артист, как и вы. Известно ли вам, что даже вилла, в которой мы живем, заложена и нас могут выселить на улицу, если я в срок не уплачу долга? Как видите, мы теперь стоим одинаково. Вы стоите даже больше меня.

Потому что такая девушка, как вы, может рассчитывать на лучшую партию.

— Я никогда не смотрела на брак как на выгодную сделку, — горячо возразила она. — Я не боюсь нужды и заботы.

— Тогда в чем же дело? Я не нравлюсь вам? Вы меня не любите?

— Вы любите другую, — уклонилась Эллен от прямого ответа.

— Вы намекаете на мисс Люкс? — спросил Престо. — Правда, я увлекался ее красотой. Но когда узнал поближе, как человека, то убедился, что мы с нею совершенно разные люди... В мое последнее деловое свидание с нею я сам был поражен тем, что ее обаяние исчезло для меня. И тогда же я понял причину этого: вы вошли в мою жизнь.

На щеки Эллен возвращался румянец.

— Почему именно сейчас вы делаете мне предложение? Это так внезапно и, как будто, несвоевременно, если принять во внимание...

— Да, момент может показаться неподходящим. Но именно такой момент — лучшее испытание искренности и силы чувства... Вы знаете трагедию знаменитых и богатых людей. Эта трагедия заключается в том, что они никогда не уверены, отдадут ли им руку и сердце по любви или же из-за их славы и денег. Истинно любит только тот, кто не откажется от любимого и в тяжелое время, перед лицом нужды и жестокой борьбы за жизнь, как это и показано в моем фильме. Будьте же такой героиней не только на экране, но и в жизни! Это даст мне новые силы для борьбы, — заключил он с искренним чувством и осторожно положил свою руку на руку Эллен, с волнением ожидая ее ответа. Она глубоко вздохнула, помолчала и, наконец, ответила:

— Ни в счастье, ни в несчастье я не оставляю вас, Престо... Если вы только любите меня.

— А вы? Вы любите меня?

— Я полюбила вас еще там, на берегу Изумрудного озера. Полюбила прежде, чем узнала, что вы — Антонио Престо.

Престо поцеловал ее руку и крикнул:

— Джеффри! В киностудию! На полную скорость! Мы и так, кажется, опоздали.

— Заедем сначала в контору к вашему дядюшке, — сказал Престо.

Барри был очень удивлен, когда увидел входящих в его кабинет Престо и Эллен, украшенную флердоранжем.

— Мистер Барри! — воскликнул Тонио, здороваясь со стариком. — Я пришел вам сообщить о нашей помолвке. Надеюсь, вы, как опекун мисс Эллен и ее ближайший родственник, ничего не имеете против нашего брака?

Барри хотел что-то ответить, но поперхнулся от волнения. Откашлявшись, он сказал:

— Поздравляю. Я очень рад. Но как это неожиданно!

— Для родителей и опекунов это часто бывает неожиданно, — смеясь, ответил Престо и крепко пожал руку старого педагога. — А теперь, — продолжал он, — я вас попрошу вот о чем. Сейчас же, немедленно пошлите объявление во все газеты о предстоящем бракосочетании.

— Для чего это? — удивилась Эллен.

— Так делается всегда, — ответил Престо. — Теперь, мисс Эллен, идем в киностудию.

Войдя в большой павильон, Престо сразу заметил, что здесь творится что-то необычайное. Все помещение было полно: весь состав рабочих, декораторов, артистов был налицо. Пришли даже те, которые не участвовали в съемке эпизода. Декорации отодвинуты. Возвышался только пульт управления, с которого режиссер отдает свои приказания. Настроение у всех было приподнятое. Лица оживлены и взволнованы. Все как будто чего-то ожидали.

От толпы отделился один из статистов и громким голосом сказал:

— Всему коллективу известны затруднения, которые переживает наше кинопредприятие. Рабочие, служащие, киноартисты обеспокоены этим. К сожалению, мистер Престо не обсудил совместно с нами создавшегося положения вещей. Мы бы хотели его послушать сегодня.

Тонио Престо не мог не признать этот упрек основательным. Привыкнув работать самостоятельно, он вел себя не как глава кооперативного предприятия, а как директор фирмы. Ему казалось, что если сотрудники участвуют в дивидендах, то больше ничего и не нужно. Престо открыто

признал свою ошибку, объяснив ее своей неопытностью в общественных делах.

Затем статист-делегат сказал, что на митинге всех работников предприятия была принята такая резолюция: до окончания постановки картины все без исключения будут получать заработную плату в половинном размере, а если понадобится, то и меньше.

Это для Престо было большим облегчением, и он начал благодарить, но из рядов собравшихся послышались крики: «Не за что... Общее дело!.. Общие интересы. Лучше половина заработной платы, чем безработица!»

«Опять невпопад!» — с досадой на себя подумал Престо.

Вслед за этим был организован короткий митинг, на котором избрали комитет для руководства предприятием. А члены комитета избрали председателем Престо.

Кинопредприятие Престо ставилось на новые рельсы, изменяло свой характер.

Гофман хмурился и держался в стороне. Ему предлагали войти в ревизионную комиссию, но он отказался.

Когда со всем этим было покончено, рабочие взялись за работу с такой горячностью, словно шли на штурм.

Пока они наводили в павильоне порядок, нарушенный митингом, Гофман отвел Престо в сторону и сказал с озабоченным лицом:

— Я хотел вас предупредить о новой серьезной неприятности, касающейся лично вас и...

— Вы говорите о новой кампании, поднятой вечерними газетами?

— Я имею в виду и сегодняшние утренние статьи. Они дошли до еще большего бесстыдства...

— Да, а я ведь забыл сообщить моим товарищам по работе одну новость! — воскликнул Престо, как будто забыв о газетах, и направился к Эллен.

Гофман недоумевал. Ему казалось странным, что Престо придавал так мало значения новой газетной кампании и, вместо того, чтобы обсудить этот вопрос с ним, бежит сообщать какую-то новость.

А Престо, подойдя к Эллен и взяв ее за руку, громко сказал:

— Алло! Прекратите на минуту работу!
Наступила выжидательная тишина.

— Я забыл, дорогие товарищи, поделиться с вами моею радостью. Мисс Эллен Кей оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Эллен смутилась и подумала: «Ну зачем он придает нашей помолвке такую широкую огласку? Будто торопится весь мир оповестить от этом».

Послышались приветственные крики и дружные аплодисменты. Все бросились поздравлять Престо и Эллен. У Престо, как у президента на традиционном приеме в Белом доме, от рукопожатий заболела даже рука.

Артистки, которых уже давно привлекал флердоранж Эллен, окружили ее плотным кольцом. Наблюдательная Эллен обратила внимание на то, что некоторые артистки смотрели на нее как будто с сожалением, в иных глазах сквозила скрытая усмешка, а в улыбках оскорбляющая двусмысленность.

«Почему они на меня так смотрят? — думала она, испытывая смущение и тревогу. — Быть может, в них говорит скрытая зависть», — успокоила себя Эллен.

Декорации были поставлены на место, съемка началась. Никогда еще артисты не играли с таким подъемом. Сам Престо и Эллен превзошли себя.

Гофман вертел ручкой, испытывая необычайное волнение. Если фильм пойдет до конца на такой художественной высоте, то это будет мировой шедевр, и Гофман получит свою долю славы. Победителей не судят.

— Баста! — крикнул Престо, когда треск аппарата прекратился. — Мы сегодня, кажется, хорошо поработали. Ни одного кадра не пришлось переснимать.

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР

Вернувшись из киностудии, Эллен прошла в свою комнату. Она устала от работы и переживаний сегодняшнего дня. Ей хотелось разобраться во всем, что произошло. Эллен бережно поставила ветки флердоранжа в вазочку, прикоснулась губами к белым ароматным цветам и опустилась в глубокое кресло.

Не удивительна ли жизнь? Словно затейливый кинофильм «с неожиданными сюжетными поворотами», как говорит Престо. Спокойные видовые кадры Изумрудного

озера. Тишина, нарушаемая только отдаленным шумом гейзеров, их вечно повторяющийся, однообразный ритм отмечает течение дней, недель, месяцев, похожих друг на друга...

И вдруг будто обезумевший киномеханик бешено завертел ручку проекционного киноаппарата...

Путешествие, мелькание станций, городов, новые впечатления, новые люди... Вилла Престо... И вот она — простушка Эллен Кей — киноартистка, а Тонио Престо — ее жених.

Ей радостно и немного жутко... Как странно смотрели на нее в студии киноартистки. Неужели они все такие завистливые? И пусть завидуют! Эллен наполняет чувство гордости. Она победила этих разряженных кукол! Жаль только, что у Тонио столько неприятностей и огорчений. Почему люди так злы? Что им сделал Тонио?

Но это пройдет. Все устроится. И она будет счастлива с Тонио. У них будут дети. Без детей не полна жизнь. Если родится мальчик, она назовет его Тонио. Если девочка...

Эллен поворачивает голову, как бы ища ответа, видит возле кресла столик и на нем несколько писем.

Это удивило ее. До сих пор она ни от кого не получала писем, а тут сразу несколько. Поздравительные? Но не могло же это быть так скоро...

Эллен разорвала первый конверт. Там лежала сложенная в несколько раз газетная вырезка. Эллен начала читать и вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Статья была о Престо и о ней.

«Нескогда всемирно известный киноартист, — говорилось в статье, — составивший карьеру не столько сомнительным талантом, сколько своим исключительным уродством, никогда не отличался нравственностью. Газета имеет самые достоверные сведения о грязных оргиях, которые устраивал этот отвратительный урод в своей вилле. Его моральное уродство уже тогда превосходило безмерное физическое уродство...»

Далее вспоминалась темная история с мисс Люкс, к миллионам которой подбирался ловкий проходимец, не знающий чести и совести.

«Только беспримерная доброта мисс Люкс избавила его от пожизненного тюремного заключения, — говорилось в

статье, — а может быть, и электрического стула, давно вполне заслуженного этой аморальной личностью, этим чудовищем разврата...

Его преступления уже не вмещались в карликовом уродливом теле. Подозрительные «ученые», применяющие неразрешенные законом методы лечения, превратили маленького уродца в большого негодяя. Пропорционально выросли и его преступные «художества». «Новый Престо» уже не удовлетворяется тайными преступлениями. Развращенный до мозга костей, он бросает открытый вызов морали, общественному мнению, издеваясь над нашими добрыми американскими нравами. Он топчет их ногами, оскорбляет самые святые чувства, позорит нашу страну.

Он разыскал где-то девушку, — да будет ее имя известно всем: некую Эллен Кей, — очевидно, столь же безнравственную, как он сам, или же дурачку, не умеющую в области морали отличить правую руку от левой. Незаконная дочь сторожа Йолстоунского парка, очевидно, польстилась на мифические миллионы Антонио Престо. Напечатанные фотографии — Эллен Кей у открытого окна, со шваброй в руке, и Престо возле того же дома — не оставляют сомнения в правдоподобии всей этой истории. И вот Престо открыто поселяет ее в своем доме. Он...»

Но дальше Эллен не могла читать. Ее реакция была более бурная и острая, чем у Тонио. Эллен сорвалась с кресла и, словно перенесенная вихрем, уже стояла перед Престо, влетев в его кабинет без предупреждения.

СУДЬБА ФИЛЬМА РЕШАЕТСЯ

Взглянув на Эллен, Престо понял, что она знает все. Этого надо было ожидать. Рано или поздно она узнала бы...

— Нашей свадьбе не бывать, и я сейчас же уезжаю из вашего дома! — воскликнула она, почти с гневом глядя на него.

Престо поднялся и стоял молча. Он понимал, что надо дать вылиться этой вспышке негодования.

— Вы обманули меня! Не любовь заставила вас сделать мне предложение. Вами руководили самые благородные, самые рыцарские чувства. Я понимаю это и благодарю. Но

не могу принять этой жертвы. Вы только пожалели меня, а я... я поверила в вашу любовь...

Голос девушки прерывался, ноги не держали ее. В отчаянии она почти упала в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдала, как рыдают глубоко и незаслуженно обиженные дети.

Престо смотрел на нее с глубокой печалью, но все еще молчал. Пусть облегчит себя слезами. И только когда рыдания ее стали утихать, он подал ей стакан воды.

— Выпейте и успокойтесь, — сказал он нежно, но в то же время строго, как ребенку, которым она по своей натуре и была.

Зубы стучали о стекло стакана, вода проливалась на ковер, но она отпила несколько глотков и успокоилась. Тогда Престо сказал:

— Вы глубоко оскорбили меня, мисс Эллен!

Тонио достиг цели: она ждала с его стороны оправданий, защиты, а он сам перешел в наступление, обвинял ее. Эта неожиданность заставила ее сосредоточиться. Теперь она была способна слушать и понимать, что ей говорят.

— Я? Вас? — спросила, недоумевая, девушка и перестала даже плакать. Она продолжала только всхлипывать.

— Да, вы меня глубоко оскорбили, — повторил Престо.

Он вынул из верхнего бокового кармана шелковый синий платок с белыми горошинками и вытер ей глаза. Эта вольность тоже поразила ее, и она не знала, как на нее ответить. А Престо продолжал:

— Не будем больше плакать. Слезами не помочь. Поговорим серьезно. Вы оскорбили меня тем, что усомнились в моей любви к вам. Я не чудовищный преступник, каким изображают меня газеты, но уж и не такой рыцарь, как вы себе представляете. Я горячо воспринимаю всякую несправедливость, но, поверьте мне, не поспешил бы делать предложение первой обиженной, если бы в этой обиде был даже сам косвенно виноват. Признаюсь, не будь этих омерзительных газетных статей, я сделал бы вам предложение не сегодня, а завтра, быть может, послезавтра. Но я сделал бы его. Газеты только дали толчок, заставили меня самого понять острее и глубже, как я люблю вас, как дороги мне ваши интересы и ваша честь. Ведь поймите, если бы даже вы сейчас ушли из моего дома, это ничего уже не изменило

бы. Ваша репутация все равно осталась бы запятнанной. Могу ли я допустить это, любя вас? Ваш уход только подлил бы масла в огонь, дал новую пищу для грязной клеветы и очень сильное доказательство правоты врагов, а моей виновности. Нет, на удар этих бесчестных и бессовестных людей, которые не пощадили даже вас, не остановились перед вторжением в частную жизнь, оскорбили честь девушки, можно было ответить только таким ударом, каким отвечаем мы. Наш брак сразу выбьет оружие из их рук, заткнет им рот, и кампания клеветы прекратится. Вот почему я и спешил не только с предложением, но и широкой оглаской, которая так удивила вас. Вам все станет ясным, — продолжал он, передохнув, — если вы подумаете о причинах, которые создали всю эту гнусную газетную кампанию. Ведь это только одно звено цепи их борьбы со мною. Им во что бы то ни стало надо погубить мое дело. Они боятся не только конкуренции. Их пугает то, что это первый шаг к объединению киноработников в их борьбе с предпринимателями. Их пугает и то новое лицо в моем творчестве, которое им уже известно, — вскрывать социальные язвы нашего строя. Вот почему они так яростно ополчились на меня. Сначала они хотели уничтожить меня, доведя до разорения прежде, чем первая картина увидит свет. Это почти удалось им, но я нашел поддержку в моих товарищах по работе. Попутно враги все клеветали на меня. И вот теперь решили нанести новый коварный удар: последней клеветой посорить, разлучить нас с вами, раздавить морально, причинить психическую травму и тем самым вывести из строя двух главных действующих лиц фильма — вас и меня. И фильм, рассчитывали они, не будет окончен, если бы даже у меня хватило денег. И чем острее вы будете воспринимать удар, тем скорее они достигнут цели, тем больше будут торжествовать. Нежели мы сделаем им такое удовольствие? Пережить это, конечно, нелегко. Мне самому кажется, что за несколько часов я постарел на двадцать лет. Но я креплюсь, и сегодня как будто играл даже лучше обычного, хотя уже знал о газетных статьях еще вчера и носил эту тяжесть в груди. И еще одно. От окончания фильма зависит судьба не только нас с вами, но и товарищей по работе, готовых отказаться даже от заработка, только бы спасти дело. Общественные организации прихо-

дят нам на помощь. Неужели же у нас не хватит сил, и мы уступим? Неужели именно теперь вы покинете меня и возьмете обратно свое слово?.. Судьба фильма, судьба всего предприятия в ваших руках.

Эллен уже не плакала. Но лицо ее выражало страдание. Она колебалась. Престо с волнением наблюдал за нею, ожидая ответа. Наконец она сказала:

— Мне очень трудно, но я постараюсь закончить картину.

— И стать моей женой? — быстро спросил Престо.

— На этот вопрос сейчас ответить еще труднее... Не торопите меня, Престо. Дайте мне подумать.

— Хорошо. Я подожду. Работа над фильмом успокоит вас, и тогда мы займемся нашими личными делами. Не так ли?

И, успокоенный, уверенный, что все кончится благополучно, он поцеловал ее руку.

ТРИУМФ

Объявления о предстоящем браке мисс Эллен Кей с мистером Антонио Престо сделали свое дело. Газетная кампания клеветы и инсинуаций затихла. Но следы ее остались. Престо видел, как глубоко страдает Эллен. Играя роль героини, она собирала все свои силы, чтобы сосредоточиться, но ее внимание, видимо, раздваивалось. Чего не бывало с самого начала постановки фильма — некоторые кадры приходилось переснимать. К счастью, конец сценария был полон трагических переживаний героя и героини. Престо и Эллен могли вкладывать в исполнение личные глубокие переживания. И некоторые сцены проходили с потрясающей силой жизненной правды. Даже Гофман, привыкший ко всему, чувствовал необычно волнение и нервную дрожь в руке, вертевшей ручку киноаппарата. Игра Эллен временами поднималась до вспышек подлинной гениальности. После окончания съемки таких сцен в ателье наступала необычная тишина. Все были потрясены, подавлены исполнением. На глазах женщин и даже мужчин блеснули слезы. Однажды рыжий, дюжий шотландец-плотник, сам немало переживший в жизни, неожиданно шумно захлюпал носом, и по его белому с веснушками лицу

покатились крупные слезы. Он сам был удивлен этим и смущен. Никогда в жизни он не плакал над собственными несчастьями, а тут не выдержал. Но разве миллионы таких же простых людей не переживали подобного? Гофман больше не сомневался в том, что это будет один из тех мировых фильмов, которые везде и всюду потрясают сердца и исторгают слезы. «Быть может, Престо и прав, избрав этот новый путь», — думал Гофман.

А Престо, окончив съемку, с головой уходил в хозяйственные дела. Теперь ему помогали комитет и правление официально открытого кооперативного товарищества. Начатое им дело было подхвачено другими. Это вначале несколько смущало его, подчас вызывало и неудовольствие: он уже больше не являлся единоличным вершителем судеб предприятия. Для него нелегко было освоиться с новым положением вещей, но отступать было поздно — другого выхода не было.

Скоро выяснилось, что отказ коллектива от части заработной платы еще не спасает положения. Денег по-прежнему не хватало. Комитет и правление обратились к профессиональным организациям и организациям народного фронта. Предприятие приобретало, к неудовольствию Гофмана, все более широкий общественный характер, становилось все более «левым», все более «красным». И борьба обострялась. Газеты писали о финансовом крахе престовского предприятия, потом о том, что оно захвачено «жидомасонами», либералами, коммунистами, что Престо «продан красным» и стал игрушкой в их руках. О фильме писались самые невероятные выдумки. Уверяли, что он потрясает все основы политики и морали, цивилизации и религии и чуть ли не угрожает самому существованию Штатов. Собирались голоса, требовавшие запрещения фильма.

В довершение неприятностей Эллен явно избегала Престо. Они виделись только в студии. Под разными предлогами Эллен отказывалась возвращаться домой с Престо в одном автомобиле, дома тотчас запиралась в своей комнате.

В таких условиях приходилось работать и заканчивать фильм. И все же он был закончен.

Начались демонстрации фильма на экранах престовских кинотеатров. Успех превзошел все ожидания. Публи-

ка валила валом. Игра нового Престо возбуждала такой смех, которому мог бы позавидовать и уродец Престо. Но в этом смехе было что-то новое. Это уже не был животный, физиологический смех. Скорее его можно было назвать смехом сквозь слезы.

Особенное впечатление на зрителей произвели сцены, в которых участвовала никому не известная артистка Эллен Кей. Зрители, наполнявшие зал, почувствовали необычайную простоту и искренность игры Эллен. И поэтому восторгам публики не было конца. Какая-то пожилая женщина с большими красными руками, глядя, как управляется Эллен с бельем, громко воскликнула:

— Сразу видно, что эта артистка умеет стирать! И откуда они такую выкопали? Ишь, как орудует!

В ее устах это была высшая похвала.

Подлинное искусство понятно всем. Мнение старой работницы совпадало с мнением нескольких виднейших критиков, которые явились посмотреть новый фильм.

— Поразительно! — сказал один из них своему собрату по перу. — Откуда Престо взял такую артистку? Поверьте мне, она затмит собою самые яркие звезды кинематографии.

Престо, Эллен и Гофман сидели в отдельной ложе, внимательно наблюдая, какое впечатление производит картина на зрителей. В тех местах, когда зал дрожал от смеха или слышались всхлипывания женщин, расчувствованных игрою Эллен, они невольно сами поглядывали на экран.

— Вот видите, — говорил Престо, обращаясь к Эллен. — А вы еще боялись, что испортите картину.

Гофман курил сигару за сигарой, одобрительно покрхтывая.

Необычайный успех сделал свое дело. Барыш есть барыш, а «деньги не пахнут», каково бы ни было их происхождение, — так смотрели на вещи еще коммерсанты Древнего Рима, которые пустили в оборот эту пословицу. Многие предприниматели не устояли перед барышами, которые давал новый фильм, и начали брать его в прокат. Фронт был прорван. За отдельными предпринимателями потянулись компании, а следом за ними и крупные концерны. Фильм начал свое победоносное шествие по Америке и Европе.

Даже газеты враждебного лагеря не могли не признать высоких достоинств сценария, музыки, кстати сказать, написанной самим Престо, и мастерства исполнения. Новый Престо и Эллен сразу взошли на небосклон мировой кинематографии как звезды первой величины. Но и остальные участники, почти вся молодежь, изумили своей игрой, что составляло бесспорную заслугу режиссерского дарования Престо.

Питч рвал и метал в бессильной злобе.

«Надо было озолотить этого ловкача Престо, но не выпускать его из рук. Кто знал?..»

Люкс меланхолически думала:

«Я, кажется, сделала большую глупость, оттолкнув Престо. Но кто же мог подумать?..»

ЭТО ТА...

Однажды Эллен в обществе Престо, Гофмана и двух киноартисток подъехала к фешенебельному кинотеатру. Исполнителей престовского кинофильма интересовало, как на него реагирует аристократическая публика. Престо с большим трудом удалось уговорить Эллен посхатъ с ним.

В автомобиле Тонио, пользуясь тем, что киноартистки были заняты оживленным разговором с Гофманом, тихо спросил Эллен:

— Когда же вы дадите мне ответ, Эллен?

Она догадалась, о чем ее спрашивает Престо, но ничего не ответила, только губы ее дрогнули.

Сходя с автомобиля, Эллен увидела двух дам в дорогих манто. Они с острым любопытством смотрели на нее.

— Смотрите! Это та, о которой писали газеты! Новоявленная звезда экрана и amante (любовница) Престо, — довольно громко сказала остроносая дама.

— Да, это она! — подтвердила полная. И они бесцеремонно проводили Эллен взглядами.

Эллен смертельно побледнела, словно ей публичнонесли пощечину.

Весь киносеанс она просидела неподвижно в глубине ложи, даже не взглянув на экран. Напрасно Престо пытался вывести ее из задумчивости. Поведение Эллен уже начинало беспокоить его.

Зрительный зал бурно аплодировал, словно на экране были живые артисты.

«Неужели даже этот ошеломляющий успех не трогает ее?» — с тревогой думал Престо.

Не проронив ни слова, Эллен вернулась домой и тотчас заперлась в своей комнате. Больше она не могла сдерживаться и дала волю слезам.

В дверь постучались.

«Престо, — подумала Эллен. — Как не вовремя. Бедный! Он ждет ответа. Но что я могу ему сказать?..»

Она вытерла слезы платком и открыла дверь.

Перед нею стояла компаньонка, миссис Ирвин.

— Простите, мисс, но я не задержу вас, — сказала она, глядя в покрасневшие от слез глаза Эллен. Не ожидая приглашения, она уселась в кресло и сказала: — Вы плакали, мисс. Я это вижу по вашим глазам.

— Я и не скрываю, — ответила Эллен.

— Да, вам есть о чем поплакать. За необдуманные поступки, за легкомысленное поведение всегда приходится расплачиваться слезами, — нравоучительно заметила миссис Ирвин.

— За какие необдуманные поступки, какое легкомысленное поведение? — спросила Эллен, чувствуя, как кровь заливает ее щеки, лицо.

Миссис Ирвин насмешливо смотрела на нее.

— Будет вам, — строго сказала она. — Передо мной вам нечего изображать овечку и угнетенную невинность. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

— Уверяю вас, что не знаю.

— Будто бы? — с улыбкой спросила миссис Ирвин. — Вы одна не знаете того, о чем пишут все газеты, кричат и говорят на всех перекрестках во всех штатах Северной и Южной Америки?

— Неужели вы верите этой клевете? — с негодованием воскликнула Эллен.

Миссис Ирвин пожала плечами.

— Почему же обо мне ничего подобного не пишут? Нет дыма без огня. Но дело сейчас касается не вас, а меня. Мистер Престо обманул меня, ввел в крайне невыгодную для меня сделку, пригласив в ваши компаньонки, а по

существо — чтобы прикрывать моим присутствием раз-
врат...

— Вы забываетесь, миссис Ирвин! Разговор в таком тоне не может продолжаться!

— Успокойтесь. Он скоро кончится, — строго сказала миссис Ирвин. — Поверьте, что мне самой говорить с такой особой, как вы, не доставляет ни малейшего удовольствия. Я не содержантка. Я бедная, но честная женщина. Честь, доброе имя — весь мой капитал, все мое состояние. А я могу потерять его, оставаясь в этом доме... Я вынуждена покинуть вас.

— И чем скорее вы это сделаете, тем лучше, — сказала Эллен, чувствуя, что еще минута, и она не сможет сдержать себя.

— Об этом не беспокойтесь. Я уже приказала собрать мои вещи и подать автомобиль.

Гордо поднявшись, не протянув руки, даже больше не взглянув на Эллен, миссис Ирвин величественно выплыла из комнаты.

Эллен почти без чувств упала на кушетку.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Все в порядке. Картина имеет успех. Предприятие спасено. Теперь остается одно: покончить с одиночеством холостяка.

Престо в приподнятом настроении ходил по кабинету. Он ждал Эллен, которая должна была дать ему ответ: будет ли она его женой.

Эллен опаздывала, в нетерпении он все ускорял шаги.

Но вот, наконец, в дверь постучались. Престо бросился открывать, с намерением без слов заключить в объятия свою невесту. Широко распахнул двери и увидел перед собою мистера Барри — дядюшку Эллен.

Старик был застегнут на все пуговицы и имел озабоченный и даже печальный вид.

— Мистер Барри! — воскликнул Престо, не будучи в силах скрыть свое разочарование. — Рад вас видеть. Здравствуйте. Но, признаться, я ожидал встретить мисс Кей. Надеюсь, с нею все благополучно?

— Она здорова, — ответил Барри. — Но... Эллен просила меня переговорить с вами.

У Престо сразу упало настроение.

— Прошу садиться, — сказал он осекшимся голосом. — Почему же она сама не могла переговорить со мною?

Они сели.

— Это для нее было бы трудно, тяжело... Ведь она любит вас, мистер.

— Она отказывается быть моей женой? — быстро спросил Престо.

— Да, к величайшему сожалению.

— Но, боже мой! Почему? Какая причина?

— Я полагаю, что вы сами знаете ее не хуже меня.

— Мерзкая клевета в газете. Но ведь это же дело конченное, — горячился Престо.

— Это дело не может быть конченным, мистер Престо. Вы знаете пословицу: «Бросай грязью, что-нибудь да останется».

— Ничего не останется. Брак — лучший способ смыть эту грязь. И стоит ли обращать внимание?

— Выслушайте меня, мистер Престо. Поверьте мне, что я сам глубоко опечален тем, что ваш брак расстраивается. Но я вполне согласен с Эллен. Этого не должно быть.

— Но зачем же тогда... до сих пор она ничем не дала понять, что ее ответ будет отрицательный?

— Она щадила вас и заботилась о судьбе картины, не хотела вас расстраивать, пока не будет снят последний кадр. Ведь и вы хотели скрыть от нее клевету в газетах.

— Быть может, у нее возникли сомнения в том, по любви ли я женюсь на ней или же только из благородного побуждения?

— Она верит в вашу любовь так же, как и я, и не сомневается, что вы ее искренне любите. Но послушайте, что она говорит: «О клевете знает вся страна. И меня теперь знает вся страна как новоявленную кинозвезду. И чем больше будет моя известность, чем выше пьедестал, тем большее количество людей будет указывать на меня пальцами, двусмысленно подмигивать глазами, говорить: «Это, знаете, та самая...» Разве мало людей покрывали браком незаконную связь, но пятно все же оставалось?

— Но ведь наши отношения были совершенно чисты!

— Не сомневаюсь в этом ни на одну минуту, — возразил Барри. — Но в этом-то и заключается весь ужас клеветы: каждый волен ей верить и не верить.

Престо схватился за голову и воскликнул:

— От этого с ума можно сойти! Неужели она решила отказаться и от артистической карьеры? Ведь она сразу получила то, о чем тщетно мечтают миллионы людей...

— Славу, деньги, хотите вы сказать? — перебил Барри. — Честь человека дороже славы и денег. По крайней мере, мы с Эллен так думаем.

— Я так же думаю, — с некоторым неудовольствием ответил Престо. — Но это потеря для искусства, для людей.

— Вы сами как-то рассказывали мне, как какая-то психопатка просила вас сохранить ваше безобразие, вашу незаживающую рану, для искусства и людей. И вы вполне разумно тогда ответили ей, что такое требование нелепо и эгоистично.

Престо сознавал правдивость этих доводов. Он был подавлен и обезоружен.

Они печально глядели друг на друга. Наконец Престо сказал:

— Что же вы думаете с нею делать?

— Уйти в неизвестность, уйти туда, где нас никто не знает, и жить скромной и незаметной жизнью... И еще она просила вас передать, что искренне желает вам счастья и никогда не забудет вас... Я не сомневаюсь, что она никого больше не полюбит, это не такая девушка. Но ее жизнь разбита. — Барри поднялся и протянул Престо дрожавшую от волнения руку. — Благодарю вас, мистер Престо, за все и прощайте.

— Но разве я не могу видеть ее, проститься с нею? — воскликнул Престо.

— Для нее это было бы слишком тяжело. Она уже уехала из дома.

И Барри нетвердой походкой глубоко страдающего человека вышел из комнаты.

Престо опустился на стул и сжал голову руками.

Вошел Себастьян, повздыхал, потоптался возле двери и сказал:

— Мисс Кей уехала, а мистер Барри заказал автомобиль.

— Я знаю, Себастьян, — ответил Престо, не отнимая рук от головы.

Себастьян не уходил, он вздыхал возле двери.

— Я знаю также, о чем ты хочешь спросить меня, — сказал Престо. — Мисс Эллен и мистер Барри уехали со всем. Свадьбы не будет. Мы опять остались с тобой вдвоем, старина.

В комнате на время настала тягучая и томительная тишина. Потом, как бы забыв о присутствии Себастьяна, Престо сказал себе вслух:

— Впрочем, нет. Теперь я не один. Правда, враги нанесли очень тяжелый удар. Ну, что ж, этим самым они только помогли мне еще яснее определить свой путь. Теперь меня уже никто не собьет, — буду мстить и бороться до последнего издыхания.

Себастьян со страхом и уважением смотрел на пылающее лицо Тонию, полное решимости и гнева.

Рассказы

НА РАСПУТЬЕ

СПОЛЬДИНГ вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубоглазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить немного денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу... Это, конечно, не легко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлекался спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной жажды богатства, такого аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, путив в ход и волю, и жажду, и зубы, и

когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой прорвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоделал и ожесточался; он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве для ращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид, поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал он по узкой комнате с окном во двор и слушал, как за стенкой кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звуки напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был

тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнять музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг послышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену. Звуки умолкли.

КОРОЛЕВА СЛЕЗ

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг... Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адамс, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адамс свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался:

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адамс!

Но миссис Адамс не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адамс повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез», — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адамс позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходившая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами. Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адамс. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусственные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был большой, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер. Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучил ее. Аттестация, данная миссис Адамс, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставить людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила

Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей ноги не начинают сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горючие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом. Лючия Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописи и звукозаписей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже удалось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии.

Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно вместе с нотами выпал из портфеля

один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за кабалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал: «Интересно. Пожалуй, из этого может выйти толк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монопольно. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, ни обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удастся написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламывает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фиксировать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждался бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами посыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?» Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно. «Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прескрасно замещают работу мозга. Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено». Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адамс. Был поздний час, веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольдингу покойной ночи и ушла.

ЭВРИКА!

После того как Спольдинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольдинг однажды, возвращаясь домой в вагоне подземной железной дороги, прочитал в газете:

«КОНЦЕРНУ БЭКФОРДА УГРОЖАЕТ КРАХ».

Спольдинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось, что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских конферансье. Это Спольдинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляп или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он начал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, граммофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и острот. Заказчик требовал, чтобы в программах, составленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнял это требование: слушатели смеялись от девяти до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать.

Все, что требуется от профессионала, — умело подбирать старые остроты.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере дела «концерна» шли успешно.

Бэкфорд оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими — и даже обзавелся банком.

И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной.

По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти, девяноста, ста «обязательных».

Сбыт сокращался...

Почему? Спольдинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств.

Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался ответить на вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть природу смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может, они сводятся к пяти-шести «формулам». И если их найти и умело применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принцип прекрасного? И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставлять хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы не стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гегману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон:

— Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взгля-

нув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок.

Под смех пассажиров он кинулся к выходу. С того дня Спольдинг засел за работу...

ПУТЬ К СЛАВЕ

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Да, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было по две недели от роду, нас купали в одной лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, задумался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

«В чем тут секрет смешного?»

Спольдинг открыл книгу Анри Баргсона «Смех». «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действительность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адамс подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял перед зерка-

лом и делал страшные гримасы. Стук в дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну конечно, это миссис Адамс идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адамс открывает дверь. Спольдинг делает на встречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адамс не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь прошу вас в кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, идиотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адамс окончательно испугалась. Растерянно заметалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса, вызвала не смех, а испуг.

Когда наконец хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причины неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адамс равнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собиравшегося на веранде (он вновь начал появляться там). Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пенсионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе более трудные задачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В

пансионе Адамс появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. Притом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг стал демонстрировать свои испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колено здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание: ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал острот и анекдотов всех времен и народов. Не мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адамс и, к ее величайшему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, погово-

рить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых остроумий и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и потому Спольдинг принялся изучать среднего американца — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового среднего американца Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвокатам, конференсье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педагогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шут-

ками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней»; «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много клиентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотразимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею, принимавшему разнообразие облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином. В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд платит Спольдингу ежемесячно твердую плату. Сверх этого, как только доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньше желания проявлял Бэкфорд соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.

Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул

Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

ВВЕРХ ДНОМ

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок мучительного смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду наконец удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог толком сообразить, что, собственно, произошло. Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым,

щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завывали, залаяли, зафыркали, закашляли, заохали, захохотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безнадежных людей.

Бэкфорд попытался восстановить в памяти происшедшее, но это нелегко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый «мертвый час» Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключать временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалилась нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся набрасывать краткие, но точные приказы своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам министерства финансов, редакторам газет, как вдруг — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря послышался непристойный шум, который мог нарушить стройное течение его мыслей, тем самым причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу. Глава фирмы уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, пронизывающим взглядом, от которого приходили в смущение самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожиданное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времен своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордовского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты? Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вызвавшая у Бэкфорда неудержимый смех.

— Чек пишите на предъявителя.

Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы мистера Бэкфорда. Астматического телосложения босс начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках кололо и не

хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смеяться. Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов это и не так страшно. Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали. Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу, чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал немедленно арестовать предъявителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать! Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставить стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо!

«Тысячу чертей! Так он успеет убежать!..»

Наконец ему удалось выговорить вторую фразу:

— Арестуйте молодого человека в сером костюме и в соломенной шляпе. Спольдинга! Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно!

Бэкфорд позвонил личному секретарю. В кабинет вошел высокий худой человек, согнувшийся, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, залихватским смехом, и тело его так дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и обессиленный уселся на ковер.

Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам. Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон. Бэкфорд снял трубку. Первое, что он услышал, был смех — буйный, неудержимый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первый этаж.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались поговорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались, но неудачно, задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три полисмена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд. И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

КОРОЛЬ СМЕХА

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное

происшествие в небоскребе Бэдфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ишек бросились по городу разыскивать Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскивались очень просто. Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычайное. Стены дома превратились в экран дневного кино, а на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукторы. И «нападающие», роняя «вечные» перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты. Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской атаки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению экраны погасли и рупоры замолчали. Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг наконец богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и надо было сделать все, чтобы не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разыскать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт. Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с бриллиантовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за меня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смущать меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая

женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. Я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого. Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонируйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... наш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь.

Отпустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка.

— Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.

Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, какие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак,

она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. Тоже сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация! — Файт выходит за Короля смеха в небесах. Неделю, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои «смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила в низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унижительное положение без звука протеста. Решительно с ним делалось что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким залихватным смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове прерывая себя смехом. — Как это говорил старик Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, поставленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным. Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то сборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увы, понял сразу слишком много. И поистине я

попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я засмеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шутки, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите наконец в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих. Его пришлось отвезти в больницу. Главный врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинга убил дух американской машинизации.

— ПО ВСЕМУ видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лаки, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалья, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, наркоз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалья. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть... — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам.

Но, кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеясь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Красс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Красс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Красс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну, разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Красс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Красс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я тоже надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать вам, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Красс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

* * *

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Красс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами закрипел песок.

— Осторожнее. Лестница. — Предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Крассу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Скрипнула дверь, и знакомый голос Красса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Крусс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Крусс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — ответил Крусс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Крусс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение

электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом, орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже продолбить мне череп, если потребуется.

— Ну что ж, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель в жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вировала всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Крусс.

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова и глаза его были забинтованы. Красс сидел возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверное, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель. Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Красс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Красс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да, ну же, что вы видите? — вскричал Красс, срзая в кресле.

Но Доббель замолчал.

Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался.

Красс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка.

Когда появилась санитарка в белом халате, Красс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Красс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Крусс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю!

— Удивительно. Передо мною проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, ведь вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалеете же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как! Почему! Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Красс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался! А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Красс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдиссона, — кивнул головой Красс.

— А знаете что, господин Красс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдиссона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и в особенности мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Красс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее угадывал, как свет — ток от ведущего токонесящего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубоватые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы. Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра электронов и магнитных токов самой Земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Красс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Красс купался в лучах славы.

Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитывала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Красс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Красс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим призрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего дого-

вора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходячим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливейший день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незначем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

* * *

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой

в руке Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

Лаборатория Дубльвэ	5
Человек,нашедший свое лицо	79
Рассказы:	
Мистер Смех	247
Невидимый свет	270

Александр БЕЛЯЕВ
Собрание сочинений
Том 8

Редактор *В. Поситко*
Художник *М. Тимофеева*
Технический редактор *В. Петренко*
Корректор *В. Ляшенко*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в
печать 27.12.93. Формат 84х108 1/32. Бума-
га офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
15,12. Уч.-изд. л. 15,71. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1089.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можай-
ском полиграфкомбинате Министерства пе-
чати и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ